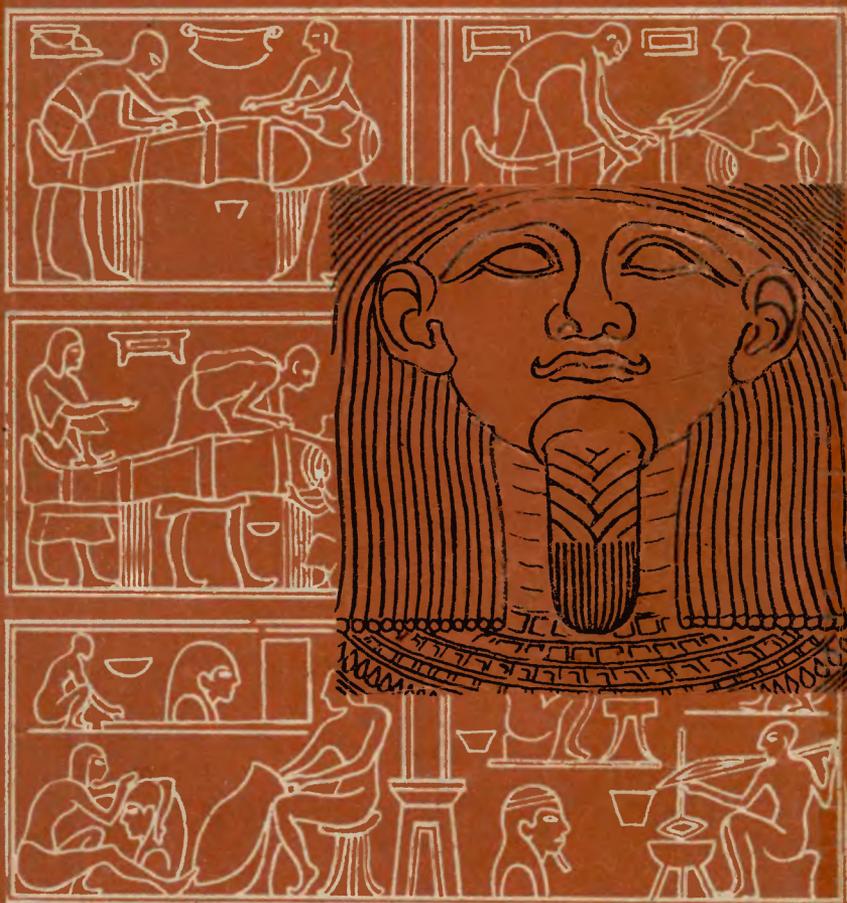

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Р.И. Рубинштейн

Р. И. Рубинштейн

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

книга для чтения

Пособие для учащихся

Издание пятое, переработанное

Москва «Просвещение» 1974

Рубинштейн Р. И.

Р 82 Древний Восток. Книга для чтения. Пособие для учащихся. Изд. 5-е, перераб. М., «Просвещение», 1974.

168 с. с ил.

Книга состоит из небольших статей, посвященных важнейшим событиям истории древнего Египта, Урарту, Междуречья, Персии, Индии, Китая. Большое внимание в книге, написанной на основе источников, уделено труду, быту и культуре народов древнего Востока.

Книга предназначена учащимся для внеклассного чтения.

ПАДЕНИЕ КРЕПОСТИ ТЕЙШЕБАИНИ

Душный августовский день сменился прохладной ночью. От реки Ильдаруни потянуло свежим ветерком. Луна еще не взошла, стало так темно, что едва можно было различить смутные очертания крепостных стен и дворца на холме, возвышавшихся огромной массой над рекой. В тишине отчетливо доносилось журчание воды и всплески волн. Казалось, все спит мирным глубоким сном.

Но тишина и покой были обманчивы. Во дворце не спали. Ни царь Руса, хозяин крепости Тейшебаини, ни его придворные не отдыхали уже много ночей. Совсем недавно враги разрушили до основания город Тейшебаини, расположенный с юга и запада у подножия холма. Город и крепость были построены недавно, и вокруг города еще не успели закончить сооружение крепостного вала. Поэтому скифы легко захватили город.

Многие жители все же успели бежать. Большинство укрылось в крепости, ища спасения за надежными стенами. В один-два дня им построили хижины, пригодные для временного жилья в теплое время года.

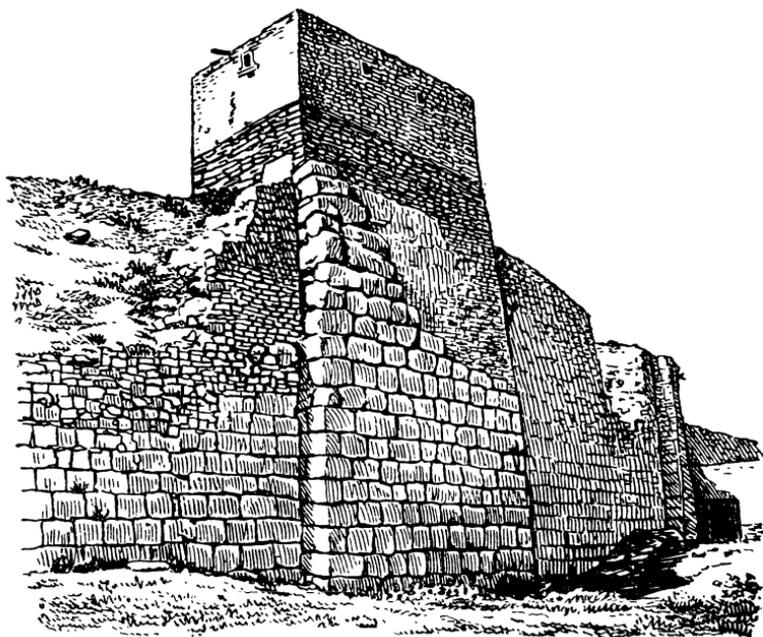
В крепости приготовились к длительной осаде. Дворцовые кладовые в нижних этажах здания были полны ячменя, пшеницы, проса, насыщенными в огромные остродонные сосуды, вкопанные в землю — *карасы*. Мыши уже не раз вылезали из своих нор полакомиться этим зерном. Рядом в большой комнате уже начали выжимать масло из кунжутных зерен. Только одна кладовая еще пустовала — хранилище вина. Это была длинная комната, разделенная на две половины толстыми квадратными столбами. У стен стояли карасы разных размеров, вкопанные в землю, так же как и зерновые. В них вмещалось от 400 до 800 литров вина. Но сейчас они пусты. Их вычистили и вымыли для вина, которое должны приготовить из нового урожая винограда. Он еще не созрел, и кто знает, успеет ли, и можно ли

будет его собрать. Ведь каждый день ожидали возвращения скифов, нового нападения и штурма крепости. Вот почему не спали во дворце военачальники, более надежно укреплялись главные ворота крепости, расположенные с южной стороны. Там день и ночь несла охрану вооруженная стража. Фундамент толстых стен крепости был сложен из больших каменных глыб, а верх из кирпича-сырца. Выступы делали стену еще более грозной и неприступной: ни вскарабкаться, ни перелезть через нее было невозможно.

Только маленькие ворота, со стороны города, охранялись слабее. Там как раз располагались шалаши беглецов — горожан, нашедших приют в крепости.

В маленькой сторожке у ворот сидел привратник, который в минуту опасности поднимал тревогу. Часто он коротал ночь за любимым занятием — из рога оленя вырезал бараньеголовую статуэтку, поглядывая на стоящий перед ним образец. На полу около него лежал материал, заготовленный для будущих изделий. Вдруг вдалеке послышался какой-то неясный гул, и вскоре конский топот разорвал ночную тишину. Часовые на сторожевых башнях подняли тревогу. Это полчища скифов подступили к крепости. Они подошли с северо-запада и начали яростный штурм.

Тучи стрел с бронзовыми треугольными наконечниками посыпались через стены. Вслед за ними полетели смоляные факелы.

Урартская крепость. Реконструкция.

лы, рассыпая целые снопы искр. Огонь попал на сухие ветки, покрывавшие кровлю хижин. Они вспыхнули. Пламя перекинулось на крышу дворца, и вскоре в крепости запылал огромный костер, освещая багровым заревом всю округу, отражаясь в реке огненными языками. Люди в ужасе заметались, задыхаясь от дыма и жара. Они выскакивали из комнат дворца, бросая все, и бежали к большому южным воротам крепости, куда огонь еще не достиг.

Потом загорелись сарай, где находились животные. Они разбили стойла и с диким ревом носились по двору крепости, пытаясь спастись от огня. Некоторые из них, вбежав по покатоному настилу на крышу дворца, вместе с горящими балками проваливались вниз, в комнаты.

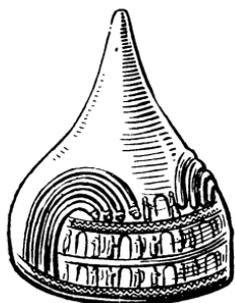
Скифы ворвались в крепость. У главных ворот завязалась ожесточенная борьба.

Пламя уже охватило весь дворец. Стены обваливались; толстые балки, на которых держалась крыша, потеряли опору и с грохотом рухнули. Пожар бушевал со страшной силой. Вдруг в середине дворца взвился огромный столб ярко-красного пламени и едкий, густой дым клубами поднялся вверх — это загорелась кладовая кунжутного масла. От сильного жара стены из серых необожженных кирпичей стали красными, как после обжига в печи, а потом раскололись.

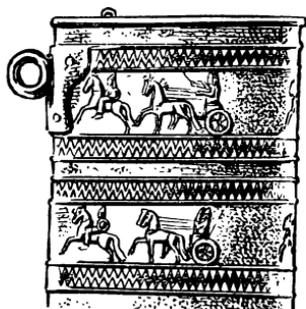
Долго горела Тейшебаини — крепость древних урартов, несколько дней дымилось пепелище. Много людей погибло во время этого набега скифов. Одни сгорели, так и не успев выйти из зданий, охваченных огнем, другие пали в ожесточенных схватках, часть людей была уведена в плен. Но и не все скифы возвратились домой — многие из них сложили головы в бою, погибли в пламени пожара.

Прошли века. Высокие обгоревшие стены дворца, сложенные из кирпича-сырца, постепенно разрушались от дождя и холода, жары и ветра и все больше обваливались. Песок и земля постепенно засыпали всю крепость, сравнив ее с поверхностью холма. И никто уже больше не знал, какая трагедия произошла там в одну из августовских ночей, более двух с половиной тысяч лет назад. Так и стоит высокий холм на берегу реки Ильдаруни (совр. Раздан) в окрестностях Еревана. Кармир-блур — «Красный холм» — называют его за красноватый оттенок — след древнего пожара.

Как же смогли так подробно описать падение крепости Тейшебаини, хотя с тех пор прошло более двадцати пяти веков? Но оказалось, что остались немые свидетели, которых только надо заставить говорить, — вещи и надписи, сохранившиеся от тех времен, когда произошли эти события. Чаще всего такие памятники скрыты от человеческих глаз. Их надо выкапывать из земли, вынимать из-под обломков зданий и развалин крепостей. Это делают ученые — историки-археологи.

Шлем царя Аргишти.

Урартский колчан.
Фрагмент.

Сосуд из крепости
Тейшебаини.

Не случайно начали раскопки на Кармир-блуре. В 1936 г. был найден обломок камня с клинописью. Надпись прочли, там было имя урартского царя Русы, сына Аргишти. Сделали пробные раскопки (разведочные), и оказалось, что красная почва — это разрушившиеся обгоревшие кирпичи, которые с течением времени превратились в пыль и песок. Значит, здесь когда-то было здание, которое сгорело. И в 1939 г. под руководством археолога Б. Б. Пиотровского начались раскопки Кармир-блур, которые продолжают до сих пор.

Познакомимся с теми памятниками, которые позволили нам описать гибель крепости Тейшебаини.

Название крепости узнали из надписи на кольце от дверного затвора. В ней говорилось: «Русы сына Аргишти крепость Тейшебаини» (т. е. «Город Тейшебы» — главного бога урартов). О названии реки, протекавшей около крепости, узнали из другой надписи Русы: «По приказу бога я этот виноградник развел, поля с посевами, плодовые сады кругом развел, канал из реки Ильдариуни я провел». И сейчас еще можно видеть следы этого канала.

О том, что на крепость совершили набег скифы, узнали по многочисленным наконечникам скифских стрел, найденным в кирпичных развалинах северо-западной стены. О том, что стрелы принадлежали именно скифам, можно судить по форме наконечников, которые встречались только у этих племен. На пути от реки к крепости был расположен город. Поэтому скифы должны были раньше занять его, а потом уже начать штурм крепости. О том, что в городе жили ремесленники и земледельцы, а возможно, и простые воины, можно судить по фундаменту небольших зданий. Знать урартов и богатые рабовладельцы не жили в таких маленьких домах. Там даже не было больших кладовых, в которых можно хранить запасы пищи. Значит, жители города все продовольствие получали из крепости, из казенных

царских кладовых. Когда им давали мясо, они делили одну тушу быка между несколькими семьями: кости одного и того же животного найдены в различных домах. Кроме того, в домах нашли утварь, различные инструменты. Скифы внезапно напали на город, жители его поспешно убежали, не успев забрать свое имущество.

У северо-западных ворот внутри крепости раскопали остатки временных хижин. Очевидно, там поселились беженцы из города. Они думали, что толстые стены крепости будут служить им надежной защитой.

Вероятно, урарты ожидали, что скифы не ограничатся захватом города, а будут наступать и на крепость. Укрепили южные ворота, главный вход. Но атака была неожиданной. Сторож мирно сидел, вырезая из рога статуэтку. Она осталась неоконченной... В одной из хижин даже остался пучок травы, приготовленный около очага для разжигания огня.

У южных ворот шел упорный бой, там обнаружено много скелетов урартов и скифов. Урарты были не очень большого роста, значит, крупные кости принадлежат высокоим скифам.

В сохранившейся кладовой оружия осталось много мечей, кинжалов, наконечников стрел и копий, изготовленных из бронзы. Очевидно, защитники крепости не успели вооружить свое войско, не ожидая, что враг так стремительно нападет на Тейшебаини.

Осада, по-видимому, продолжалась не долго, так как в кладовых сохранилось много продовольственных запасов. На полу ряда комнат археологи нашли целые кости овец, коров. Следовательно, скот не был употреблен в пищу, а погиб во время пожара. По расположению скелетов можно судить, что животные падали с большой высоты, с крыши. Во время пожара она обвалилась вниз. Высота комнат дворца достигала семи метров, поэтому, падая, животные разбивались.

О пожаре нам говорят обуглившиеся кости животных и сохранившиеся на них куски мяса с кожей, обгорелые стены, огромные толстые обожженные балки, масса угля в каждой комнате от сгоревших деревянных частей здания. В той комнате, где сохранились приспособления для выжимки кунжутного масла, кирпичные стены красного цвета. Жар от горевшего масла был так силен, что кирпич оказался обожженным, как в специальной печи для обжига. Пожар и гибель Тейшебаини произошли в начале VI в. до н. э.

А о том, что это событие произошло в августе, можно догадаться по целому ряду признаков. Так, например, среди травы, найденной около очага, есть цветы василька и овсянки. На берегу реки Ильдаруни они цветут только в конце июля или в августе.

Сохранившиеся кладовые были полны зерна. Но сбор урожая происходит не в июле месяце, а в середине августа. О се-

редине августа говорят пустые винные карасы, так как новый урожай винограда еще не поспел.

О том, что нападение произошло ночью, нет никаких доказательств. Просто можно предположить, что темной ночью значительно легче подойти к крепости, чем днем.

Итак, памятники, найденные при раскопках Кармир-блур, помогли узнать историю гибели крепости урартов Тейшебаини, узнать о том, кто в это время был царем в Урарту, как называлась крепость и река, на берегу которой она стояла.

Для того чтобы узнать историю древних времен, мало одних памятников материальной культуры, как называют найденные при раскопках оружие, орудия труда, предметы домашней утвари, скульптуру, росписи на стенах. Их дополняют письменные источники, тексты, написанные на папирусах и черепках, на камне и на глиняных табличках, на коже и на бамбуковых дощечках. Записи на них были сделаны людьми, жившими в те далекие времена, 3—4 тысячи лет назад. Это хозяйственные документы и царские указы, летописи и судебники, сказания и мифы, письма и школьные «тетрадки». Памятники письменности наиболее полно и подробно рассказывают об истории тех времен, когда они были созданы. Но все они написаны на древних «мертвых» языках, на которых уже никто не говорит.

В течение многих десятков лет ученые разных стран старались раскрыть тайну забытых письмен, чтобы прочесть надписи, узнать историю древних народов, населявших долины рек Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы.

О том, как прочли египетские иероглифы и вавилонскую клинопись, вы узнаете из этой книги. Все рассказы в ней написаны по памятникам материальной культуры и по письменным источникам.

ФРАНСУА ШАМПОЛЬОН ЧИТАЕТ ИЕРОГЛИФЫ

В 1799 году французская армия под командованием молодого генерала Наполеона Бонапарта (через пять лет он стал императором Наполеоном I) находилась в Египте. В то время Египет принадлежал Турции. Франция начала войну с турками, чтобы захватить Египет и оттуда вторгнуться в Индию, которой владела Англия.

Французские солдаты строили укрепления на берегу Средиземного моря, около поселка Розетты. Вдруг лопата одного солдата ударилась о какой-то твердый предмет, лежащий в земле. «Не клад ли это?» — мелькнула заманчивая мысль. Ведь не раз во время земляных работ в Египте находили ценные вещи. Может быть, это сундук с сокровищами? Работа продолжалась, и вскоре из земли подняли большую черную плиту из базальта, высотой в метр, шириной в 75 см. Одну ее сторону, гладко отполированную, сплошь покрывала надпись.

Офицер, руководивший работами солдат, заинтересовался плитой. Ему часто приходилось видеть надписи, выполненные иероглифами. Но ничего подобного он ни разу не встречал. Дело в том, что на плите вверху были четырнадцать строк иероглифов, а в нижней части плиты шли пятьдесят четыре строки, написанные буквами греческого алфавита.

— Значит, нижняя надпись греческая, — подумал офицер. — А что, если это перевод египетского текста? Ведь древнегреческий язык хорошо знают ученые, они смогут прочесть текст, и тогда станет известно, что написано иероглифами. И может быть, эта плита окажется ключом, который откроет тайну египетских письмен.

Офицер составил подробное описание находки и послал о ней донесение в Каир своему начальству. А затем туда отправили и саму плиту. По месту находки ее стали называть «Розеттским камнем». Плиту выставили в Каире для всеобщего обо-

зрения. Впоследствии Розеттский камень был передан в Англию. Он и сейчас находится в Лондоне, в Британском музее.

Известие о такой важной для науки находке облетело весь ученый мир. Копии надписей были разосланы во многие страны, и ожили надежды найти ключ к чтению иероглифов. Ведь уже много лет бились ученые над этой задачей, и никому еще не удалось ее решить.

Греческий текст прочли без труда и узнали его содержание: в 196 году до н. э. жрецы главных египетских храмов приказали вырезать на плите в честь царя Египта Птолемея надпись. (Династия Птолемеев была основана одним из полководцев Александра Македонского и правила в Египте с 305 по 30 гг. до н. э.) В конце надписи говорилось, что она написана египетскими иероглифами, египетской скорописью — *демотикой* (т. е. народным письмом) и на греческом языке. Таким образом узнали, что во всех трех текстах одно содержание, во всех трех повторяется одно и то же имя царя — Птолемей. Ученые думали, что стоит только найти написанное иероглифами имя царя и тайна иероглифов будет открыта, ведь имена на всех языках произносятся почти одинаково.

Имя фараона было найти нетрудно, так как ученые знали, что египтяне обводили царские имена *картушем* — овальной рамкой. Но не так просто прочесть его. Ученые были уверены, что каждый иероглиф обозначает целое слово, поэтому они не смогли разгадать значение письмен. Английский математик Юнг тоже считал, что египтяне писали иероглифами-словами, но он предполагал, что в греческом имени царя должны стоять алфавитные иероглифы. Юнг даже определил значение пяти знаков и сделал это, как оказалось впоследствии, правильно. Однако Юнг не знал одной особенности египетской письменности — древние египтяне не писали гласных букв, и только в иностранных именах они писали иероглифы, обозначающие гласные, однако не всегда выписывали их полностью. Вот почему в греческом тексте слово Птолемей имеет десять букв, а в картуше стоит всего восемь иероглифов. Юнг не смог ни прочесть надпись, ни разгадать значение иероглифов. Не надо забывать, что Юнг был математиком, он не знал законов развития языка и письменности. Кроме того, ошибка Юнга заключалась в том, что он думал — египтяне писали алфавитными иероглифами только греческие имена, что под влиянием греков египтяне приспосаблили свои иероглифы к алфавитным знакам. Теперь же мы знаем, что греческий алфавит произошел от финикийского, а финикийцы создали свое алфавитное письмо, взяв за основу египетские иероглифические письмены.

Прошло двадцать лет после находки Розеттского камня, а тайна египетских иероглифов все еще оставалась нераскрытой. Казалось, никогда не найдут ключ к чтению этих необыкновенных письмен!

В 1822 году молодой французский ученый Жан Франсуа Шампольон сумел прочесть иероглифы. Это показалось невероятным. Не все сразу поверили в его открытие. А между тем Шампольон пришел к разгадке тайны не случайно.

Старший брат Шампольона Жак собирался поехать в Египет с экспедицией Бонапарта. И братья — Жаку было 19 лет, Франсуа — 7 — часами беседовали о таинственной далекой стране, полной чудес. Жаку не удалось попасть в Египет. Но интерес к этой стране, к ее древней истории у братьев не пропал. Особо увлекался ею маленький Франсуа. Он жил с братом в Гренобле, когда туда приехал знаменитый французский физик Фурье. Несколько лет Фурье пробыл в Каире — столице Египта, где занимал должность ученого секретаря общества по изучению Египта. Оттуда он привез небольшую коллекцию египетских древностей, среди которых находились папирусы с надписями. Зная, что Жак интересуется Египтом, Фурье пригласил старшего Шампольона познакомиться с коллекцией. Жак привел с собой брата. Франсуа исполнилось одиннадцать лет, когда он впервые увидел подлинные памятники древнего Египта.

Как загорелись глаза мальчика при виде вещей, привезенных из страны его мечты! Он жадно слушал рассказы Фурье о Египте, с восхищением разглядывал папирусы, вглядываясь в непонятные письмена. Франсуа знал, что много лет ученые в различных странах пытаются их разгадать, но никто еще не добился успеха.

И вдруг у него мелькнула дерзкая мысль — он прочтет иероглифы. Франсуа сам испугался своей мысли и постарался забыть об этом. Но желание проникнуть в тайну египетских письмен, изучить историю Египта ни на минуту не покидало мальчика. Настойчиво и последовательно готовился юный Шампольон к выполнению этой задачи. Еще до встречи с Фурье Франсуа читал книги по истории древнего Египта. А так как об этой стране писали греческие и латинские авторы, он с детства выучил греческий язык и латынь. В девять лет он читал уже Гомера и Вергилия и знал наизусть многие латинские и греческие стихи. Однако самая древняя книга о Египте — библия, написанная на древнееврейском языке, была ему непонятна. И Франсуа самостоятельно выучил древнееврейский язык.

Чем старше становился Франсуа, тем серьезнее занимался изучением египетской истории. Он прочел о Египте все, что было написано на доступных ему языках. Но ведь о Египте писали и восточные историки. А их книги редко переводили на французский язык. И Франсуа изучил языки арабский и коптский, на котором говорили египтяне, начиная с III в. н. э. (В Египте до сих пор христиане-копты молятся по книгам, написанным на коптском языке.) Так, еще учась в лицее, Шампольон стал настоящим полиглотом (человеком, свободно владеющим многими языками) и изучил все, что написано о Египте на этих языках.

Еще в школе он задумал написать историю человечества «от Адама до Шампольона младшего» (так называли его в семье в отличие от старшего брата), а затем трехтомную «Историю Египта при фараонах». Первый том «География древнего Египта» был им написан ко времени окончания лицея.

Первого сентября 1807 года состоялся доклад Шампольона в Гренобльской Академии наук. Он показал составленную им карту древнего Египта, изложил подробно содержание первого тома «Географии древнего Египта» и план двух следующих томов. Его выступление имело большой успех. И хотя Шампольону было неполных 17 лет, он показал себя настоящим ученым. Несмотря на юный возраст, его избрали членом Гренобльской Академии наук.

Успех не вскружил голову талантливому юноше. Он думал только о том, что ему нужно еще многое узнать, нужно учиться. Он поступил в Париже в университет, где преподавали лучшие специалисты по древнему Востоку. В Париже хранились папирусы древнего Египта, привезенные экспедицией Наполеона. С утра до вечера занимался Шампольон в библиотеках, слушал лекции, продолжал изучать древние языки, копировал древнеегипетские тексты, разбирал надписи на плохой копии Розеттского камня.

В 1821 году в Париже появилась новая, очень четко и точно выполненная копия знаменитой плиты из Розетты. И Шампольон начал над ней работать.

Жилось ему очень трудно, не хватало средств на жизнь. Он писал брату: «У меня нет ни единого су; я едва могу позволить себе вычистить сапоги, заплатить за письма... Я беден, как поэт, я немощно беднее, чем очень беден...» И несмотря на это, он ни на минуту не прекращает работу. Он написал два тома «Истории Египта при фараонах», продолжал изучать иероглифы Розеттского камня.

Сначала Шампольон, как и другие ученые, считал, что каждый иероглиф — это целое слово. Но так как греческое имя не может быть написано целым египетским словом, то, очевидно, решил Шампольон, для иностранных имен египтяне употребляли алфавитные иероглифы. Он попробовал подставить буквы под каждый иероглиф в имени Птолемея. Получилось п — т — о — л — м — и — с. По-гречески оно звучит Птолемайос. Шампольона это не удивило. Он знал, что в таких языках, как арабский и древнееврейский не пишут гласных (хотя их и произносят). Итак, Шампольон прочел имя так, как оно звучало по-египетски, и определил семь иероглифов. Но верно ли это?

Нужно проверить правильность чтения знаков на других именах. Как раз в это время в Англию привезли обелиск с именами Птолемея и Клеопатры. Шампольон получил копию надписи. Сравнивая оба имени, он нашел в картуше Клеопатры знакомые ему иероглифы *n*, *o*, *l*. «Т» в обоих именах написано раз-

личными знаками, но Шампольон предположил, что оба знака имеют одинаковое значение. Кроме известных уже иероглифов в имени Клеопатры, Шампольон определил еще три новых *к, р и а*. Шампольон продолжал отыскивать другие греческие имена фараонов — Александр, Береника и т. д. В конце концов он составил алфавит из 19 букв. Как будто все уже сделано, тайна иероглифов разгадана! Но Шампольон все еще считал, что алфавитными знаками писали только греческие имена.

Картуши с именами Птолея и Клеопатры.

Шампольон по-прежнему переписывал египетские тексты, изучал каждый иероглиф. Утром 14 сентября 1822 года он, как обычно, сидел за своим столом и работал. Перед ним лежали таблицы с надписями, он сравнивал иероглифы, искал знакомые, вглядывался в новые, неизвестные ему до сих пор. В одной строчке он увидел картуш.

— Это царское имя! — подумал Шампольон. Все иероглифы в картуше были ему известны, и он прочел: «Рамсес».

Рамсес — один из могущественных фараонов древнего Египта, и это уже не иностранное, а настоящее египетское имя! — и Шампольон, боясь верить своему открытию, торопливо ищет еще картуши, чтобы проверить себя. Во втором картуше он читает новое имя — «Тутмос». Так звали грозного царя-завоевателя, правившего Египтом гораздо раньше Рамсеса.

Шампольон лихорадочно перебирает записи, вглядывается в таблицы с иероглифами и читает их уже не только в картушах. Но самое главное — он не только читает, но и понимает многие слова, знакомые из коптского языка.

Значит, египетские иероглифы — алфавитные знаки. Египтяне применяли их не только для написания греческих имен, а пользовались ими и для других записей.

Итак, больше нет загадки. Тайна иероглифов открыта. Шампольон уже не может оставаться дома. Он собирает рукописи и бежит к брату.

Со словами: «Дело у меня в руках» — Шампольон вбегает в комнату, бросает на стол бумаги и падает на пол в глубоком обмороке.

22 сентября он написал письмо Дасье, секретарю королевской Академии надписей, и подробно изложил в нем систему египетской письменности. 27 сентября он сделал об этом доклад в Академии. В этот день родилась новая наука — египтология.

Через два года Шампольон напечатал большую работу «Очерк иероглифической системы». В ней подробно рассказы-

вается о том, каким способом писали древние египтяне, и объясняется значение каждого иероглифа. А позже он написал грамматику древнеегипетского языка и составил словарь древнеегипетских слов.

Франсуа Шампольон был первым ученым в мире, который прочел давно забытые письма, созданные народом, жившим несколько тысячелетий назад. Благодаря его открытию мы можем читать древнеегипетские тексты и изучать историю и культуру древнего Египта.

ЕГИПЕТ — ДАР НИЛА

В мае и июне в Египте дует с запада хамсин — палящий, жгучий ветер Сахары. Ветер дует день, два, три. Потом передохнет день и снова за свое. Он свирепствует почти пятьдесят дней. «Хамсин» по-арабски значит «пятьдесят».

Это страшное бедствие. Раскаленный ветер несется из пустыни с невероятной силой, поднимает в вихре тучи мельчайшей пыли и песка. Пыль покрывает все — жилища, деревья, траву, сквозь закрытые двери проникает в комнаты, забивается в складки одежды, в поры тела.

Египет превращается в выжженную солнцем пустыню. Растения покрыты таким слоем пыли, что их нельзя отличить от песков пустыни. Сквозь пыльный раскаленный воздух с трудом можно рассмотреть стены зданий. В небе висит багрово-красный ослепительный диск — палящее солнце. Дышать нечем. Все в природе изнемогает: и посеревшая поникшая зелень деревьев и трав, и сухая, растрескавшаяся земля, и обессилевшие от зноя и пыли люди и животные. Все жаждет влаги. Все ждет освежающего дуновения северного ветра.

Но вот, наконец, появился первый вестник окончания этого страшного времени года — с севера потянуло влажной прохладой. Спасительный северный ветер, сначала слабый, становится все сильнее и сильнее и постепенно превращается в страшный ураган, который бушует изо дня в день. Он сдувает пыль, ослабляет палящий зной, освежает от зноя всю долину.

В это же время начинает постепенно подниматься вода в Ниле. Вчера еще прозрачно-голубая река спокойно катила свои волны на север. А сегодня вода помутнела, стала липкой, зеленой, как в стоячих болотах под тропиками. Течение становится быстрым, волны настигают одна другую. Уровень воды поднимается все выше и выше, и вот уже река вышла из берегов. Это происходит оттого, что далеко на юге, на самом экваторе, где лежат озера Виктория-Ньянца и Альберт-Ньянца, откуда вытекает Белый Нил, в июне начинается период тропических дождей. Бурные потоки мутной воды, зеленой от перегнивших растений, наполняют реку и устремляются на север, вниз по течению, к Средиземному морю. К середине лета они достигают

острова Элефантины, на южной границе Египта, а еще через две недели высокая вода заливает и поля дельты. Всего три-четыре дня Нил бывает зеленым, но какие это мучительные дни! Липкую, тягучую воду противно пить, она не утоляет жажды и очень вредна для здоровья.

Но вот прошел «зеленый Нил», а вода прибывает, затопляя долину все больше и больше. Через десять — двенадцать дней опять меняется цвет воды: она вновь теряет прозрачность и приобретает густой красный цвет. Кажется, уже не вода, а потоки крови наполнили русло, затопили берега, залили поля. Никогда не бывает вода такой освежающей и вкусной, как при разливе «красного Нила». Если в это время зачерпнуть стакан воды и дать ей отстояться, то наверху останется красная непрозрачная жидкость, а внизу на целую четверть стакана осядет темная грязь — знаменитый нильский ил. Он состоит из перегной тропических растений и размытых солей красных горных пород Абиссинии, откуда течет Голубой Нил. В это время начинается период дождей в Абиссинии. Уровень воды в Голубом Ниле поднимается, и мощные потоки устремляются вниз по течению, размывая горные породы, встречающиеся на их пути. Наивысшей точки разлив Нила достигает во время осеннего равноденствия, после чего вода постепенно идет на убыль. К ноябрю уровень воды окончательно спадает, река входит в свои берега, и вода становится опять прозрачно-голубой.

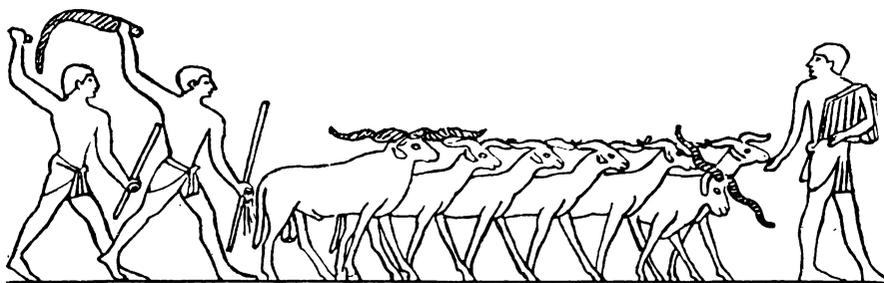
Много тысяч лет назад такие наводнения происходили в Египте ежегодно. В течение десятков тысячелетий наносы ила образовали в долине реки слой почвы толщиной более десяти метров. Часть ила течением реки уносилась к морю и осаждалась в устье, постепенно затягивая морской залив. Устье реки разделилось на множество рукавов. Греки прозвали устье Нила «дельтой», так как по форме оно напоминало греческую букву «дельту».

Вся жизнь египетского земледельца была связана с разливами Нила. Время засухи, когда все растения гибли от знойного хамсина, называлось «шему» — безводие. Время разлива и оживления природы называлось «ахет». В эти дни повсюду справляли праздники в честь Нила, пели ему гимны. Торжественные процессии направлялись к берегу, неся впереди статую бога Нила — Хапи. «Перт» наступал тогда, когда Нил опять входил в берега!

Самой горячей порой был перт. Тогда приступали к пахоте и посеву, спешили обработать почву, пока она была влажной и легче поддавалась мотыге. Низко наклонившись, шли рядами египтяне, взрыхляя мотыгами жирную от ила землю. За ними следовали сеятели; они широким полукругом бросали зерна во

---

¹ Египтяне распределяли времена года следующим образом: *ахет* — июль, август, сентябрь, октябрь; *перт* — ноябрь, декабрь, январь, февраль; *шему* — март, апрель, май, июнь.

Баранов прогоняют по полю, чтобы втоптать в землю зерно.

влажные борозды. Зерна сразу же надо было зарыть, иначе ветер выдует их, или они засохнут от ветра и солнца. Поэтому после посева на поле выгоняли стадо овец или баранов, которые втоптывали зерна в почву. После посева в течение трех месяцев обильно поливали поля водой. Благодатная почва давала древним египтянам большие урожаи.

Если бы Нил высох или перестал разливаться, в древнем Египте умерла бы вся жизнь, и цветущая страна превратилась бы в пустыню. Даже в дельте, на самом побережье Средиземного моря, бывает всего двадцать пять — тридцать дождливых дней в году, а в Верхнем Египте дождь выпадает раз в несколько лет. Поэтому весь урожай в Египте зависел от высоты подъема Нила.

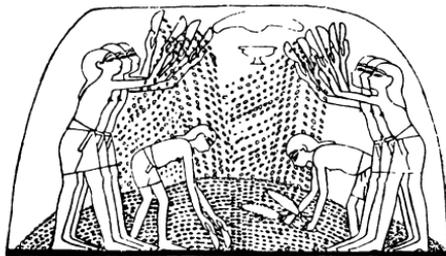
Со временем от русла Нила были отведены большие каналы, от которых шли канавки, прорезывавшие все участки полей. На полях рабы и крестьяне сооружали дамбы и плотины, чтобы задерживать воду.

Устройство оросительной сети каналов и дамб было не под силу отдельным семьям. Для этого не хватило бы рабочих рук даже целой деревни. Поэтому несколько сельских общин объединялись и проводили все работы вместе. Они сообща владели землей и рабами. Но каждая семья получала для себя отдельный участок, который обрабатывала своими силами и с которого собирала урожай для себя. Только небольшую часть его отдавали в сокровищницу при храме.

Со временем в долине Нила образовались самостоятельные царства. Их правители больше всего заботились о том, чтобы с полей собирали хороший урожай. Ведь хлеб был главным богатством. Поэтому чиновники отправляли рабов рыть новые каналы и очищать от ила старые, а надсмотрщики следили за выполнением работ. Тяжелой работой была поливка полей. Это тоже делали рабы.

Между отдельными царствами не было мира и согласия. Каждый правитель хотел захватить как можно больше земли,

и нападал на соседей. Более сильные правители захватывали слабые области и подчиняли их своей власти. В конце концов в Египте образовалось два царства — одно в дельте Нила — «Нижний Египет» («Северное царство»), другое — по верхнему и среднему течению реки — «Верхний Египет» («Южное царство»).

Вейние.

Столицей Нижнего Египта был город Буто. Столицей Верхнего Египта был город Нехен. Царские чиновники в обоих государствах собирали подати, хранили казну, ведали всеми работами, которые выполняли свободные земледельцы и рабы.

Оба государства были независимы друг от друга. Но между ними не прекращалась борьба за землю, за воду. Необходимо было регулировать разливы Нила на всем его протяжении, от дельты до первых порогов, и сила была в руках того, кто владел верхним течением Нила: он мог оставить без воды жителей северных областей.

Около 3000 лет до н. э. царь юга Мена покорил север. Он стал называть себя «царем Верхнего и Нижнего Египта». Мена вел постоянные войны с соседними племенами, привозил из походов богатую добычу и захватывал много рабов. Их заставляли рыть каналы и строить дамбы. Земля стала приносить большие урожаи. Каналы и водоемы Египта находились во власти царя. По его указам царские чиновники и правители распоряжались всей оросительной системой.

Поля египтян были изрезаны большими и маленькими каналами. Вдоль больших каналов тянулись узкие плотины, сложенные из нильской глины и тростника. Они огораживали поля со всех сторон и задерживали воду. А воды требовалось много: чтобы оросить один гектар, приходилось расходовать в день три тысячи ведер воды. Чем выше был уровень воды в Ниле во время разлива, тем больше было воды в каналах.

У южных границ Египта, где пороги пересекают течение Нила, устроили «ниломер» — измеритель уровня воды. На отвесной скале, спускающейся прямо в реку, отмечали высоту воды во время наводнения. Если вода поднималась высоко, об этом давали знать по всей стране; тогда открывались плотины, чтобы река не смыла все на своем пути. Когда же Нил входил в свои берега, плотины закрывались, и часть воды задерживалась в каналах. Ее пускали на поля во время засухи. Так, тяжелым трудом превратили египтяне долину Нила в цветущие поля и сады.

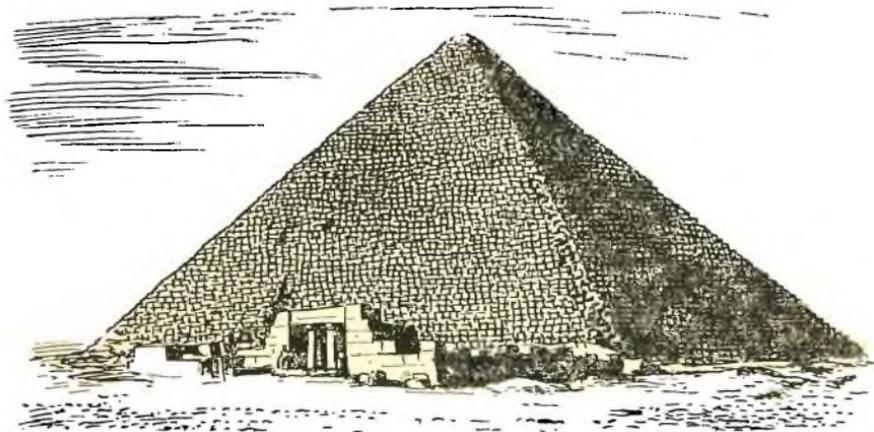
Древние греки говорили, что есть семь чудес света, и первым чудом они называли египетские пирамиды. За ними следовали висячие сады вавилонской царицы Семирамиды, статуя Зевса в Олимпии, Александрийский маяк, храм Артемиды Эфесской, мавзолей царя Мавзола и колосс Родосский. Ни один из этих шедевров искусства не сохранился до наших дней целиком. И только величественные пирамиды стоят у самой пустыни, поражая всякого, кто к ним приближается. Не раз описывали путешественники, какое волнение охватывало их, когда они смотрели на эти памятники далекого прошлого.

В 1834 году в Египте побывал русский путешественник Норов. Он высадился с корабля в Александрии и затем поднялся вверх по Нилу на легком судне — *дахабие* — до Каира. С интересом смотрел Норов на берега, заросшие тростником, на пальмовые рощи, среди которых возвышались минареты многочисленных мечетей. С волнением ожидал Норов, когда же, наконец, покажутся пирамиды. Чем дальше на юг шло дахабие, тем больше менялся пейзаж, берега становились все пустыннее. Но вот судно обогнуло небольшой островок, и «нам открылись пирамиды!» — пишет путешественник. «Тут я потерял из виду все другое... Эти чудесные громады внушают какую-то гордость человеку, показывают ему, до какой степени он могуч: дела рук его существуют с младенчества земли».

Пирамиды видны издали. Среди мертвой пустыни правильные геометрические формы двух пирамид резко выделяются на фоне ясного неба. Снова поворот реки, и видна уже третья пирамида. Все три — гробницы фараонов: Хуфу, Хафры и Менакура (или, как их называли греки, Хеопса, Хефрена и Микерина).

Норов пишет, что многие путешественники замечали, — когда подходишь к пирамидам, они как будто уменьшаются. Это происходит оттого, что «издали они имеют лазоревый цвет дальности, резко обозначающий их на пустынном пространстве и на ясном горизонте; но с приближением к ним они принимают желтоватый цвет тех камней, из которых они построены, и, таким образом, сливаются с желтым цветом песчаной пустыни, которая их окружает». И только если близко подойти к самому основанию пирамиды, встать в середине одной из ее сторон и поглядеть вверх, то сразу чувствуется огромная величина. Трудно поверить, что все это сооружение из камня сделано людьми, что эта грандиозная постройка — создание рук человеческих. И еще более удивительно то, что все пирамиды созданы пять тысяч лет назад. Их строили люди, у которых были простые инструменты и не существовало никаких машин для подъема тяжелых каменных глыб на огромную высоту.

Выше всех пирамида Хеопса (147 м равнялась ее первоначальная высота). Теперь же вершина разрушилась, выветрилась

Пирамида Хеопса.

и пирамида стала ниже. На ее постройку пошло 2 млн. 300 тыс. каменных глыб, каждая из которых весит не менее двух с половиной тонн. А есть и более тяжелые.

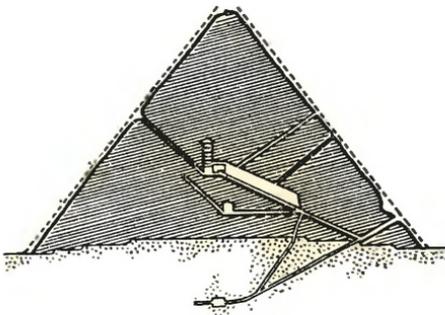
Греческий историк Геродот посетил Египет спустя две тысячи лет после того, как Хеопс был похоронен в своей гробнице. Но и через две тысячи лет продолжала жить дурная слава о царе-деспоте, который заставлял десятки тысяч людей строить его усыпальницу. Фараон довел страну до разорения, «поверг Египет во всевозможные беды». Свободные египтяне и невольники-рабы гибли от непосильного труда на строительстве.

После смерти тело царя Хеопса набальзамировали, внесли внутрь пирамиды и положили в большой каменный гроб — саркофаг. А потом замуровали вход в пирамиду, — царь должен вечно находиться в своем «доме вечности» (так египтяне называли пирамиду). Египтяне верили, что после смерти фараон станет богом.

В 1953 году около пирамиды Хуфу египетские археологи раскопали две огромные лодки. Длина лодок — 32,5 м, ширина — 3 м. Сделаны эти лодки из дерева, лежали они в склепе, на глубине 17 м. Сверху подземелье было перекрыто огромными каменными плитами. Каждая из них весит 17 т. Для чего же нужны были лодки покойному фараону? Этого точно пока никто не может объяснить. Ученые предполагают, что они предназначались для плавания фараона вместе с богом солнца по «двум Нилам»¹. Во всяком случае, самое интересное то, что

---

¹ Египтяне верили, что днем солнце плавает по небесному Нилу, а ночью — по подземному.

Пирамида Хеопса (разрез).

впервые в Египте были найдены такие большие деревянные предметы, которые хорошо сохранились, пролежав в склепе почти пять тысяч лет.

Пирамида Хеопса самая большая из всех египетских пирамид¹, но не самая древняя.

Первая пирамида была построена фараоном Джосером на четыреста лет раньше пирамиды Хеопса. До этого египетских царей хоронили в подземных склепах,

над ними из кирпича-сырца строили здание с гладкими наклонными стенами и плоским верхом. Высота здания достигала приблизительно уровня двухэтажного дома. Их называют *мастаба* — по-арабски «скамья». Они напоминают по форме глинобитные скамьи, которые и сейчас еще можно увидеть в домах египетских крестьян.

Фараону Джосеру показалась слишком ничтожной гробница-мастаба. Она ничем не отличалась от погребений его вельмож. Весь Египет, от дельты Нила до первых порогов, был подвластен фараону. Ни один царь до сих пор не был так силен, как Джосер. Вот и задумал Джосер соорудить такую гробницу, какой еще не было ни у одного царя. Он приказал строить ее не из кирпича, а из белого камня — известняка, который добывали в каменоломнях Туры.

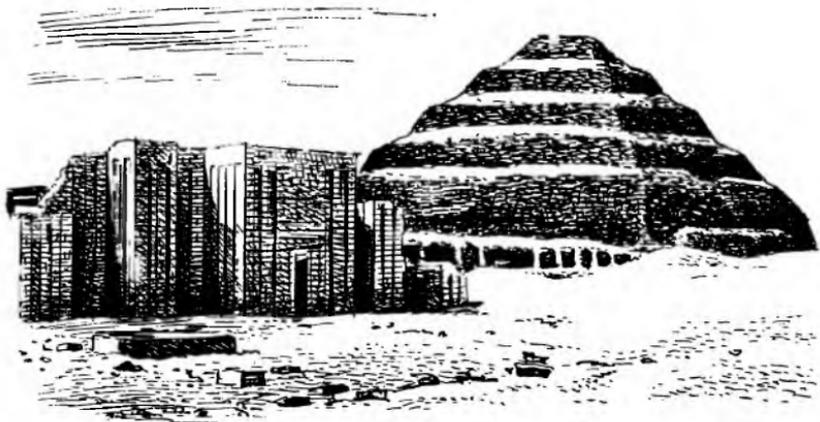
Только одному человеку мог поручить Джосер эту грандиозную постройку — своему первому помощнику, везиру² по имени Имхотеп. Он составил план, по которому построили гробницу.

Сначала Имхотеп соорудил большую мастабу из крупных каменных глыб — блоков. Но и это не удовлетворило царя. До него сооружали мастабы из кирпича, его мастаба из камня, и они мало чем отличались друг от друга. Надо сделать такое, чего еще никогда не было. Тогда на плоской мастабе Имхотеп воздвиг еще пять мастаб, каждая была меньше предыдущей. Так получилась первая ступенчатая пирамида. Ученые прозвали ее «матерью пирамид». Вокруг пирамиды построили ограду — каменную стену с уступами и полуколоннами³.

¹ Всего в Египте сохранилось свыше ста пирамид.

² Титул главного начальника над всеми чиновниками, над всеми работами в древнем Египте — *чати*. Мы переводим его *везир*.

³ Так называются колонны, которые не отделены от стены.

Ступенчатая пирамида Джосера и ее внешняя ограда.

Впоследствии изменилась форма пирамид. Расстояние между ступенями стали закладывать камнем, и все четыре гладкие стены сходились к вершине. Пирамиды делались все выше и грандиознее. Но имя Имхотепа, строителя первой пирамиды, не было забыто.

Ученые предполагали, что Имхотеп построил только одну гробницу для Джосера. И вдруг в 1954 году археологи нашли еще одну «потерянную пирамиду», которая тоже была сделана по плану Имхотепа. «Потерянная пирамида» — так назвал свою книгу археолог Гонейм, который и обнаружил ее. Какое странное название! Разве может «потеряться» такое огромное сооружение? Оказывается, может. Даже пирамида. Она была... Но подождем описывать, какой она была. Лучше познакомимся с тем, что рассказывает сам Гонейм.

В 1951 году Гонейм назначается главным инспектором всех гробниц в Саккаре. Это место находится на западном берегу Нила, южнее Каира. В районе Саккары расположено много царских гробниц разных времен, особенно много пирамид.

Каждый день осматривал Гонейм гробницы, отданные под его охрану. Вот как он пишет о них: «Я вижу их днем далеко в пустыне под сияющими лучами солнца, я вижу их ночью с крыши моего дома, залитые лунным светом. Я знаю их все. Они для меня словно старые друзья. Даже их имена¹ кажутся мне прекрасными: «Чист Шепсескаф», «Велико место погребения Тети», «Превосходно место погребения Унаса», «Снофру воскресает»... Тети, Шепсескаф, Унас, Снофру — это имена фараонов, которые правили гораздо позже Джосера.

---

¹ Каждая пирамида имела имя.

Часть ограды пирамиды
Джосера.

тщательно изучено. Можно ли здесь найти что-нибудь еще? «Но тот, кто не верит, и не надеется, тот не археолог», — говорил Гоне́йм.

Долго изучал Гоне́йм местность в районе Саккары, пока, наконец, не остановился на участке рядом с оградой пирамиды Джосера. Это была очень гладкая и ровная площадка, покрытая осколками известняка, гранита и алебастра. Края ее носили следы каменной кладки.

«Это место кажется специально сделанной площадкой. Не может быть, чтобы там в земле ничего не было», — думал Гоне́йм. И осенью 1951 года он начал раскопки.

Почти сразу перед взором Гоне́йма предстали остатки широкой каменной кладки. Высота ее достигала 5 м, а ширина — 18 м. Она оказалась фундаментом ограды, похожей на ограду пирамиды Джосера. От места раскопок была проложена узкоколейная дорога, по которой побежали вагонетки, унося вверх вынутый песок.

«Грохот вагонеток вместе с песнями рабочих образуют самую привычную музыку для всех археологов в Египте, и нет для них более сладостных звуков!» — пишет Гоне́йм.

Раскопки продолжались. Были открыты подземные галереи, часть недостроенной стены с выступами и нишами. Известняковые плиты облицовывали стену. И все же еще было неясно, что открыл Гоне́йм. Пирамиду? А может быть, какое-то другое здание?

И хотя никто не верил Гоне́йму, тот был твердо убежден, что нашел пирамиду. Но только где ее угол? Это было мучительной загадкой для археолога. И вот однажды утром, когда Гоне́йм шел к месту раскопок, он увидел бежавшего ему навстречу бригадира рабочих, который кричал:

— Мабру́к эльна́зия! Мабрук эльназия!

Это означало:

«Мы нашли угол!»

Все рабочие побросали лопаты и с нетерпением ожидали прихода Гонейма.

Итак, найден угол. Стало ясно, что это нижняя часть ступенчатой пирамиды. Ее первая ступенька достигала высоты 7 м. Теперь нетрудно будет найти и остальные три угла. Одна загадка решена. Это действительно пирамида. Но теперь появились новые вопросы — пирамида осталась недостроенной. Почему? Для кого ее строили? Кто был архитектором? Все эти вопросы нужно было решить, и ответ на них могли дать только раскопки.

Четыре года продолжались работы. Выяснилось, что пирамиду действительно не успели достроить, а лишь вырыли подземные комнаты и галереи, возвели над ними одну ступень и забросили строительство. Песком и щебнем завалили эту стройку, а через 300—400 лет на этом месте устроили кладбище.

Только в начале 1954 года археологам удалось открыть подземную комнату, вход в которую был замурован. Каменная кладка оказалась нетронутой. Значит, грабители не проникали никогда в эту гробницу, и если в нее что-нибудь было положено, то все сохранилось в целости.

Сделали небольшой пролом в стене и вошли в длинный коридор, ведущий вниз. Медленно стали по нему продвигаться, расчищая путь от щебня и каменных глыб. Внимательно осматривали все, что лежало, сквозь мелкое сито просеивали песок, чтобы не выбросить случайно какой-нибудь вещи. И вдруг один из рабочих заметил у восточной стены блеск золота. Осторожно отгребая глину, Гонеим вынул двадцать один золотой браслет, золотой жезл (дерево внутри истлело), золотую коробочку в форме раковины, мелкие золотые украшения и бусы из сердолика и глины. Эти изделия египетских ювелиров, живших пять тысяч лет назад, показывают, какими они были замечательными мастерами. Но для археолога находка золотых вещей лишняя. Ведь они прежде всего унесли бы золото. Итак, пять тысяч лет никто не входил в гробницу.

С нетерпением ожидал Гонеим момента, когда он сможет войти в погребальную комнату. Но вот, наконец, расчищен путь, убрана последняя каменная глыба, закрывавшая вход.

Сияющий белизной нетронутого камня стоял саркофаг, сделанный из отполированного известняка. На его гладких стенках отражался яркий свет электрических фонарей, внесенных в гробницу. Сверху на саркофаге лежал засохший венок из цветов в форме римской цифры V. Кто положил его на гроб фараона? Жена? Сын? Мы никогда не узнаем этого. Крышка у саркофага сбоку. Осторожно поднимают заслонку и Гонеим с волнением заглядывает внутрь. Какое разочарование! Саркофаг пуст. Он так же чист, как в тот первый день, когда его закончили египетские мастера-камнерезы. Для кого же строили эту гробницу?

Но вот новая находка. В одной из галерей обнаружили несколько глиняных сосудов, запечатанных большими глиняными пробками. Обычно на таких пробках написано имя того, для кого приготовлена могила. Гонейм внимательно вглядывается в иероглифы и читает: «Фараон Сехемхет». Новое царское имя! Ни в одной летописи, ни в одном документе до сих пор не встречалось имя этого царя. Кто же он такой? В какое время царствовал?

Найти разгадку помогла надпись на одном из камней. Там было написано имя «Имхотеп». Вероятнее всего и эту гробницу строил Имхотеп, который создал для Джосера «мать пирамид». Очевидно, Сехемхет правил вскоре после смерти Джосера, а может быть, он был его сыном. Это предположение подтвердилось еще одной надписью, о которой знали давно, но ей не придавали большого значения.

В Синайские рудники часто ездили экспедиции из Египта для добычи меди. Обычно на скалах полуострова писали имена царей, для которых добывали медь. И вот там после имени Джосера стояли имена фараонов, которые правили после него. Первым было написано Сехемхет. Раньше это имя неправильно читали, так как никто даже не предполагал, что существовал фараон Сехемхет.

После открытия неоконченной пирамиды все сомнения отпали. Итак, Сехемхет, сын Джосера, правил сразу же после смерти отца. Это подтверждает и Синайская надпись, и то, что Имхотеп строил пирамиду, и то, что на стене галереи гробницы было прочтено имя одного из чиновников, служившего при Джосере.

Но почему не достроили гробницу? Где похоронена мумия Сехемхета? Почему забыт этот фараон?

Пока на эти вопросы нельзя ответить. Можно только делать предположения.

Обычно египетские фараоны сразу по вступлении на престол начинали строить гробницу. По-видимому, так поступил и Сехемхет, но, вероятно, он скончался молодым, не успев достроить своей пирамиды. Неизвестно, как и от чего умер фараон. Может быть, от болезни, может быть, его многочисленные братья устроили заговор и убили молодого царя, чтобы захватить престол. Во всяком случае он правил очень недолго. И пока не открыл его пирамиду Гонейм, имя царя Сехемхета никому не было известно.

Камни, немые свидетели далеких событий, поведали нам повесть о тех безымянных тружениках-мастерах, которые возводили грандиозные памятники египетским фараонам.

На каменных плитах белой стены сохранились пометки, сделанные рабочими-строителями. Иногда попадались знаки, написанные красной краской: «Верх», «Убрать», «Для царской гробницы» и т. д. Нередко встречаются названия бригад рабочих. В одном месте сохранилась линия, отмеченная красной краской.

На ней ясно виден след веревки. Вероятно, веревку опускали в красную краску. Эту линию провели для того, чтобы можно было производить ровную кладку камней. На некоторых камнях сохранились знаки, которыми метили плиты в каменоломнях.

Но самое интересное — рисунки на камнях, сделанные красной охрой и сажей. Во время отдыха их делали строители. Легкими тонкими штрихами они рисовали изображения людей, животных, лодок.

Вот идет ливиец, житель Северной Африки. В руке у него лук, одежда длинная, а на голове шапка с перьями. Рядом изображены львы — хищники пустыни, которых было много в Египте. Как верно схвачены движения этого сильного животного! Встречаются рисунки лодок под парусами, с веслами и барж, служивших для перевозки к месту строительства камня из каменоломен Тура и Масара, расположенных на восточном берегу Нила. Оттуда камень водным путем переправляли на левый берег, на запад, где строилась пирамида. Обычно это делали во время разливов Нила, чтобы как можно меньше тащить тяжелые камни по песку.

Тяжелым трудом добывали каменные плиты и изготавливали колонны в каменоломнях Тура. У рабочих были только простые медные инструменты. Сначала вырубали в скале щель такой ширины, чтобы в нее мог пройти человек. Затем медной киркой делали узкие канавки вокруг всей каменной глыбы. Потом каменщики ударяли молотами по нижней части скалы, и камень отделялся от нее.

Если же приходилось выламывать плиты твердых пород, как, например, гранита или базальта, работа велась сначала так же, как и в первом случае. Только ударами по низу плиты нельзя было отделить ее от скалы. Поэтому рабочие прорубали снизу щели и вставляли в них металлические клинья. Потом ударяли по клинью тяжелыми молотами. Иногда вместо металлических в щели вбивали деревянные клинья и поливали их водой. Дерево разбухало, камень трескался и откалывался.

Перед укладкой камни отесывали и шлифовали. А когда стена была сложена, плиты полировали. Чтобы проверить, достаточно ли ровная поверхность, к плите прикладывали совершенно прямую доску, смоченную красной краской. На всех выступах и бугорках оставалась краска, и плиту вновь обрабатывали. Камень обтесывали медными долотами и резцами, а шлифовали речной галькой, подсыпая песок и подливая воду.

Как же поднимали наверх тяжелые каменные плиты и блоки? И на этот вопрос дает ответ пирамида Сехемхета, потому что ее постройка не была закончена. Вокруг пирамиды обнаружены насыпи из тафла (мягкой глины). По ним рабочие поднимались на верх строящейся пирамиды и на веревках втаскивали каменные глыбы. Если бы пирамида была достроена, все насыпи были бы уничтожены.

Десятки тысяч крестьян и рабов были согнаны на постройку пирамиды. Они жили в бараках или маленьких домиках. Циновки служили им столом и кроватью. За работу строителям платили «натурой», т. е. выдавали продовольствие. Еды едва хватало, чтобы не умереть от голода. Рабочий день продолжался от восхода до захода солнца. Много людей погибало от солнечного удара, от непосильного труда, от систематического недоедания и болезней. Но какое дело было фараону до жизни рабочих? На место одного умершего надсмотрщики пригоняли десять других. Так строили египетские фараоны свои великолепные гробницы — «дома вечности».

ЗА ПОРОГАМИ НИЛА

Высоко в скалах на берегу Нила, против острова Элефантины, высечены гробницы номархов — правителей Элефантинского нома (области). Здесь проходила южная граница Египта, и пороги, преграждавшие реку, служили надежной защитой от набегов кочевников юга. Только «мирным неграм» был открыт доступ на остров, куда они привозили свои товары, охотно покупавшиеся египтянами. Одним из главных и дорогих предметов ввоза была слоновая кость. Египтяне даже остров называли «Абу», что значит «остров слона», а греки перевели это название на свой язык — «Элефантина» (по-гречески слон — слон). Греческое название острова сохранилось до сих пор.

За порогами, по верхнему течению Нила, простирались владения темнокожих племен — нубийцев. Около самой границы, между первыми и вторыми порогами, лежала страна Вават. К югу от них находилась область Куш, а у слияния Белого и Голубого Нила жили воинственные племена маджаев.

Бедны и неприглядны были деревни Нубии. С двух сторон — с востока и запада — лежали сыпучие пески пустыни, и только узкая полоска берега у самой реки была удобной для земледелия. Поэтому нубийцы мало занимались земледелием, а в основном разводили скот, у них были большие стада коз и коров. Но не в этом заключалось их главное богатство. Золото и слоновую кость, страусовые перья и шкуры пантер, черное и розовое дерево и пахучие прозрачные смолы привозили нубийцы продавать в Элефантину. Однако египетские фараоны очень скоро поняли, что выгоднее не покупать эти драгоценные товары, а отбирать их у нубийцев как военную добычу. Поэтому они стали посылать в Нубию большие и хорошо вооруженные войска во главе с опытными военачальниками. Обычно руководил этими экспедициями элефантинский номарх. Его называли «главой юга», «внушающим ужас соседним странам», «каравановожатым, доставляющим своему владыке (т. е. фараону) дары из чужеземных стран». Все эти титулы были высечены на стенах гробниц

элефантинских номархов. Одним из самых знаменитых номархов был Хуфхор. Он много раз возглавлял походы за пороги Нила, и на стенах его гробницы сохранилась подробная запись о всех этих экспедициях.

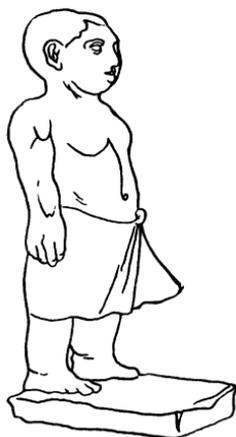
Походы на юг были опасным предприятием. Пока не был вырыт канал в обход порогов, подниматься вверх по реке было нельзя — быстрое течение, водопады и водовороты, подводные камни делали невозможным продвижение судов. Поэтому, достигнув порогов, воины выходили из лодок, строились в отряды и шли пешком по берегу. Суда они тянули волоком. Иногда путь преграждали пески, иногда — топкие болота. Но Хуфхор со своими воинами уже мог плыть за пороги, не высаживаясь на сушу, так как за много лет до него по приказу фараона был вырыт канал в обход порогов и Нубия завоевана до вторых порогов. Не один раз туда отправлялись дед и отец Хуфхора, бывшие номархами Элефантины. Но однажды, еще при жизни отца, Хуфхор был назначен «каравановожатым». Правда, в первый раз его не рисковали отправить одного в далекий и опасный путь. Хуфхора сопровождали отец, опытный каравановожатый, щедро снабжавший царскую казну дарами юга. Поход продолжался семь месяцев, и так как Хуфхор показал себя умелым военачальником и собрал большую дань, то во второй раз он уже отправился в поход один во главе многочисленных отрядов воинов.

Несмотря на то что Нубия считалась покоренной, ее свободолюбивые и воинственные племена постоянно оказывали египтянам сопротивление. Особенно страшны были атаки маджаев. Вооруженные огромными луками и тонкими стрелами, они испускали дикие воинственные крики и стремительной лавиной обрушивались на врага. Трудно было выдержать этот натиск, и нередко египетские войска обращались в бегство.

Но Хуфхор и из второго похода, продолжавшегося восемь месяцев, вернулся с победой и богатой данью.

Во время третьей экспедиции Хуфхор проник со своими войсками далеко вглубь Нубии, усмирил силой оружия некоторые непокорные племена и собрал большую дань. Триста ослов навьючили египтяне товарами юга и отправили на север под конвоем. Никто не отважился напасть на караван, шедший под надежной охраной. Многие вожди племен приносили Хуфхору в дар скот и давали проводников по горным хребтам и перевалам.

Наконец экспедиция достигла границ Египта. У порогов Нила Хуфхора ожидал гонец фараона с лодкой, наполненной яствами с царского стола, чтобы отважный каравановожатый мог отдохнуть после опасного и утомительного пути. Так проявил фараон свое расположение к любимому номарху Хуфхору, который приводил в Египет рабов и привозил богатые дары Нубии в царскую казну.

Карлик из племени данг.

Когда умер царь Меренра, на престол вступил его брат Пепи II. Хуфхор по-прежнему оставался на своем посту, охранял границы Египта и совершал походы в Нубию.

Во время одной из таких экспедиций Хуфхор захватил в плен маленького чернокожего карлика из племени данг. Карлик умеет петь и плясать и своими ужимками и прыжками доставлял много удовольствия номарху. И он решил взять его с собой в Египет и подарить фараону. В донесении о результатах экспедиции Хуфхор упомянул о карлике Фараона привел в восторг диковинный подарок. Желая получить скорее новую забаву он продиктовал писцу ответ Хуфхору. Царское письмо Хуфхор велел высечь полностью на стене своей гробницы, и оно сохранилось до нашего времени.

«Спешу, привези с собой этого карлика здоровым и благополучным, для пляски, для развлечения сердца царя. Когда он взойдет с тобой на корабль, приставь надежных людей, которые были бы позади него на обеих сторонах корабля. Прими меры, чтобы он не упал в воду. Ночью, когда он будет спать, приставь надежных людей, чтобы они спали позади него, внутри его палатки. Осматривай ее сам ночью по десяти раз. Мое величество хочет видеть этого карлика более, чем дары сиңайских рудников и Пунта». Так угодил Хуфхор фараону Пепи II, которому тогда едва исполнилось восемь лет.

СУДЬБА ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА

Египтяне верили в то, что после смерти их жизнь будет продолжаться в царстве мертвых. Поэтому богатые люди строили для себя большие гробницы, наполняли их вещами, которые им будут необходимы в загробной жизни, и покрывали стены гробниц росписями. Эти росписи подробно рассказывают о жизни богатых людей, так как только они могли устраивать для себя такие «дома вечности». Кроме рисунков, стены покрывали еще и надписями, в которых рассказывали о владельце гробницы. По этим росписям и надписям хорошо известна жизнь египетских вельмож, знатных чиновников, фараонов.

В росписях очень много изображений трудящихся, которые обслуживают своего господина. Ткачи и сапожники, столяры и плотники, кузнецы и ювелиры работают в мастерских, поля и сады обрабатывают земледельцы, пастухи пасут стада. По этим рисункам можно узнать только, как они работают. А как они жили? Об этом рисунки молчат. Но глядя на фигуру толстого

человека с плеткой в руке — он часто изображен рядом с работниками, — нетрудно догадаться, что жизнь этих людей не была легкой. Об их жизни можно узнать из текстов на папирусах, в которых описывается тяжелая доля земледельцев и ремесленников. Чаще всего об этом писали в наставлениях школьникам, чтобы они стремились стать писцами и избежать тяжелой жизни людей, занятых физическим трудом. Вот что рассказывается в одном из таких поучений о жизни земледельца.

Еще не начался разлив Нила, а земледельцы уже очищают каналы, готовятся к наводнению. Недаром говорится про них, что, «когда прибывает вода, мокнет земледелец на берегу».

Но вот после разлива вода постепенно спадает. Наступает сезон перт — выход. Это значит земля вышла из воды. Толстый слой ила покрывает мягкую почву, и надо торопиться с посевом.

И вот ранним утром, едва солнце озарило землю, крестьянин Нахтмин вышел со своими сыновьями в поле. Землю легко пахать: она после наводнения влажная и рыхлая. Начался сев. Нахтмин идет впереди. Он достает горсть зерна из сумки, повешенной на веревке через плечо, и разбрасывает его вокруг. За ним Месу, старший сын, впрягся в плуг и тянет его за собой, а младший Монту держит ручки плуга и налегает на них, чтобы лучше прикрыть зерно землей. Иначе его либо склюют птицы, либо оно будет унесено ветром, когда земля высохнет под жарким солнцем. И тогда прощай урожай!

Часто на росписях изображены быки, которые тащут плуг. А иногда по полю прогоняют стадо овец, баранов, свиней, чтобы они втоптали зерно в землю.

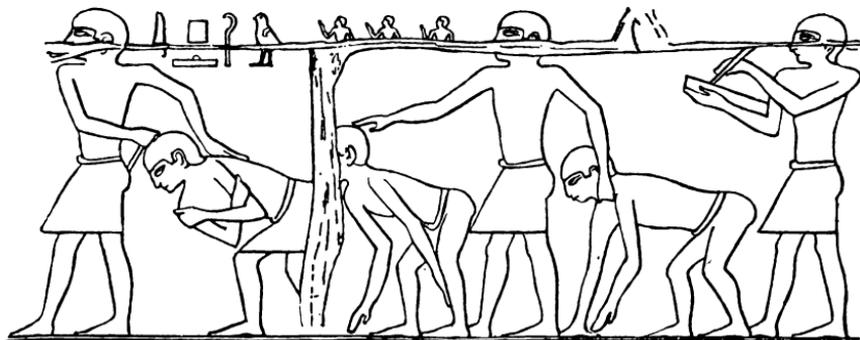
Но у Нахтмина нет ни быков, ни стада баранов и свиней. Поэтому всю работу делают он сам и его сыновья.

Наконец посев окончен. Но это не самая трудная работа для земледельца. Тяжелое время наступает тогда, когда после наводнения начинается жара. Дождей в долине Нила почти не бывает, поэтому каждый день надо поливать поля, таскать воду из каналов. Хорошо, если разлив Нила был большой и в каналах осталось много воды. Тогда урожай будет хороший и после жатвы Нахтмин сможет уплатить подать в царскую казну, отложить зерно для посева на следующий год, и еще останется достаточно, чтобы прокормить семью до нового урожая.

Но ведь бывают и неурожайные годы, особенно в тех случаях, когда во время наводнения вода мало поднялась. И тогда происходит то, о чем рассказывается в надписи на папирусе Британского Музея в Лондоне.

Вот участь земледельца: червь потравил посевы, саранча опускается на поле, мыши кишат повсюду, и воробьи приносят горе земледельцу. Нанимал он упряжку волов, а теперь они потеряли цену: скот, измученный пахотой и молотьбой, подыхает.

Но вот наступает самое страшное в жизни земледельца. К берегу причалила лодка. В ней писец и сборщик налогов с

Наказание должников.

палкой. С ними еще стражник — негр с прутьями. Они выходят на берег и говорят земледельцу — «давай зерно». А зерна у него нет. Тогда земледельца связывают и бьют палкой и прутьями. А потом его бросают в яму с водой. На его глазах избивают его жену и детей. И когда соседи видят это, они бросают свои дома и убегают, чтобы спастись от побоев и от заключения.

Одни бегут на окраины и собираются в шайки грабителей. Другие становятся бродягами. В египетской литературе появляется образ бездомного скитальца, «уставшего, который умер на дамбе, не оставив никого после себя на земле. Река и солнечный жар охватывают его ноги и руки. И говорят с ним рыбы прибрежные...».

В литературных произведениях этого времени в ярких красках описано положение трудящихся в стране: «Сердца в нищете, печаль в каждом месте. Города и деревни плачут. У бедняка нет силы, чтобы защитить себя от тех, кто сильнее его».

«...Сердца злы,—говорится в другом тексте,—каждый грабит ближнего. Человек с ласковым взором несчастен, доброго везде презируют. Человек, на которого надеешься, бессердечен. Нет справедливости. Земля—это приют злодеев. Я подавлен несчастьем. Нет у меня верного друга. Злодеи губят страну, и нет этому конца...»

И бедняк видит спасение от своей злой доли только в смерти. Он воспевает ее, как избавление от всех несчастий, как единственную радость, которая осталась ему в жизни;

Смерть стоит передо мной сегодня подобно выздоровлению, подобно выходу после болезни.

Смерть стоит передо мной сегодня подобно аромату мирры, подобно сидению под навесом в ветреный день.

Смерть стоит передо мной сегодня подобно аромату лотоса, подобно сидению на пиршестве на берегу.

Смерть стоит передо мной сегодня подобно удалению бури, подобно возвращению человека из похода к дому своему.

На берегу Невы в Ленинграде стоит величественное здание — Государственный Эрмитаж, самый большой музей Советского Союза и один из знаменитых музеев мира. В отделе древнего Востока Эрмитажа хранится много египетских памятников. Среди них папирус, написанный писцом Неферти. Он рассказывает о восстании, которое произошло в его время:

«Нил высох, его переходят вброд. Никто больше не пашет. В стране восстание. Человек сидит в своем углу, а в это время люди убивают один другого. Отнимают собственность у богатых людей. Человек, не имевший власти, стал могущественным, бедняки превратились в богачей. Рабы возвысились. Незнатные люди поедают жертвы, принесенные в храм. Все, что было внизу, поднялось вверх».

Еще более полную и яркую картину этого события мы находим в папирусе, написанном вельможей Ипувером. Этот документ хранится в Голландии, в музее города Лейдена.

Высоко поднялся огонь над столицей, зарево его видно далеко. Фараон попал в плен к восставшим, и теперь горит его дворец. Но вот уже рухнула крыша, сгорели деревянные колонны, ничего больше не осталось от дворца. И только обгоревшие кирпичные стены уныло возвышаются среди развалин и обломков, покрытых серым пеплом и раскаленными углями.

А рядом, в кварталах близ дворца, бушует огонь. Трещат балки, объятые пламенем, вспыхивают деревянные стены зданий, не хватает воды, чтобы залить это море огня, от страшного жара невозможно подойти близко. Это горят дворцы вельмож. «Столица разрушена в один час», — говорится в папирусе.

Многие кварталы все же уцелели от огня. Вот на углу светлый дом, его двери распахнуты настежь, в них беспрестанно входят и выходят бедно одетые люди. На одних висят жалкие лохмотья, другие совсем обнажены, и только узкий пояс стягивает их бедра. Но зато все вооружены. Одним удалось раздобыть себе настоящие мечи и копья, другие захватили просто большие дубины. Это восставшие бедняки — крестьяне, ремесленники и рабы — захватили столицу. Только что ворвались они в управление по сбору податей со всего Египта — податную палату¹. У двери прямо на улице валяются груды свитков папирусов. По ним ходят, их топчут ногами, стараются их уничтожить.

А какие перемены произошли внутри дома, в комнатах, где помещались канцелярии! Недавно тут на циновках сидели, скрестив ноги, царские чиновники. На коленях их были разернуты свитки, они писали на папирусе тонко очиненными тростниковыми палочками. Чиновник-писец аккуратно обмакивал ее в черную

¹ Палата — учреждение, где работали чиновники-писцы. В царской палате было много различных канцелярий.

краску и старательно выводил замысловатые знаки иератикки — египетской скорописи. Вдоль стен стояли узорчатые ларцы. В них хранилось множество свитков папирусов. В одних ларцах лежали податные списки. В них были переписаны все крестьяне, размеры их земельных участков, количество скота, число деревьев на их земле. Регулярно через год производили царские чиновники такую перепись по всей стране и отправляли готовые списки в податную палату. А там специальные писцы рассчитывали, сколько зерна, масла, вина, льна, ткани, сосудов должен давать каждый в царскую казну. В особых ларцах лежали другие списки, в них были записаны все должники. На каждого был заведен счет, и в папирусах были точно указаны все недоимки бедняков. Время от времени чиновники с отрядом стражников выезжали в номы, чтобы собрать недоимки. Они подъезжали на лодках к поселениям, хватили бедных крестьян, избивали их палками, а потом увозили с собой зерно, масло и вино, угоняли скот — словом, забирали все имущество земледельца, превращая его в разоренного бедняка. Страшнее чумы или нашествия врагов были эти карательные отряды чиновников.

И вот теперь дом податей захвачен бедными людьми. В нем все перевернуто вверх дном. Чиновников прогнали, открыли ларцы, выбросили податные списки, папирусы с записью недоимок. Уничтожен счет долгов бедняка, никто больше не посмеет его грабить!

Не только податную палату захватили бедняки. Все учреждения столицы теперь в их руках. Отовсюду, из всех канцелярий прогнаны царские писцы.

Захвачена бедняками и судебная палата. Прежде туда не было доступа простым людям, тайны палаты строго охранялись. Никогда не могли найти правосудия крестьяне или ремесленники, закон всегда защищал знатных и богатых вельмож. Теперь в этой палате сидят судьи-повстанцы. Они сами крестьяне и хорошо знают нужды бедняков.

Восставшие не ограничились захватом столицы. По всей стране прокатилась волна восстания, весь Египет в огне. «Бедняки в каждом городе говорят: «Да будем бить мы знатных среди нас...» Страна юга охвачена смутю, города юга разрушены. Плачет северная страна...» — так говорится в папирусе.

От дельты до Элефантины, от границы до границы — поднялись крестьяне против своих господ. Рабы и ремесленники, все, кто были в горе и нищете, примкнули к восставшим. Они поменяли плуги на мечи, оставили долото и резец, шило и молот, взяли в руки копье и топор, лук и нож. Они оставили свои мирные занятия и все стали воинами. Вельможи и правители спасаются бегством, они не находят нигде даже милостыни. Вслед за вельможами убегают из канцелярий и писцы.

Все переменялось в Египте. Земля перевернулась, подобно гончарному кругу.

Имущество богачей и вельмож было отобрано восставшими. Тот, кто прежде был нищим и даже не имел сандалий, стал владельцем богатств. Тот, кто не мог построить себе хижины, живет в прекрасном доме. Тот, у кого не было даже куска хлеба, стал хозяином большого закрома. Земледелец, у которого не было ослы, чтобы вспахать свое поле, теперь имеет целое стадо быков. Бедняк, который носил жалкие лохмотья, так как не мог выткать себе холста, теперь носит одежду из тонкого полотна. Тот, у кого не было лодки, стал теперь хозяином кораблей. А их бывший владелец смотрит на них, но они уже не принадлежат ему.

Никто не повинуется своим хозяевам. Все слуги разбежались от своих господ. Рабы стали свободными. Те, которые не видели сияния дня, так как целый день работали в тесных каморках, теперь разгуливают беспрепятственно. Рабыни не слушают своих господ, они сами отдают приказания своим хозяйкам. Драгоценные ожерелья, браслеты и украшения надеты на рабынях. Та, которая смотрела на свое отражение в воде, теперь любит себя, глядя в прекрасное зеркало.

Нет больше тех, которые жили праздной жизнью и заставляли работать на себя крестьян и рабов. «Погибли те, которые видели вчерашний день. Нет нигде человека вчерашнего дня...».

До нас не дошли документы о том, как было подавлено восстание, но несомненно, египетские рабовладельцы жестоко расправились с повстанцами.

*

И Неферти и Ипувер были знатными и богатыми людьми. Они с великой печалью описывают восстание, оплакивают вельмож и изгнанного царя, возмущаются действиями восставших бедняков и рабов. С радостью повествует Неферти о том, что восстание было подавлено, фараон снова занял трон, вельможи вернули былую власть.

РАССКАЗ ЕГИПТЯНИНА СИНУХЕТА

Рано утром начинается жизнь в южном городе на берегу Нила — Луксоре¹. Пока солнце не поднялось высоко и не наступил еще палящий зной, торговцы спешат со своими товарами на базар. Одни подгоняют ослов с навьюченными на спине большими мешками, другие сами тащат тележки, нагруженные мешками, трети несут поклажу на собственных плечах. А на базарной площади уже шумит толпа. Горы фруктов и овощей лежат прямо на земле, издали кажется, что это сад с яркими разноцветными клумбами. Тут же стоят глиняные сосуды самой разнообразной

---

¹ Луксор — находится неподалеку от места расположения древней египетской столицы — Фивы.

причудливой формы. Одни из них гладкие одноцветные серые из необожженной глины или кирпично-красные, прошедшие обжиг в печи. Другие — кувшины, чаши, миски, тарелки — расписаны пестрыми узорами, напоминающими восточные ковры. А вот и лавка с коврами в ряду других таких же лавок. В них торгуют дорогими шелками и парчой, бархатом и атласом, медной и бронзовой посудой, резной костью, бусами, кольцами, браслетами... Всего не перечислишь, чем полны лавки богатых купцов.

Толстые, важные купцы сидят в глубине прохладных лавок, а у входа молодые черноглазые приказчики пронзительными голосами заывают покупателей. Их громкие голоса смешиваются с криками торговцев и покупателей, с ревом ослов и быков, ржанием лошадей и блеянием овец и баранов. Шум, суета и сутолока оглушают человека, впервые попавшего на восточный базар.

С трудом пробираясь сквозь густую толпу торговцев и покупателей, медленно идет по базару высокий худой человек. Тонкое красивое лицо, русая остроконечная борода и серые глаза выдают в нем европейца. Он не останавливается ни у лавки ковров, ни около ювелиров. Его не привлекают ни сочные, спелые фрукты, ни пряные сладости. Осторожно обходя продавцов и покупателей, он идет в конец базара, где расположены лавки торговцев древностями. Чего тут только нет! Жуки-скарабеи из фаянса, ярко-голубые, бледно-зеленые, желтые украшения из сердолика и аметиста, яшмы и малахита. Статуэтки из бронзы, дерева, камня и глины, плиты с изображениями людей и надписями, вырезанными иероглифами. Бронзовые, каменные сосуды, чаши из глины, старинные полуистлевшие ткани — все есть в этих лавках. Среди подлинных памятников древнего Египта много подделок. Их изготовляют в своих мастерских ремесленники, а купцы продают как подлинники легковерным туристам.

В лавку вошел человек, который только что пробирался через толпу — это русский египтолог Владимир Семенович Голенищев.

От Александрии до Асуана всем торговцам древностями известен Владимир Семенович. Он великолепно владеет древнеегипетским языком и является блестящим знатоком египетской древности. Голенищев с первого взгляда умеет отличить подлинный памятник от подделки. Поэтому ни один даже самый хитрый и жуликоватый купец не смеет предложить русскому египтологу подделку.

В Петербурге у Владимира Семеновича настоящий музей — несколько тысяч подлинных памятников искусства и культуры древнего Египта¹.

Вот и сейчас купец почтительно встал перед Голенищевым и, низко кланяясь, приветствовал знаменитого ученого. Потом купец

---

¹ Вся коллекция В. С. Голенищева хранится в Москве в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и составляет основное ядро отдела древнего Востока.

расчистил на прилавке место, вынул из ящика несколько кусков папируса и один свернутый в трубочку свиток и положил их перед покупателем.

— Только для вас берег, — улыбаясь сказал купец. — Ни одному знатоку древних письмен не показывал...

Голенищев кивнул головой и стал внимательно вглядываться в ровные строчки, написанные четким почерком древнеегипетской скорописи.

«Вождь их, бывавший в Египте, узнал меня. Он дал мне воды, вскипятил мне молока; я отправился с ним к его племени...» — читает Владимир Семенович.

«Знакомый текст! Откуда он? — задумался Голенищев. — Да это же рассказ египтянина Синухета». Владимир Семенович хорошо знает его. В Берлине в музее есть два папируса с этой повестью. Первый самый большой и наиболее полный (445 см длины и 16 см ширины) относится к 1800 году до н. э., второй — оборванный, без конца создан лет на сто позже. И Голенищев, не торгуясь, покупает все папирусы, предложенные купцом, в том числе несколько фрагментов с рассказом Синухета.

В отличие от берлинских папирусов на этих фрагментах нет вертикальных строк. Весь текст написан горизонтальными строчками, мелким почерком, каким писали в XIII в. до н. э. Значит, он лет на 600 моложе первого дошедшего до нас папируса. Но не только на папирусах дошел до нас этот текст. В различных европейских музеях хранятся глиняные черепки с отрывками из этой повести.

Рассказ египтянина Синухета, очевидно, был одним из любимых произведений древнеегипетской литературы, и его много раз переписывали. В нем рассказывается о приключениях одного египетского вельможи, который бежал из Египта, спасаясь от царского гнева.

«Репати, хати, единственный семер (вельможа) Синухет говорит...» — так начинает свой рассказ знатный придворный. И дальше он рассказывает о том, как бежал из Египта, и о том, как жил вдали от родины.

«В 30-й год, третий месяц ахет, в седьмой день царь Верхнего и Нижнего Египта Схотепibra взошел на небо и соединился с солнцем» — такими словами описывает Синухет смерть фараона Аменемхета I, вторым именем которого было Схотепибра.

Царский двор погрузился в траур, придворные опустили головы, народ был в глубокой печали.

В этот день старший сын царя, Сенусерт, наследник престола и соправитель отца, находился далеко на севере, на границе Ливийской пустыни. Он был послан во главе войска захватить страну Тёмеху к западу от дельты Нила. Много набегов уже со-

Азиатские племена приносят дар

вершил Сенусерт на жителей Темеху, и не раз отсылал он в Египет богатую добычу и большое число пленных.

Весть о смерти отца дошла до Сенусерта раньше, чем доехали послы дворца. Ни минуты не медлил царевич, когда прибыл к нему гонец, опередивший послов, и сообщил печальную весть. Глубокой ночью тайком от своего войска Сенусерт собрался в столицу. С ним были только самые надежные люди из его телохранителей. Слишком много братьев было у Сенусерта, и любой из них мог захватить царский престол, пользуясь отсутствием наследника в столице. Вот почему так быстро уехал Сенусерт, и даже братья его, бывшие с ним в походе, ничего не знали об отъезде.

Гонцов дворца Сенусерт встретил уже по дороге. Он приказал им продолжать свой путь и рассказать его братьям о смерти отца. Сам же он торопился прибыть в столицу.

Гонцы из дворца приехали в лагерь. Один из них вошел в шатер царских сыновей и сообщил им печальную весть. Синухет случайно находился около шатра царевичей и слышал весь разговор. Опечалился Синухет, когда узнал о смерти фараона Схотепибра — Аменемхета. Но когда Синухет услышал, что послы встретили Сенусерта уже на половине дороги в столицу, он пришел в смятение: «Сердце мое смутилось, руки разошлись, так как дрожь охватила все мое тело. Прыжками я удалился, искал места, где бы укрыться, спрятался за двумя кустами и предоставил дорогу идущим по ней».

В столице, вероятно, произойдет смута, царевичи будут драться за царский престол, и неизвестно, кто победит. И кто знает, не будет ли разбита та группировка, с которой был связан Синухет, и уцелеет ли он сам. Надо бежать из Египта, и бежать как можно скорее, решил Синухет.

Всю ночь шел Синухет на восток, не останавливаясь по дороге и обходя населенные места. Наконец к утру добрался он до озера и весь день просидел в поле, боясь встречи с людьми. Ночью он снова пустился в путь. Переплыл через озеро на чужом судне без руля, добрался до каменоломен и оттуда повернул на север. Наконец Синухет достиг восточной границы, где находи-

ипетскому номарху.

лась «Стена князя» — пограничная крепость, которая защищала Египет от набегов кочевников с востока. Это было самое опасное место для Синухета. По стене ходили часовые, и они могли заметить беглеца. Весь день просидел Синухет в кустах, и лишь глубокой ночью он перешел границу, и день застал его далеко от Египта, в пустыне Синайского полуострова. Стояла изнуряющая жара, жажда томила Синухета, его горло пылало, беглец упал.

«Это вкус смерти», — подумал он. А сил, чтобы идти дальше, у него не хватало.

Вдруг откуда-то донеслось мычание коровы. Значит, близко люди, пасущие свои стада, и он теперь спасен. Страшным усилием воли Синухет заставил себя подняться. К нему приближались бедуины — кочевники пустыни. Вождь племени, не раз бывавший в Египте, ласково встретил пришельца, приказал напоить его водой. Потом Синухета накормили, он отдохнул и снова двинулся в путь, не раз встречая по дороге племена бедуинов.

— Страна передавала меня стране, — рассказывает Синухет.

Сначала беглец попал в город Библ, расположенный на берегу Средиземного моря. Оттуда он ушел, полтора года прожил в другом месте и, наконец, добрался до страны Ретэну в горах Северной Сирии. Ее царь — Амуэнши — слышал о Синухете.

— Останься у меня, — сказал ему царь, — тебе у меня будет хорошо, ты скоро услышишь египетскую речь. Ведь послы Египта часто бывают у нас. Затем он спросил Синухета:

— Как ты попал сюда? Не случилось ли плохое во дворце?

— Царь Верхнего и Нижнего Египта Схотепибра взшел в горизонт. Неизвестно, что случится после этого... — отвечал Синухет.

— Зачем же ты ушел?

Синухет замаялся. Ему не хотелось рассказывать настоящую причину своего бегства, и он сказал неправду:

— Я вернулся из похода в Темеху, когда мне сообщили о смерти его величества. Сердце мое смутилось, оно повело меня вдаль. Я не был в опале, меня ни в чем не обвиняли, никто не говорил плохого обо мне. Я сам не знаю, что заставило меня уйти, что занесло меня в эту страну!

— Как же Египет остался без своего владыки, перед которым все трепещут?

— Сын фараона, Сенусерт, вошел во дворец и правит вместо отца. Он велик своим могуществом. Он покоряет чужеземные страны, сокрушает своих врагов. Пошли к нему послов, и он окажет милость твоей стране.

— Конечно, Египет благоденствует, зная, что царь его могуч.— сказал Амуэнши. — Но послушай, останься со мной, тебе хорошо будет у меня.

И Синухет остался.

Амуэнши женил Синухета на своей старшей дочери и позволил ему выбрать любой участок земли. Синухет поселился в прекрасной земле Иаа. Там росли смоковницы и виноград, маслины и другие плоды, вина было больше, чем воды, было изобилие меда. На полях росли ячмень и полба, а на лугах паслись многочисленные стада домашних животных.

Синухет вскоре стал начальником одного из племен. Каждый день пекли для него свежий хлеб, варили мясо, жарили птиц. Охотники снабжали его дичью, а пастухи приносили молоко.

Так прожил Синухет много лет в стране Верхнего Ретену. Его сыновья выросли и сделались вождями племен. Дом Синухета стал известным во всей стране, и каждый посол, который приезжал в Ретену, останавливался у Синухета. Любой странник находил у него приют. Он давал воду тому, кто хотел пить, выводил на дорогу того, кто заблудился, и спасал того, кто был ограблен в пути.

Когда кочевники пустыни совершали набеги на Ретену, Синухет давал советы военачальникам. И Амуэнши сделал его начальником всех войск. Много лет не знала страна Ретену поражения в войнах. Блшшую добычу приносили войны, которыми командовал Синухет. И царь видел храбрость его, и силу его руки, и был Синухет угоден сердцу Амуэнши.

Однажды пришел силач из другой страны. Он захотел померяться силой с Синухетом, так как был уверен, что одолеет его. Синухет принял вызов. И на рассвете противники встретились. Вместе с силачом пришли люди его страны. Собрались и жители Ретену. Сердца их болели за Синухета, и все говорили: «Разве есть богатырь, который может сразиться с ним?»

Силач выпустил свои стрелы в Синухета, но тот уклонился от них и выбил оружие из рук силача. Тогда силач кинулся на Синухета, и они схватились в смертельном бою. Синухет пронзил силача своим копьем, и тот упал лицом на землю, пораженный насмерть. Синухет издал победный крик, сидя на спине врага. Амуэнши обнял победителя.

Так жил Синухет в чужой стране. Его любил царь, уважали все жители, и дом его был полон богатств.

Прошло много лет. Синухет состарился. Глаза его потеряли былую зоркость, руки ослабели, ноги не могли много ходить,

сердце устало и было охвачено тоской. Хотелось Синухету увидеть родную страну, кончить жизнь свою в Египте, на родине.

Узнал фараон Сенусерт от своих послов о желании Синухета вернуться домой, простил беглеца и послал ему письмо с разрешением приехать в Египет: «Возвращайся в Египет, чтобы снова увидеть дворец, в котором ты жил, поцеловать землю родины твоей, занять место среди моих приближенных». Прочли это письмо Синухету, поклонился он до самой земли и с радостью сказал:

— Великая милость оказана царскому слуге, которого сердце увлекло в чужие страны.

И Синухет стал собираться в далекий путь на родину. Он отдал свое имущество детям, старший сын стал вождем племени вместо отца.

В Египет отправили гонца с донесением, что Синухет возвращается на родину. А сам Синухет в сопровождении слуг пустился в дорогу. Сначала он добрался до моря, а затем на судне отплыл в Иттáуи — столицу Египта. И наступил день, когда судно причалило у пристани Иттауи. На рассвете прислали за Синухетом. Когда он подошел к сфинксам, стоящим у ворот дворца, то низко им поклонился, коснувшись лбом земли. У входа царские дети встретили Синухета, а придворные повели его в приемный зал.

Его величество Сенусерт сидел на троне. Синухет приблизился к нему и распростерся перед ним на полу. Волнение охватило Синухета. Он не помнил себя, тело его дрожало, «душа ушла из него», «и он не мог отличить жизнь от смерти».

Повелел фараон Синухету встать и сказал:

— Говори!

Поднялся Синухет и сказал:

— Нет вины моей в том, что я бежал. Это была моя судьба. А теперь я стою перед тобой, и тебе принадлежит моя жизнь.

Обратился его величество к царице:

— Вот пришел к нам Синухет. Он похож на азиата.

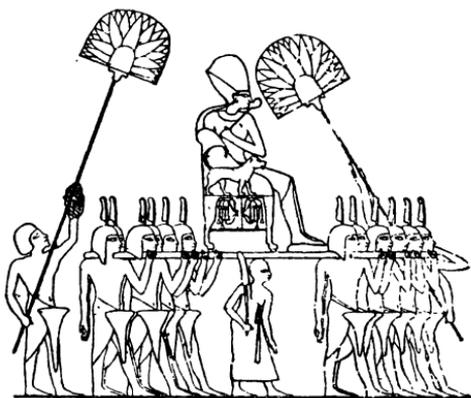
Она громко вскрикнула, а царские дети сказали:

— Это не Синухет, о царь, господин наш!

И тогда царь сказал:

— Нет, это действительно Синухет.

А потом он обратился к Синухету:

Фараон, которого несут на носилках.

— Не предавайся страху. Ты будешь вельможей среди знатных людей, ты станешь моим придворным.

Потом Синухета повели в покои царевичей. Там были приготовлены одежды из тонкого белого полотна и душистое масло. Синухету обрили бороду, причесали волосы, и ему показалось, что он сбросил с себя многие годы. Синухет снял с себя тяжелые одежды из пестрой ткани, которые носят жители пустыни, и переоделся в тонкое платье. Его тело умастили благоухающим маслом.

Царь пожаловал Синухету большой дом, какой был у каждого вельможи. Ежедневно носили Синухету еду из дворца, и ни разу не было опоздания. Так жил Синухет в Египте и служил царю до самой своей смерти.

*

Каждый писец, который переписывал эту повесть, делал в конце приписку: «Закончено от начала до конца, как было найдено написанным».

Рассказ Синухета интересен тем, что мы узнаем из него, как жили знатные люди при дворе фараона. В нем подробно описан быт жителей Северной Сирии второго тысячелетия до н. э. Рассказ Синухета — единственный источник, в котором говорится о племенах Верхнего Ретену, живших более трех с половиной тысяч лет назад.

ПОХОД НА МЕГИДДО

Солнце садилось за горизонт. Наступили сумерки, короткие, как всегда в долине Нила, быстро надвигалась ночь. Когда Самут пришел домой, было уже совсем темно.

Мать ожидала его. Маленький светильник мерцающим светом слабо освещал выбеленные стены. На столе был приготовлен ужин — лепешки из муки грубого помола, несколько головок чеснока и сушеные финики. В высоком глиняном сосуде с узким горлышком было налито холодное пиво.

— Привет, тебе, матушка! — сказал Самут, входя в комнату.

Мать, еще не старая, но седая женщина с усталым лицом, ласково погладила сына по плечу.

— Поешь, сынок, отдохни. Ты сегодня очень долго оставался на работе.

— Дела много было. Его величество готовится выступить в поход... — Самут нерешительно умолк и сел ужинать.

Мать внимательно посмотрела на юношу. Ей показалось, что он чего-то недоговаривает.

— В поход? Куда? А ты?..

Самут опустил глаза и продолжал есть. Он чувствовал себя очень неуверенно под пытливом взглядом матери. По дороге до-

мой он мучительно думал, как сказать матери о том, что произошло сегодня на работе. Главный писец царского войска Танэни будет сопровождать фараона в походе. И утром Танени объявил Самуту, что берет его с собой. Сэнеб, отец Самута, был другом Танени. Они учились вместе в дворцовой школе и потом оба были писцами царского войска. Но однажды Сенеб отправился на север с небольшим отрядом и погиб там во время случайной стычки с бедуинами. Самут остался сиротой. Он плохо помнил отца.

Танени стал ему отцом. Он отдал Самута в школу, а когда юноша окончил ее, взял его в свою канцелярию. Теперь Танени идет вместе с царем в поход, и Самут будет его помощником. Редко выпадает такая удача на долю молодого писца, который всего лишь один год работает после окончания школы. Это могло случиться только потому, что ему покровительствует сам Танени, начальник всех писцов военного дома. Но как сказать об этом матери? После гибели отца у нее нет больше никого, кроме сына. Когда ему случилось куда-нибудь уезжать, мать всегда вспоминала, что отец погиб во время путешествия, и беспокоилась за сына. А теперь он идет на войну против правителей Сирии и Палестины.

Самут поел и молча встал из-за стола.

— Что у тебя на сердце, сын мой? Не таись от матери.

Самут вздохнул и, наконец, решился:

— Мать моя! Через два дня его величество Менхепэра — Тутмос выступает с войском в Сирию. Танени идет с ним...

— А ты?

— Танени сделал меня своим помощником.

— И ты идешь на войну?

— Я же не буду воевать. Я буду вместе с Танени около его величества. Нам не грозит опасность...

Мать не ответила. Она стиснула руки так, что хрустнули пальцы, и молча глядела на сына.

— Я вернусь домой с добычей, мне дадут боевую награду. Никогда у меня не будет случая получить хорошую должность, если я теперь откажу Танени.

— Когда орленок становится орлом, он не остается в гнезде. Он летит туда, где есть простор его крыльям. Когда ты, мой сын, из мальчика превратился в мужа, ты не можешь больше оставаться дома. Я всегда ждала этого. Только я не думала, что этот день наступит так скоро.

Самут встал и нежно обнял мать.

— Иди, Самут, туда, куда зовет тебя судьба. Но помни всегда, что дома тебя ожидает мать!

*

В город Кадеш, что лежит на реке Оронте, прискакал гонец из Египта. Он привез важное донесение от верного человека, и его беспрепятственно пропустили к царю.

Фараон Тутмос III

Гонец так срочно выехал, что ему не успели даже дать письмо, и он на словах передал чрезвычайное известие.

— Ее величество царица Макара́ взошла в свой горизонт. Она уже похоронена в гробнице, вырубленной в скале, под ее знаменитым храмом с колоннами. Египтом теперь правит самостоятельно его величество Менхепера — Тутмос, соправитель покойной царицы.

Правитель Кадеша отпустил гонца и задумался. Итак, в Египте наступили перемены. Более двадцати одного года правила страной властолюбивая царица. И хотя муж ее дочери, Тутмос, вместе с царицей короновался и считался ее соправителем, он всегда находился в стороне от всех дел. Царице исправно платили дань все города Сирии и Палестины. Но как быть теперь? Стоит ли считаться с новым фараоном? Вероятно, это слабый и бесхарактерный человек, если почти двадцать два года царица Макара не допускала его вмешательства в управление государством.

Царь хорошо понимал, что ему одному, правителю Кадеша, не под силу бороться с Египтом. Но царств, зависимых от Египта, в Сирии и Палестине много. Если все соединятся и соберут вместе свои войска, у них образуется огромная армия. И тогда можно попробовать положить конец египетскому господству.

Совет старейшин одобрил решение царя. И тотчас во все города, ко всем правителям Сирии и Палестины полетели гонцы: надо всем явиться в Кадеш и обсудить план действий.

Вскоре в Кадеше собрался новый совет. На этот раз в нем принимали участие не только вельможи Кадеша, но и правители многих других городов.

Совещание было недолгим. Было решено, что из каждого города будет послано войско со своими военачальниками. Командовать всей армией назначили царя Кадеша. Он предложил сосредоточить силы союзников около города Мегиддо. Это была хорошо укрепленная крепость у подножия горы Кармел в самом центре Сирии. От Мегиддо начинались дороги к северным городам. Вероятно, Тутмос захочет опять получать дань с городов и начнет войну. Он должен будет пройти мимо Мегиддо. Поэтому там надо держать наготове войска и там нанести Тутмосу сокрушительный удар, преградить ему путь на север. К середине четвертого месяца перт армия союзников под командованием царя Кадеша расположилась в Мегиддо. Египетских чиновников, собиравших дань в Сирии и Палестине, прогнали, и они вернулись в Египет с тревожным известием. Тогда Тутмос приказал немедленно готовиться к военным действиям.

В год 22-й правления царя Тутмоса, в четвертый месяц перт, 25-го числа египетская армия прибыла в Шарухён. На другой

день после короткого отдыха все двадцатитысячное войско двинулось дальше. Через десять дней они пришли в Газу Сирийскую, у подножия горы Кармел. Это был четвертый день первого месяца шему — двадцать вторая годовщина коронации Тутмоса. В честь этого праздника для воинов устроили пир — закололи коз и быков, вынесли бурдюки с пальмовым вином и пивом. В царском шатре подавали изысканные блюда и наливали в ковши сладкое виноградное вино. Самут сидел около Танени вместе со всеми военачальниками. Юноша впервые принимал участие в таком торжестве.

Газа Сирийская была последним городом, правитель которого сохранил верность Египту. Отсюда предстоял трудный переход по горным дорогам и тропам к крепости Мегиддо.

Тутмос приказал разбить лагерь и дать отдых воинам перед тяжелым походом и предстоящими боями. Кроме того, прежде чем двинуться в путь, надо было собрать сведения о расположении войск мятежников. Так называл фараон правителей городов, восставших против египетского ига.

Три дороги вели к Мегиддо от места, где расположился египетский лагерь. Одна дорога — прямая — шла по узкому ущелью через горы. Там не могли разойтись два человека, шедшие друг другу навстречу. Вторая дорога шла в обход гор на север и выходила на северо-запад от Мегиддо. Третья дорога вела, изгибаясь, к югу мимо города Танаака, а выходила на северо-восток от вражеской крепости. Необходимо было разведать, как расположены войска противника, от этого зависел выбор дороги для египетского войска. Двоих лазутчиков Тутмос послал по северному пути. Фараон собирался уже отправить двух разведчиков на юг, но один из них ушиб ногу, и его надо было спешно заменить.

Тутмос задумался, и вдруг Самут вышел вперед. Танени хотел его удержать, но Самут уже успел сказать:

— Мой господин, пошли меня!

Тутмос кивнул головой:

— Да будет так! Иди. Смотрите внимательно вокруг, поскорее возвращайтесь и доложите обо всем, что увидите, — обратился фараон к Самуту и второму лазутчику.

Оба покинули царский шатер.

Через два дня вернулись лазутчики и доложили, что северная дорога свободна, но она длинная и неудобная. Войско будет долго добираться до долины ручья Кйне, на котором стоит Мегиддо.

Вечером того же дня пришел Самут со своим спутником. Сначала они добрались до Танаака. Но дальше нельзя было идти, так как все главные силы противника сосредоточились там. Враг стоял лицом к югу и, очевидно, ожидал, что египетское войско пойдет по самой легкой дороге. Пробраться в крепость не удалось, поэтому не было сведений о том, много ли воинов осталось в Мегиддо, велики ли резервы в армии мятежников.

Тутмос выслушал сообщение лазутчиков и ночью созвал на военный совет всех военачальников. В лагере наступила тишина — все спали. Лишь изредка перекликались часовые. А в царском шатре все еще горел свет. В центре сидел Тутмос. Военачальники расположились на ковре около царя. Танени и Самут сидели у ног фараона. На коленях у них лежали развернутые листы папируса, в руках они держали тростниковые палочки, за ухом торчали запасные. Они внимательно слушали речи царя и военных и тщательно записывали, стараясь не пропустить ни одного слова.

Тутмос встал и гневной речью открыл военный совет:

— Жалкий враг из Кадеша пришел в Мегиддо. Он там сейчас. Он собрал предводителей всех стран, которые подчинены Египту, их лошадей, их воинов, их людей. Он говорит: я поднялся, чтобы сражаться против Египта в Мегиддо. Скажите же мне, что вы думаете?

Все сказали, что надо идти к Мегиддо, чтобы сразиться с врагом из Кадеша.

Тогда Тутмос спросил:

— По какой дороге пойдет наше войско? Если мы пойдем по ущелью, мы скоро достигнем Мегиддо!

И сказали вельможи Тутмосу:

— Как же мы пойдем по узкой дороге? Разве не пойдет лошадь за лошадей и человек за человеком? Разве не будет наш авангард сражаться там, в то время как арьергард еще будет стоять здесь, не сражаясь? Ведь есть еще две дороги к Мегиддо. Пусть наш победоносный господин делает, как считает правильным его сердце. Но не следует идти по той тяжелой и опасной дороге.

Египетские воины (пехота).

Тутмос вскочил с кресла и воскликнул:

— Клянусь, как любит меня Ра и хвалит отец мой, бог Амон, мое величество пойдет через ущелье! Пусть кто хочет из вас идет по другим дорогам, и пусть кто хочет следует за моим величеством!

Тогда все вельможи склонили головы и сказали:

— Да сделает бог Амон, твой отец, согласно твоему сердцу. Мы последует всюду, куда пойдет твое величество, как слуга — позади своего господина.

Танени записал, что войска его величества пойдут через ущелье. А Самут написал приказ царя и разнес его по отрядам: «Да будет храбрым каждый воин! Да будут тверды ваши шаги, когда вы пойдете по узкой дороге!»

Наутро войско двинулось по дороге через ущелье. Тутмос встал перед армией и обратился к воинам:

— Не позволю я никому из моих воинов идти перед моим величеством.

И он сам пошел во главе своего войска, указывая путь каждому человеку. А воин шел за воином, лошадь шла за лошадью. Когда Тутмос вышел из ущелья и его передовые части подошли к ручью Кине и заняли всю долину, арьергард еще стоял на месте. Тогда подошел к Тутмосу начальник всей армии и сказал:

— Ты вышел со своим войском и наполнил долину. Послушай нас на этот раз. Защити своих людей, не вступай в бой, пока не подойдут последние отряды. Тогда мы сразимся с врагами.

И Тутмос остановился, прикрывая передвижение всех частей своей армии. Наконец последний отряд прибыл в долину. Был уже седьмой час после захода солнца. Тутмос велел разбить лагерь. Наутро предстоял бой, и отдых был необходим.

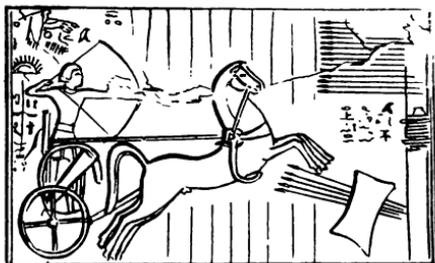
Царь находился в своем шатре. Танени записывал все события дня и речи царя, стараясь не пропустить ни одного сказанного им слова. Военачальники находились при своих отрядах. Воины отдыхали после ужина.

Самут прошел по лагерю, разнося по отрядам приказ его величества: «Приготовьтесь! Отточите ваше оружие, мы выступим, чтобы утром сразиться с презренным врагом».

Войсковые стражники ходили по лагерю и говорили:

— Крепитесь! Крепитесь! Бодрствуйте! Бодрствуйте! Стерегите жизнь и шатер царя. Да будет он жив, здоров и благополучен!

Рано утром Тутмос отдал приказ построиться и выступить в боевом порядке. На блестящей колеснице из сплава золота с се-

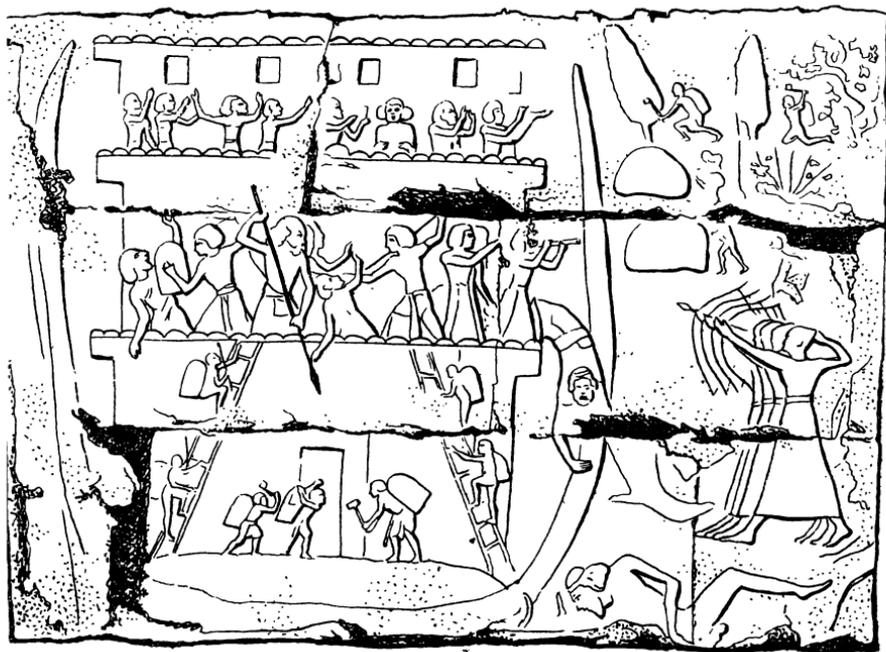

Египетский воин (колесничий).

ребром фараон занял свое место в центре и начал атаку. Армия союзников расположилась в лагере перед крепостью. При первом натиске египтян их войско дрогнуло. В страхе бежали они к крепости, стремясь укрыться за ее стенами. Жители города заперли ворота, боясь, что египетские воины ворвутся в город вслед за отступающим войском. Царю Кадеша спустили веревку и втащили его в крепость, воинов поднимали вверх за их плащи. Все побросали в страхе воины, убегая от египтян: и лошадей, и оружие, и колесницы из золота и серебра. Все богатство свое оставил в шатре царь Кадеша, убегая в панике перед Тутмосом.

Победа над врагами легко досталась египтянам. В этот день они без труда могли бы овладеть крепостью и закончить поход. Но египетских воинов ослепил блеск золота и серебра, дорогое оружие и роскошь царского шатра. Они начали грабить оставленные беглецами богатства. А в это время союзники укрепились за стенами Мегиддо, и ни один враг не проник внутрь. В этот день крепость не смогли взять.

Гневу Тутмоса не было границ. Он собрал вечером все свое войско и с возмущением произнес перед ним речь. Он негодовал на своих воинов, которые увлеклись грабежом добычи и упустили

Осада крепости египетскими войсками.

самое главное — захват крепости. Не полной была победа. Затем он отдал приказ начать осаду и в заключение сказал:

— Сражайтесь хорошо, мои храбрые войска! Вожди всех городов собрались сейчас в этой крепости. Взятие Мегиддо — это взятие тысячи городов. Сражайтесь храбро, храбро!

Много дней длилась осада Мегиддо. И, наконец, город пал. Триста сорок пленников, более девятисот колесниц, две тысячи лошадей, царское имущество и множество скота захватили египтяне в Мегиддо, и Самут с утра до поздней ночи переписывал награбленные богатства. А Танени записывал события каждого дня. Затем, по возвращении в Египет, летопись царского похода будет переписана в кожаные свитки.

Наконец египетское войско вернулось домой. Фараон торжественно отпраздновал победу и велел высечь на стене самого большого храма подробную надпись о его первом походе. Исчезли папирусы, на которых писал Танени, погибли кожаные свитки летописи. И только надпись на каменной стене храма рассказывает о грабительском походе Тутмоса, о том, как он уничтожал мирных людей, уводил в плен жителей свободных городов и обращал их в рабов. Награбленную добычу он делил между вельможами и военной знатью. И только воины-бедняки выносили на своих плечах все бедствия войны и тяжелых походов, ничего за это не получая. Вот как в одном папирусе описывается судьба воина: «Удары на животе его, побои на глазах его, синяки над бровями. Голова его проломана... Когда он идет в поход в Сирию, поднимается в горы, его хлеб и вода у него на плечах, как у осла. Его спина согнута, он пьет гнилую воду... Когда он возвращается в Египет, он бывает как дерево, изъеденное червями. Он болен и ложится в постель...»

В ЦАРСКОЙ ПАЛАТЕ

ЧИНОВНИКИ ЗА РАБОТОЙ

Рано утром молодой писец Инио подошел к царской палате.

У ворот постепенно собирались чиновники, ожидая начала работы.

Еще не прошло и месяца, как Инио окончил школу и стал работать в канцелярии у начальника Сетнахта, собиравшего подати с земледельцев по всей стране.

Загремели засовы, на шести подняли развевающиеся флаги, и привратник широко распахнул ворота. Начальник стражи проверил и снял печати с закрытых дверей и пошел докладывать главному правителю — везиру, что ворота открыты, рабочий день начался.

Везир был уже на месте. Он прошел в палату из дворца по внутреннему дворику и сел в кресло. Перед ним на столе лежа-

ли все дела, которые он собирался сегодня рассматривать. Сбоку у стены стоял большой ларь — в нем лежали сорок кожаных свитков, на них были написаны все законы. По ним судили тех, кто совершил грабежи, воровство, убийство. Судили также и тех, кто не платит долгов, кто оскорбил царя, нарушил царские законы.

В законах написано, какое наказание полагается за каждое преступление. Строже всех наказывают тех, кто грабит царские гробницы, их ссылают в рудники. Оттуда никто не возвращался живым. А тех, кто подстрекал к восстанию, убивали сразу. Как только начнется у везира суд, необходимые свитки вынут из ларца и положат перед ним на циновку. А пока чиновники заняли свои места и ждут распоряжений начальника.

Инио, проходя в свою канцелярию, заглянул в двери комнаты везира и с завистью посмотрел на писцов. Это были уже пожилые люди. Они докладывали о всех делах самому везиру. Иногда их даже вызывали к его величеству, царю Верхнего и Нижнего Египта. В этой комнате все чиновники — знатные и важные люди.

Инио вздохнул и отошел от двери. Он только начал работать и занимал должность маленького, незаметного писца. Долго ему придется ждать, пока он тоже станет важным человеком в канцелярии, начальником над другими писцами.

Когда Инио поднялся по широкой лестнице на второй этаж и вошел в свою комнату, все писцы уже сидели на местах. Не было только начальника, его вызвал везир. Инио сел на циновке около Хэви, самого молодого в этой комнате. Но он уже работал здесь три года и, как старший, помогал Инио, стараясь уберечь его от гнева начальства.

— Садись скорее на свое место и принимайся за работу, пока не пришел Сетнахт, — прошептал Хэви, отрываясь на минуту от своего папируса.

— Я не знаю, что делать. Я вчера все закончил, — тихо ответил Инио.

— Вот на черепках списки тех, кто не платит налоги. Перепиши все имена на лист папируса. Сделай список должников. — С этими словами Хэви передал Инио четыре черепка от глиняного горшка. Папирус стоил очень дорого, поэтому черновики писали на черепках или на больших гладких осколках белого камня — известняка.

Инио разложил на низеньком столике все письменные принадлежности: чистый лист эластичного папируса, горшочек с водой, *палет-*

Египетский вельможа.

ку — род пенала, где развел черную и красную краски, одно «перо» — тростниковую палочку с острым концом, вторую, запасную, засунул за ухо. Затем сел на пол, скрестив ноги, и начал писать.

Ровным красивым почерком он вывел на папирусе название документа: «Список земледельцев, не уплативших налоги в округе Фив, на западном берегу». После этого Инио поднял голову, прищурил один глаз и посмотрел на свою работу. Буквы были четко выписаны мелким почерком. Горизонтальные строки шли ровно, как по ниточке. Инио был лучшим учеником в школе. Недаром учитель Амонмэс по несколько раз заставлял его переписывать один и тот же текст и линейкой бил по пальцам за каждый плохо написанный знак.

Инио снова склонился над папирусом и продолжал свою работу: «Дом пахаря Несамбна, дом рыболова Ахути, дом садовника Уннефера, дом пахаря...»

«Сколько их, и конца не видно, — думает Инио и пишет, пишет. — А что сделает Сетнахт с этими несчастными? Ведь это все бедные люди, им, вероятно, и платить нечем. Отберут у них дом, совсем разорят...»

И тут Инио вспомнил текст, который заставляли учеников в школе заучивать наизусть. До сих пор может сказать его без запинки Инио. И, механически переписывая имена, он зашептал про себя: «Мне сказали, что ты забросил книги и занят развлечениями. Ты повернулся спиной к занятиям и хочешь идти работать в поле. Разве ты не помнишь, как выглядит земледelec, когда собирают налог с его урожая? Гусеницы уничтожили половину зерна, а червяки съели остальное. Много мышей на полях, саранча грабит земледельца. Но вот к берегу причаливает лодка с писцом. С ним сидят стражники с прутьями и нубийцы с палками. Все они говорят: «подай зерно», а зерна нет. Тогда земледельца избивают и связывают. Жена и дети его тоже связаны. А все соседи убежали — у них тоже нет зерна...»

Инио опять вздохнул.

— Что ты шепчешь про себя и вздыхаешь? — спросил Хеви.

— Я вспомнил про земледельца, которого бьют за то, что он не платит...

— Еще бы, — усмехнулся Хеви. — Только так и можно из них выколотить подать.

— Жаль их всех! У них, наверное, детей много...

— Всех не пережалеешь!

И вдруг Хеви толкнул Инио в бок:

— Молчи и работай! Сетнахт идет! — И Хеви склонился над своим листом.

В канцелярии наступила полная тишина. Сетнахт вошел широким размашистым шагом и подошел к Хеви.

— Готов список?

— Инио пишет его.

Писцы.

- А письмо?
- Написано, господин мой!
- Читай!

Хеви, развернув свернутый в трубочку лист папируса, нареспев начал читать:

«Писцу Пáбасу от Сетнахта, начальника залы податей. Тебе принесено письмо это, чтобы сказать тебе: когда это письмо доставят тебе, займись сам сбором податей со всех людей, которые под твоим началом. Не ленись, не уставай, не уходи отдыхать. Не должна пропасть подать зерном для фараона, да будет он жив, здоров и благополучен. Иначе сообщат тебе из палаты дворца, что ты стал человеком небрежным из-за твоей лени. Знай это!»

Во время чтения Сетнахт кивал головой:

— Ты хорошо написал, Хеви,— похвалил он писца, и затем обратился к Горшефí, старшему чиновнику канцелярии: — Побойсья о том, чтобы письмо было послано сегодня. Да последи за всеми писцами. Пусть каждый проверит по своему округу, сколько зерна, меда, масла, полотна собрано с земледельцев. А тех, кто не платит, пусть запишут отдельно. Инио кончит писать старый список, дашь ему составлять новый.— И Сетнахт направился к выходу.

— Ты вернешься, начальник?

— Нет! Сегодня много дел в палате у везира. Судили грабителей царских гробниц...

— Много их?

— Двенадцать человек. Трех казнили, а остальных сослали в рудники добывать золото.

Хеви тихонько прошептал Инио на ухо:

— Бедняги! Уж лучше смерть, чем рудники. Там работают под землей, дня от ночи не отличишь. Оттуда никто живым не выходил. Промучаются несколько лет, пока их смерть не освободит.

Инио кивнул головой. А Сетнахт продолжал рассказывать:

— Сейчас еще большое дело слушать будем. Начальник округа Сиута, Усерхёт, собрал подати со всех, кто под его началом, а в «дом серебра»¹ не отдал.

— Украл?

— Да, украл. Теперь его судить будем. Все, кто ему платил, пришли сюда, к везиру.

— Зачем?

— Свидетели. Пусть они расскажут, что у них забрал Усерхет. А потом с Усерхета спросят, куда он все это спрятал, — с этими словами Сетнахт вышел из комнаты.

Горшефи вынул из ящика списки податей и роздал их писцам для проверки.

— А ты иди к управителю дворца и скажи, пусть он назначит гонца к Пабасу. Срочное письмо надо отправить, — приказал Горшефи Инио.

Наконец наступил желанный час окончания работы. Солнце уже склонилось к западу. Чиновники разошлись по домам.

А в палате у везира, где заседал суд, до самого вечера допрашивали свидетелей по делу Усерхета. Один за другим выходили люди и рассказывали, как отбирал у них имущество Усерхет.

Уже совсем стемнело, а свидетели еще не все были опрошены. Наконец везир встал со своего кресла:

— Уведите Усерхета в темницу, — приказал он стражникам. Свидетели могут идти домой. Завтра с утра будем продолжать. Усерхета увели. Свидетели медленно расходились.

Вдруг вбежал начальник стражи:

— Я шел запирать ворота, — сказал он, — но пришел Амоннахту из Города мертвых² и требует, чтобы я впустил его. Он принес жалобу на Панэба, начальника работ Города мертвых. И пока не будет рассмотрена эта жалоба, рабочие отказываются работать.

— Как они смеют? Время не ждет! Гробница его величества, да будет он жив, здоров и благополучен, должна быть готова.

Везир приказал ввести в палату Амоннахту.

Начальник стражи привел высокого мужчину в белой набедренной повязке, покрытой пылью. По его истомленному лицу было видно, что он пришел издалека. Вошедший пал ниц перед везиром.

— Встань, — повелительно сказал везир, — и подай жалобу. Она написана у тебя? Ведь ты знаешь, что ни одну жалобу, сказанную устно, мы не рассматриваем. Ты должен написать обо всем.

---

¹ Дом серебра — казначейство.

² Город мертвых — кладбище на западном берегу Нила. Ученые называют это место «Долина царей», так как там много царских гробниц.

Амоннахту встал и протянул везиру свиток папируса:

— Все здесь, владыка, написано на папирусе.

Везир сделал знак чиновнику, и тот взял свиток.

— Читай, — приказал везир, и чиновник, развернув папирус, начал монотонно читать:

«Сказано ремесленником Амоннахту: Я сын начальника отряда ремесленников. Мой отец умер, и мой брат Неферхотеп был назначен на его место. Враг убил Неферхотепа, и я, его брат, должен был занять его место. Но Панеб дал взятку главному начальнику, и тот назначил его на место моего отца, хотя это было неправильно.

Вот обвинение Панеба в том, что он убил моего брата Неферхотепа, начальника отряда ремесленников. Панеб погнался за моим братом. Неферхотеп укрылся в своем доме и запер дверь. Но Панеб схватил камень, разбил дверь и стал кричать: «Я убью его в эту ночь». И теперь Неферхотеп убит, а Панеб назначен начальником отряда ремесленников в Городе мертвых.

Вот обвинение Панеба в том, что он совершает беззаконие. Он заставляет женщин ткать для него полотно. Он обижает тех, кто отказывается это делать, и мстит их мужьям. Он приказал 16 ремесленникам резать камень для его собственной гробницы. Он ограбил гробницу фараона, да будет его величество жив, здоров и благополучен. Панеб взял оттуда камень и сделал из него 4 колонны в своей гробнице. Он взял инструменты из царской усыпальницы. Панеб заставляет сыновей ремесленников пасти его быка.

Он угрожает тем, кто ему не угождает. Он сказал Хаи: «Я тебя поймаю в пустыне и убью».

Должность начальника отряда ремесленников в Городе мертвых не упорядочена. Он убил людей, которые знают о его преступлении, чтобы они не могли сказать о нем.

Вот я даю знать везиру о поведении Панеба».

Чиновник кончил читать. Амоннахту посмотрел с надеждой на везира. Тот покачал головой:

— А вчера Панеб принес жалобу, что твой брат Неферхотеп избивал его, просил рабочих выгнать его, Панеба, из Города мертвых. Где же истина? Как узнать ее?

Амоннахту опять упал на пол перед везиром:

— Господин мой, Панеб уничтожил свидетелей, которые знали об убийстве моего брата. Два маджая знали всю правду про Панеба. Он приказал убить их и бросить ночью в воду.

Везир пожал плечами:

— Значит, свидетелей нет. И так ли это было, как ты говоришь? Решить дело справедливо может только суд божий. Завтра будет праздник бога солнца Амона-Ра. Его вынесут на носилках из храма, и он скажет, виновен ли Панеб в том, в чем ты его обвиняешь.

Везир встал. Вслед за ним поднялись все присутствующие. Начальник стражи вывел Амоннахту за ворота и пошел опечатывать все двери царской палаты.

Опустив голову, с тревогой в душе вышел Амоннахту. Что-то скажет завтра Амон-Ра?

«СУД БОЖИЙ»

Наступило ясное, солнечное утро второго дня праздника Амона-Ра, когда должен был происходить суд.

Вчера днем к пристани на Ниле причалили три ладьи, чтобы перевезти на другой берег статуи бога Амона-Ра, его супруги богини неба Мут и их сына бога луны Хонсу. Прошла торжественная процессия жрецов, несущих из храма статуи трех богов. Они поместили статуи на ладьи, которые медленно поплыли к храму на западном берегу. Весь день справляли праздник.

А поздно вечером главный жрец и помощник везира совещались, как лучше организовать «суд божий». Они рассматривали глиняные черепки, где записаны все вопросы, на которые должен дать завтра ответ Амон-Ра. Эти черепки положат перед статуей бога, и, если он прикоснется рукой к черепку, значит, Амон-Ра, дает ответ положительный. Если рука останется неподвижной — ответ отрицательный.

Но как может статуя двигать рукой? Этого никто не знал, и народ верил во всемогущество и справедливость бога. Только жрецы и высшие судьи знали тайну. Статуя Амона-Ра покрывалась большой плотной тканью, а под нее сажали мальчика, который держал веревочку, привязанную к руке статуи. Когда ему незаметно подавали знак, он дергал веревочку и рука статуи двигалась. Если знака не было, рука оставалась неподвижной. Только для этого надо было заранее договориться, как отвечать на вопросы. Этим и занимались поздно вечером, накануне суда жрецы и судья.

«Мой благой владыка, отдадут ли нам наши пайки?» — читает писец запрос рабочих некрополя.

— Надо успокоить рабочих, — говорит судья. Это значит, что рука Амона-Ра тронет этот черепок.

— Сделают ли моего сына жрецом? — спрашивает один чиновник.

— Кто сжег дом начальника писцов? — И дальше на черепках написаны имена подозреваемых. Бог укажет виновного, т. е. того, кого заранее обвинят жрец и судья.

— Отдаст ли мне эта женщина, Мерет, мои вещи?

Вопросам на черепках нет конца. И для каждого намечен ответ.

Наконец дошла очередь и до жалобы Амоннахту. И судья дает приказание:

— Напиши два черепка. На одном напиши: «Сказал ли Амоннахту истину?», на другом: «Панеб не виновен в убийстве».

Совещание окончено. Завтра весь народ, который будет присутствовать на празднике, узнает ответы бога.

Наступило утро. По-праздничному украсили разноцветными флагами ворота храма. Около них уже толпился народ, ожидая выхода бога. Толпа постепенно увеличивалась, и вскоре вся площадь заполнилась людьми. Амоннахту пришел очень рано, чтобы быть поближе к богу, когда начнется суд. Он так ожидал его, так верил, что бог скажет правду.

Толпа зашевелилась. Распахнулись ворота, и стала видна внутренность храма — сначала открытый, ярко освещенный солнцем двор с колоннами, а дальше темный зал, где сияла золотая статуя Амона-Ра, освещенная факелами. Носилки со статуей бога тронулись, жрецы в белоснежных одеждах шли рядом. Хор жрецов запел гимн Амону-Ра:

Хвала тебе Амон-Ра,
Мы прославляем тебя,
Мы почитаем твой образ.
Ты лучезарный, многоцветный.
Сердца наполнены любовью к тебе.
Ты сотворил небо и землю,
Создал моря и горы.
Творец вселенной,
Ты озарил землю во тьме,
Люди и боги появились после тебя.

Под звуки торжественного гимна медленно выплывает на носилках статуя бога. Впереди идет жрец с маской волка. Он олицетворяет бога волка Вепуáта, открывающего все пути. Справа и слева несут носилки жрецы с масками шакалов и соколов — древних египетских богов. Рядом со статуей шагает тот жрец, который должен подавать знак мальчику, когда нужно дергать веревочку. А хор жрецов продолжает:

Истребляющий врагов своих,
Кроткий, милосердный, любящий,
Внимающий мольбам,
Приходящий на зов...

Амоннахту стоит совсем близко к носилкам. Он слышит слова гимна и надеется на бога. «Он внимает мольбам и приходит на помощь зовущим», — думает бедняга и ждет не дожидается суда.

Носилки уже посреди площади. Жрецы освободили место вокруг них и подошли к статуе. Один из них берет черепки с вопросами и кладет их по очереди около руки Амона-Ра. Стоящий сбоку жрец незаметно дотрагивается жезлом до плеча мальчика, который сидит под покрывалом. Тогда мальчик дергает веревочку, и рука бога опускается на черепок. Так вершится «суд божий». Одни уходят довольные решением, другие, плача, жалуют-

ся на свою судьбу. Наконец начался разбор жалобы Амоннахту. Он и Панеб подошли к статуе. Сначала рядом со статуей положили черепок Амоннахту. Рука Амона-Ра осталась неподвижной. Потом перед богом положили черепок с надписью «Панеб не виновен в убийстве», и рука Амона-Ра опустилась на черепок. Панеб с торжеством посмотрел на Амоннахту — перед лицом всех людей бог оправдал Панеба. У Амоннахту от горя защемило сердце. Где искать правду, если сам бог ее не увидел? А как же бесчинства Панеба в Городе мертвых и притеснения рабочих? А как же кражи каменных плит и инструментов? Об этом даже не спросили.

Видно, есть люди, которые стоят за Панеба. Ведь назначили его в обход закона начальником отряда рабочих, а его Амоннахту сделали простым ремесленником. Нет, ни у везира, ни у бога не найти ему справедливого решения.

*

В Британском музее в Лондоне хранится большой папирус, на котором написана жалоба Амоннахту на бесчинства Панеба, начальника отряда рабочих в фиванском Городе мертвых. А в музее в Берлине находятся секретные записки с приказами казнить свидетелей преступлений, совершенных одним египетским начальником: «...Пусть пошлют и пусть приведут свидетелей... И если они действительно сказали (т. е. сказали о совершенном преступлении), то поместите их в корзину и бросьте ночью в воду. Пусть ни один человек во всей стране не знает об этом».

Сохранилось много документов о «суде божьем». Это черепки с вопросами к богу, просьба решить спорное дело, помочь в беде.

По таким документам написан рассказ о жалобе на Панеба и «божьем суде».

«ТЕТРАДИ» ЕГИПЕТСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Для того чтобы стать писцом, нужно было много лет учиться в школе. Там мальчиков обучали письму, счету, чтению. Читали они тексты вслух, нараспев и большей частью хором, а писали в... «тетрадах». Но только их тетради совсем не были похожи на наши.

Сначала, когда школьник только начинал учиться писать, ему давали черепки от глиняной посуды. На них он писал упражнения. Когда у школьника вырабатывался хороший почерк, он начинал писать в «тетрадах» из папируса. Но все же и тогда ученикам не давали больших и широких листов. Склеивали обрезки папирусов, и получались длинные узкие ленты из отдельных листков—«страниц». Сколько подклеено листков — столько страниц в египетской «тетради». Когда школьники кончали писать, они сворачивали тетрадь в трубочку, а когда нужно было, снова ее

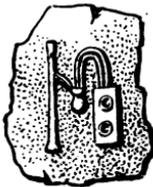

Прибор писца.

разворачивали. Так и говорили в Египте «сворачивать и разворачивать свитки», в отличие от нашего «перелистывать» книгу или тетрадь.

Надписи на каменных плитах, на стенах гробниц и храмов высекали иероглифами. Когда же писцы или ученики писали в тетрадах и папирусах, они не вырисовывали каждый знак, а писали его бегло, причем у каждого писца был свой почерк.

Задачи по математике тоже писали скорописью, а для чисел были специальные знаки. Единицы обозначали палочками, десятки — знаком веревки, согнутой в дугу, сотни — свернутой веревкой, тысячи — стеблем болотного растения, десятки тысяч — пальцем руки, сотни тысяч — головастиком, миллион — человеком с поднятыми руками (он как будто говорит: «Как много!»). У египтян была десятичная система счета, так же как и у нас.

Иероглиф прибора писца.

В Москве в Музее изобразительных искусств хранится тетрадь по математике. Все ученые знают ее под названием «Московский математический папирус». Ширина его — 8 см, длина — 5,5 м, страниц всего 23. В нем записаны решения задач по арифметике, геометрии и алгебре. Вот, например, одна задача:

«Фигура — прямоугольный треугольник. Высота — 10, основание — 4. Узнай его площадь. Вычисли половину от 4, получишь 2. Сосчитай 10 два раза. Получишь 20. Это площадь треугольника. Ты нашел хорошо».

Писцам необходимо было уметь вычислять площади и объемы. Без этого они не смогли бы узнавать размеры полей и амбаров и не знали бы, сколько собирать податей с каждого земледельца. Кроме того, писцам нужно было рассчитывать, сколько рабочих требуется для различных работ в каменоломнях, при постройке зданий и дамб, переносе тяжестей, сколько продовольствия надо ежедневно отпускать рабочим отрядам и т. п.

Египетских школьников учили быстро считать и часто задавали им чисто практические задачи, с которыми они встретятся, когда станут писцами. Вот, например, две из них:

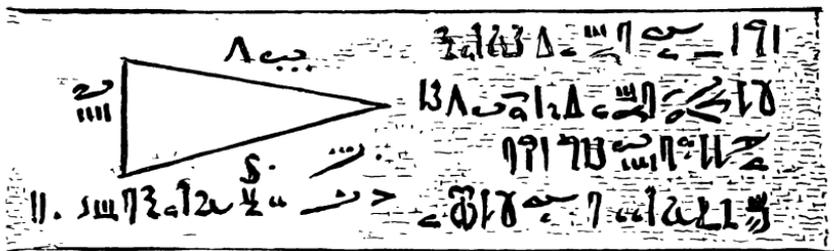
«Сделан новый обелиск 110 локтей высоты и 10 локтей в основании. Рассчитай, сколько нужно людей, чтобы его тащить».

$$\begin{array}{l} 1 = 1 \quad 10 = 10 \quad 100 = 100 \\ 1000 = 10000 \\ 100000 = 100000 \end{array}$$

Иероглиф чисел.

Свиток папируса.

Задача на вычисление площади треугольника.

Чтобы поставить обелиск, необходима кирпичная насыпь, для которой надо сделать расчет, и вот другая задача:

«Нужно построить насыпь в 730 локтей длины и 55 локтей ширины. Наверху она 70 локтей, а в середине — 30. Спрашивают, сколько нужно для нее кирпичей».

Чтобы научить школьника писать, его заставляли ежедневно переписывать по три страницы. Мы это знаем, потому что в начале переписанного текста всегда стоит месяц и число, а потом уже весь текст.

Обычно для переписывания ученикам давали сказки, религиозные гимны, но чаще всего поучения. В этих поучениях расхваливали должность писца и рассказывали о том, как трудна работа земледельца, ремесленника, воина. Кроме того, в поучениях писали, как должен вести себя школьник, чтобы хорошо учиться и, закончив учение, стать писцом.

В музеях Советского Союза, в Москве и Ленинграде, хранятся такие школьные папирусы — «тетради». Много подобных папирусов есть и в музеях Европы и Америки, и в самом большом музее египетских памятников — в Каире.

Ознакомимся с отрывками из этих наставлений.

ИЗ ПОУЧЕНИЙ ПИСКАМ

ПРИЗВАНИЕ ПИСКА ВЫШЕ ВСЕХ ДРУГИХ

Обрати свое сердце к книгам... Нет ничего выше книг. Если у писца есть должность в столице, он не будет там нуждаться. Должность писца лучше всех других должностей... Смотри: нет должности, где нет начальника. Только у писца нет начальства, он сам начальник над другими людьми...»

«Будь писцом, он освобожден от всяких физических повинностей, он избавлен от всякой работы, избавлен он от мотыги и кирки. Ты не будешь таскать корзины. Не будешь ты грести веслом, не будут тебя сечь прутьями.

Писец.

Ты не будешь находиться под началом многих господ, под властью многочисленных начальников.

Как только рождается человек, он уже должен стоять на коленях перед своим начальником. Ребенок прислуживает воину, юноша служит стрельцом, старик сделан земледельцем, мужчина — воином. Хромой отдан в привратники, слепой кормит скот. Птицелов отправляется на ток, рыболов погружается в воду...

Прачешник ходит весь день от воды вверх и вниз к реке. Он ослабел от ежедневной стирки белья.

Писец избавлен от всего этого: он руководит всякой работой в стране».

«Будь писцом. Он облагает налогом Верхний и Нижний Египет. Он получает оттуда все налоги. Он учитывает все. Все воины под его рукой (т. е. под его властью). Это он вводит вельмож в палату его величества и ставит каждого человека на его место. Это он распоряжается всей страной. Всякое дело под его надзором. Будь писцом, чтобы тело твое было гладким и рука твоя мягкой. И ты будешь выходить в белой одежде, тебя все будут почитать и приветствовать».

«Будь писцом...

Отдай этому твое сердце. Полезнее это, чем всякая другая должность. Каждый человек будет тебя почитать.

Вложи слова мои в уши твои, чтобы стал ты человеком, который нужен. Горько быть воином. Его ведут, как осла. Если послан он в далекие гарнизоны Хар и Куш¹, оставляет он дома свою жену и детей и одежду. И ест он траву полевую, как скот».

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩЕМУ ПИСЦУ

«Писец Аменемопе говорит писцу Пайбэсу: «Доставлено тебе это письмо, в котором сказано: о, писец, не будь ленив, иначе согнут тебя крепко. Не отдавай сердце свое развлечениям... Писец рукой своей, читай ртом своим, советуйся с теми, кто знает больше тебя. Упражняйся в учении и поймешь, что это полезно, когда станешь старым. Счастлив писец, искусный в деле своем... Будь настойчив в работе ежедневно, и ты овладеешь своим ремеслом. Не проводи ни одного дня в безделье, иначе будут бить тебя. Уши юноши на спине его, и он слушает, когда его бьют.

Пусть слушает сердце твое то, что я сказал».

¹ Названия крепостей, где стояли гарнизоны египетских войск.

«Не будь глупцом, который не имеет образования. Тебе читают наставления, обучают тебя. А ты не слушаешь никого и поступаешь по-своему.

Обезьяна, привезенная из страны Куш, и та понимает слова. Обучают даже львов и объезжают лошадей, но не тебя. Нет подобного тебе среди людей. Подумай об этом».

«Подружись со свитками папируса и письменным прибором. Они слаще, чем самый сладких напитков».

Но не сразу после окончания школы юноши становились важными чиновниками. Сначала они получали должность простого писца. Нужно было проработать много лет, чтобы из незаметного чиновника стать начальником.

Обычно писцы из бедных и незнатных семей редко могли занять высшие должности. Их получали сыновья вельмож.

Вот как поучает отец своего сына:

«Поместил я тебя в школу вместе с детьми вельмож, чтобы обучать тебя должности писца. Вот я тебе говорю: встань, садись на свое место. Пиши перед своими товарищами. Оденься, оправь сандалии свои. Читай книгу свою ежедневно. Не ленись. Решай задачи молча, так, чтобы не был услышан ни один звук из уст твоих. Пиши рукой своей, читай устами своими, советуйся со знающими больше тебя.

Не сиди без дела. Не проводи ни одного дня в безделье. Иначе горе телу твоему. Следуй советам твоего учителя, слушай его наставления. Будь писцом!»

Мало было хорошо окончить школу и стать искусным писцом. Для того чтобы продвигаться по службе и занимать хорошие должности, следовало угождать начальству и гнуть перед ним спину. Вот какие советы давали начинающим чиновникам:

«Если ты сидишь за столом у того, кто выше тебя по должности, то бери, когда тебе дадут то, что лежит перед тобой. Не смотри на то, что лежит перед ним, как он не смотрит на то, что лежит перед тобой. Опускай лицо вниз, когда он тебя приветствует. Смейся, когда он смеется. Это приятно его сердцу.

Гни свою спину перед начальником... И тогда в твоём доме будет богатство и расчет с тобой сделают правильно.

«Не сиди, если перед тобой стоит тот, кто старше тебя или выше по должности».

Такие поучения не только переписывали ученики, но и заучивали их наизусть. Египетские учителя считали, что эти наставления воспитывают из учеников хороших чиновников — писцов, которые служат своим господам, почитают начальников и исправно собирают налоги с египетских земледельцев и ремесленников.

Одним из наиболее почитаемых богов в Египте был Осирис. Нет почти ни одного религиозного текста, где бы не упоминалось его имя. Он считался богом загробного царства и судьей в загробном мире.

Вера в то, что человек продолжает жить после смерти, очень древняя. Она возникла еще у первобытных людей, которые думали, что у людей существует «душа». Когда она покидает тело, человек умирает; возвращается «душа», человек оживает.

Древние люди не видели разницы между сном и смертью. Они считали, что когда человек спит, он не видит, не слышит, не участвует в окружающей жизни — это значит «душа» ушла из него. Проснулся спящий, ожил — следовательно, «душа» возвратилась. А если человек видел во сне, что он где-то далеко странствует, — значит, путешествовала его «душа». Так объясняли древние люди сон человека, думая, что это временная смерть. Поэтому они предполагали, что и смерть наступает только потому, что «душа» покидает тело. Но она может вернуться, думали египтяне. Для этого надо сохранить тело, чтобы «душа» могла найти его. Поэтому для умерших строили надежные каменные гробницы; фараоны воздвигали для себя пирамиды, куда помещали различные вещи: в будущей загробной жизни они должны пригодиться умершему — верили египтяне. Но самое важное было сохранить тело покойника. И это научились делать в Египте, бальзамируя тело умершего, приготовляя мумию. Этим занимались специальные люди — бальзамировщики. Сначала из тела удаляли внутренности, помещали их в сосуды — *канопы*. Само же тело погру-

жали в крепкий соляной раствор. После того как оно пропиталось солью, его высушивали и клали внутрь различные мази, травы; затем мумию просмаливали и обматывали множеством тонких полотняных бинтов. Запеленутую мумию помещали в саркофаг. Иногда таких саркофагов изготовляли несколько, разных размеров, и вкладывали их один в другой. Обычно гробы бывали из дерева, но встречались и каменные.

Правда, так погребали только людей знатных и богатых, царей и их приближенных. Но бедняки тоже верили, что попадут к богу Осирису. Поэтому они старались своей покорностью господам заслужить счастливую жизнь в загробном мире. Так учили их жрецы.

Первобытные люди думали также, что все животные, вся природа и все, что окружает людей, имеет «душу». Верили в это и древние египтяне. Они почитали животных, считая их богами, верили в богов неба и Земли, Солнца и Луны,

Осирис.

воды и растений, приносили им жертвы. Богом природы египтяне считали Осириса. Они связывали жизнь растений с его смертью и воскрешением: умер Осирис — умерла природа, расцветает все весной — значит, Осирис ожил. Поэтому Осирис сделался не только богом природы, но и богом мертвых и судьей загробного мира.

Вот как представляли себе египтяне гибель и воскрешение Осириса.

У богини неба Нут и бога земли Геба было три сына: Осирис, Гор и Сет.

Осирис родился первым. Не успел он появиться на свет, как раздался голос с неба, который возвестил о рождении великого бога: «Только что родился могучий бог, творящий добро — Осирис! Он владыка всего, что существует на земле до границ ее!»

Услыхали этот клич все живущие на земле, и велика была их радость, все города были счастливы, повсюду было ликование и празднества.

Дошла эта весть и до бога Ра. Взглянул Ра на младенца Осириса, увидел его прекрасное лицо, красоту его и доброту, и великая любовь к Осирису вошла в сердце Ра. Действительно прекрасен был Осирис. Большие темные глаза его сверкали на смуглом лице, а волосы были блестящими и черными, как сама черная и плодородная земля.

Осирис был старшим сыном, наследником своего отца.

На второй день родился Гор, с белым лицом, светлыми волосами и ясными, сияющими, как само солнце, глазами.

В третий день родился Сет. Маленький и злобный, он был очень уродлив. Огненно-рыжими были его волосы, лицо красным, узкие воспаленные глазки враждебно смотрели на мир.

Казалось, что он дышит злобой, горячее, как испепеляющий зной пустыни, и цветом своим он напоминал раскаленный бесплодный песок.

В четвертый и пятый день родились две сестры, небесные богини Исида и Нефтида.

Каждому богу был посвящен один день в году. У этих пяти дней не было числа, они не входили ни в один из двенадцати месяцев, на которые египтяне делили свой год. Обычно их отмечали между концом старого года и началом нового¹.

Дружны были старшие братья между собой, и только младший, Сет, люто ненавидел Осириса. Он ненавидел его за то, что Осирис красив и силен и все его любят, за то, что день рождения

---

¹ Египтяне знали три времени года: зиму, весну и лето. Каждый сезон имел 4 месяца, каждый месяц — 30 дней. Год насчитывал 360 дней и еще 5 дней посвящались пяти богам, т. е. полный год имел уже 365 дней. Високосного года египтяне еще не знали. Зимние месяцы назывались тот, пабфи, атір, хояк; весенние — тйби, мекір, фаменот, фамүти; летние — пахон, пайни, эпифи, месоре.

Осириса был счастливым и все дела, начатые в этот день, кончались успешно. А день рождения Сета был несчастливым: в этот день нельзя было приступать ни к какому делу, так как оно никогда не приводило к добру. Но всего больше злобился Сет из-за того, что Осирис родился первым и как старший сын должен был получить трон отца и власть над своей страной.

А Осирис ничего не замечал. Добрый и доверчивый, он любил всех, и все окружающие казались ему такими же хорошими, как он сам.

Тревожно следили за сыновьями Геб и Нут, их беспокоила злоба Сета, его коварные насмешки и злые шалости по отношению к старшему брату. Не раз говорил Геб жене: «Защити Осириса от Сета и охраняй его, чтобы он не погиб». Нут зорко следила за сыновьями и не давала в обиду кроткого Осириса.

Выросли братья. Осирис женился на богине Исида, а Сет взял в жены Нефтиду.

Прошло много лет, и старшие боги состарились. Стал дряхлым и немощным Ра, люди перестали его почитать и бояться. Состарился и Геб, не мог он уже управлять страной и держать в повиновении своих подданных. Одряхлели и другие боги старшего поколения. И решили боги удалиться от людей, подняться на спину любимой дочери Ра — небесной коровы — и в солнечной ладье днем объезжать землю по небесному Нилу, а ночью спускаться под землю и плыть в ночной ладье по подземной реке. Царство свое Геб передал старшему сыну Осирису и его верной жене Исида.

Трудна была жизнь людей в то время. Они питались кореньями растений и плодами, которые находили в зарослях кустарников и тростников, ловили мелких животных, убежали в страхе от крупных хищников, а во время засухи, когда наступал страшный голод, они иногда набрасывались даже друг на друга.

Осирис научил людей узнавать съедобные растения, он показал, как надо вспахивать землю, сеять ячмень и пшеницу, как уберечь всходы от засухи, поливая поля нильской водой, как собирать урожай и сохранять его. Осирис научил людей разводить сады и виноградники.

Исида взяла зрелые колосья и, растерев их между камней, показала людям, как делать муку и печь лепешки. Осирис выдал виноградный сок и сам выпил первую чашу вина, а там, где нельзя было разводить виноградники, показал, как готовить пиво из ячменя.

Осирис запретил людям убивать друг друга; он научил их изготавливать оружие для охоты и орудия для обработки земли. Во всем помогала Осирису Исида и бог Тот, которому Осирис поручил творить суд и решать по справедливости все дела.

Эти боги научили людей музыке и танцам, чтению и письму.

В Египте наступила счастливая жизнь. Любовь к Осирису, доброму и мужественному, наполняла сердца благодарных лю-

дей. Они прозвали его Веннбфре, что значит «прекрасный». Даже старшие боги признали его мудрость и подчинились его власти.

Только один Сет продолжал ненавидеть Осириса, ненависть и злоба его становились все яростнее. Чем больше почитали и любили Осириса, тем сильнее становилась зависть Сета, и он вместе со своими друзьями, такими же злыми, как он сам, придумывал, как погубить Осириса, убрать его со своей дороги и воссесть на трон вместо него. Его жена Нефтида ничего не знала об этих замыслах, она нежно любила сестру свою Исиду и мужа ее Осириса и не позволила бы Сету выполнить его злодейские планы.

Зато Исиды, помня заветы Нут и Геба, охраняла Осириса, оберегала его от Сета, защищала от всего злого и враждебного. Исиды была великой волшебницей, она умела останавливать кровь, заговаривать рану от укуса змеи, лечить людей от болезней; своими чарами прогоняла она врагов Осириса и разрушала их злые замыслы. Ничего не мог поделывать Сет со своим братом, пока тот находился под защитой Исиды.

Но как-то раз пришлось Исиде отлучиться на долгий срок. Этим воспользовался Сет. Ночью, когда Осирис крепко спал, Сет подослал к нему своих помощников, чтобы украдкой снять с Осириса мерку. По этой мерке был срочно сделан деревянный гроб. Гроб получился очень большим, так как Осирис был высокого роста, выше всех людей.

Вечером собрал Сет своих друзей и устроил пир. Приглашен был и Осирис, который, ничего не подозревая, пришел один, без Исиды.

Шумно и весело было за столом. Одна шутка сменяла другую, раздавался смех, шел веселый разговор. Вдруг вошли слуги Сета и внесли большой гроб, украшенный рисунками и надписями. Сет встал и, указав рукой на него, шутливо сказал: «Вот драгоценный гроб! Я подарю его тому, кто ляжет в него и так заполнит его своим телом, что не останется свободного места!»

Гости — а все они были друзья и помощники Сета — один за другим ложились в гроб, но он был слишком велик для них, ведь никто не был так высок, как Осирис; Сет заранее все предусмотрел.

Наконец дошла очередь до Осириса. Он встал, спокойно направился к гробу и лег в него, вытянувшись во весь свой огромный рост, и гроб пришелся ему как раз впору.

Сет только этого и ждал. Как только Осирис очутился в гробу, Сет подал тайный знак гостям, и они кинулись закрывать и приколачивать крышку. Тихо, в темноте они вынесли из дому саркофаг с Осирисом, спустились незаметными тропинками к Нилу и, раскачав, бросили его далеко в воду, на середину реки.

Течение подхватило гроб и понесло его вниз по Нилу до самого устья, а там волна вынесла его в открытое море. И поплыл по волнам саркофаг с телом Осириса.

Погубив старшего брата, Сет радостный возвратился домой. Наконец-то исполнилась его заветная мечта: он избавился от своего соперника и сможет занять его трон.

Исида вернулась домой и не нашла Осириса. Полная тревоги, кинулась она искать его, но нигде не было никаких следов. Тогда Исида поняла, что произошло несчастье, — Осирис погиб. «Сет виновен в этом», — подумала Исида, так как хорошо знала, как он ненавидел старшего брата. Тайком пошла она к слугам Сета и узнала от них, что Сет погубил ее любимого мужа и куда-то далеко в неведомое место спрятал гроб с его телом.

Исида обрезала прядь волос в знак своей скорби, надела траурные одежды и пошла искать Осириса по всему Египту. Она останавливала всех встречающихся на ее пути и спрашивала, не видали ли они саркофага с телом ее мужа. Но ни один прохожий не мог ей дать утешительного ответа, никто не видел саркофага. Так добрела Исида до устья Нила, она достигла уже самого моря и в горе села на берегу около играющих детей. Она потеряла уже всякую надежду найти тело мужа и только по привычке спросила ребят: «Маленькие друзья мои, вы играете весь день на берегу. Может быть, вы видели саркофаг, не проплыл ли он мимо вас?» Ответили дети богине: «Вот по этому рукаву Нила спустились какие-то люди большой красивый ящик, и он поплыл в море». И решила Исида продолжать свои поиски.

Саркофаг понесло морское течение, и волна выбросила его на берег у города Библа на восточном берегу Средиземного моря. Почти у самой воды стоял куст тамариска, ветки его закрыли гроб так, что он стал совсем незаметен. И вдруг произошло чудо — куст начал быстро расти, ствол его окружил саркофаг, и тамариск превратился в высокое могучее дерево, внутри которого был скрыт саркофаг с телом Осириса.

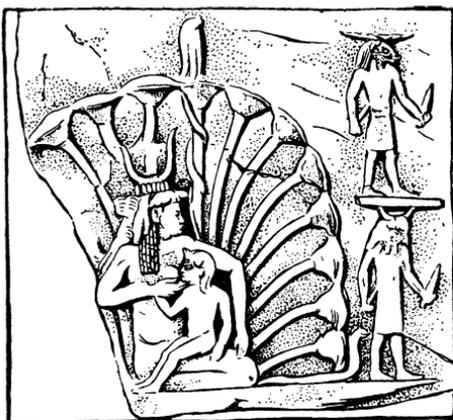
Однажды царь Библа гулял по берегу моря и увидел великолепное огромное дерево. Его прямой и гладкий ствол был так хорош, что царь приказал срубить дерево и сделать из него колонну, чтобы поддерживать крышу дворца.

Исида тем временем продолжала свои поиски. С плачем горестно ходила она по земле и искала гроб с телом Осириса. Сжалились боги и указали ей путь: из дельты Нила до берегов Финикии шло сильное течение; надо идти вслед за этим течением вдоль берега, а там во дворце царя в колонне она найдет тело мужа. Последовала Исида совету богов, достигла она города Библа и села у фонтана, горько рыдая, не обращала ни на кого внимания и только думала, как ей проникнуть в царский дворец. Но вот она услышала веселые голоса и звонкий смех. Это проходили мимо нее молодые девушки, прислужницы царицы. Исида остановила их и приветливо сказала: «Какие у вас чудесные волосы. Дайте я причешу вас, и вы станете еще красивее, чем были». Девушки остановились удивленные, но незнакомка смотрела так ласково и казалась такой доброй, что они согласились. При-

чесала их Исида своим волшебным гребнем, и волосы у них стали красивыми, блестящими и удивительно благоухающими.

Когда девушки вернулись домой, благоухание их волос наполнило весь дворец, и удивленная царица спросила, каким образом их локоны приобрели такой изумительный запах.

— На берегу моря у фонтана сидит какая-то чужеземка, — ответили девушки, — она расчесала наши косы, и они стали благоухать.

Исида с Гором в зарослях папируса.

Царица приказала немедленно привести Исиду во дворец, и ей так понравилась эта кроткая и добрая женщина, что царица оставила ее у себя. Она велела одеть Исиду в красивые одежды и поручила ей кормить и воспитывать своего маленького сына. Исида осталась жить во дворце, там, где стояла колонна, скрывающая саркофаг с телом Осириса.

Исида нежно ухаживала за мальчиком, кормила его волшебным образом, давая ему сосать свои пальцы. А по ночам Исида зажигала огонь и опаляла им мальчика, чтобы сделать его бессмертным; сама же она в это время превращалась в ласточку и с жалобным криком летала вокруг колонны, поддерживающей крышу. Исида как будто хотела дать знать Осирису, что она близко и спасет его.

Однажды ночью царица заметила необыкновенный свет в комнате сына. Она вошла в комнату и, увидев своего мальчика в огне, закричала от ужаса; огонь сразу погас, а Исида превратилась в женщину, но царица уже догадалась, что перед ней не обыкновенная служанка, а сама богиня. Секрет Исиды был раскрыт, ей уже больше нечего было таиться, и она рассказала царице всю правду о себе и об Осирисе. А в заключение Исида попросила отдать ей колонну. Царь и царица охотно исполнили ее просьбу.

Исида без труда вынула колонну и извлекла оттуда целый и невредимый саркофаг. Обернула Исида тело Осириса пеленами, залила благовониями, осторожно поставила гроб на лодку и поплыла домой с драгоценным грузом.

Незаметно вернулась Исида в Египет, в город Буто, где находился маленький сын ее и Осириса, Гор-младший. Отлучилась на время Исида, она пошла посмотреть на сына. А в это время Сет охотился на диких зверей. Ночь была лунная, светлая, и Сет

Шакал, священное животное бога Анубиса.

заметил на берегу знакомый саркофаг. Он кинулся к нему, открыл крышку и увидел убитого брата. Даже мертвый Осирис был страшен Сету. Он в ярости вытащил труп Осириса, разрезал его на 14 кусков и разбросал их по всей египетской земле. Теперь-то уж не соберет Исида тело своего мужа

и никаким колдовством не сможет оживить его! Так вновь надругался Сет над своим братом.

Вернулась Исида и нашла пустой гроб. Безмерно было ее горе. И вновь пошла она бродить по всей стране, собирая разбросанные куски тела Осириса. В каждом месте, где Исида находила их, она устанавливала гробницу и хоронила слепок то с руки, то с ноги, то с груди или головы Осириса. Вот почему жители разных городов Абáтона и Абидóса, Александрии и Сáиса, Бусíриса и Мёмфиса, Фíле и Коптóса, Пелúзия и Навкратíса и многих других спорили между собой о том, где похоронен Осирис.

А между тем Исида с помощью шакалоголового бога Ану́биса собрала части тела мужа и сложила их вместе. Ану́бис погрузил тело покойного в благовонную смолу и пропитал его соком целебных растений. Исида завернула мумию в чистые пелены, умастила благоухающим маслом и поместила на погребальное ложе.

Ану́бис зажег факелы у входа, чтобы злейшие враги Осириса, Сет и его друзья, не смогли сюда проникнуть.

Люди оплакивали доброго бога-царя, а все боги были возмущены злодеяниями Сета.

Исида рыдала над дорогим покойником, орошая его грудь горячими слезами. Потом она села на корточки у его ног, горестно заломила руки, и из уст ее полились жалобные речи:

О, прекрасный юноша, приди в свой дом!
Вернись ко мне поскорее!
Жажду я видеть лицо твое,
Тьма здесь для нас предо мною,
Хоть Ра и находится в небе!
Сливается небо с землею,
Тень на земле сегодня.
Сердце мое пылает от долгой разлуки с тобою,
Сердце мое пылает, отвернулся ты от меня!
А ведь ты не нашел ни разу во мне вины!
Взрыты обе Страны и спутаны дороги,
А я все ищу, желая увидеть тебя,
В городе без валов крепостных.
Рыдаю о любви твоей ко мне!
Приди! Не будь одиноким! Не будь далеким!
Брожу я одна, блуждая в болотах...
Прошла я пути, свернула за тобою,
Напрасно покинувшим меня.

Стоит у изголовья Нефтида, ломает руки, в отчаянии складывает их на груди, плачет вместе с сестрой своей Исидой:

Плачем мы по владыке,
Не исчезла любовь к тебе среди нас!
О, владыка любви,
О, царь Севера, господин вечности,
Вернись к жизни.
О, владыка, отошедший в край безмолвия!
Вернись же к нам в прежнем образе твоём!

И уже не может больше сдерживать своего горя Исида, с громким воплем кидается на грудь Осириса и до небес подымается ее мольба:

О, приди ко мне!
Сливается небо с землею,
Тень на земле сегодня,
Пало небо на землю,
О, приди ко мне!
Приди ко мне, владыка мой!
Да увижу я тебя сегодня.
О, любимый, приди, увидим мы тебя!
Руки мои простерты, чтоб приветствовать тебя!
Руки мои подняты, чтоб защищать тебя!
Приди же к жене своей в мире!
Сердце ее трепещет от любви к тебе!

Так велика была скорбь Исиды, что услышал Осирис плач жены своей, и начала пробуждаться в нем жизнь.

Но не мог он совсем воскреснуть, так как жил еще на земле Сет, причинивший Осирису зло.

Тогда пришел к отцу юный Гор и обратился к нему: «Я пришел, чтобы увидеть моего отца Осириса! Я отомщу Сету за злодеяние, за муки, которые он причинил тебе, за страдания матери моей Исиды!».

И пошел Гор искать Сета, чтобы сразиться с ним и отомстить за отца.

Поднялся Гор вверх по Нилу, дошел до Сиута и там нашел Сета. Встретились противники, и начался между ними жестокий бой. 10 дней шла борьба между Сетом и Гором, не могли они одолеть друг друга. Вот уже, кажется, Сет начинает побеждать, слабеет Гор, но Исида своими речами вливает в Гора новые силы: «Я говорю тебе, я, твоя мать Исида, ты победи свою слабость!» И с новым ожесточением вступает Гор в поединок. Падает духом Сет, но его помощники поддерживают в нем бодрость.

Изловчился Сет, кинул острый камень и попал Гору прямо в глаз. Закачался Гор, и Сет вырвал глаз у юноши. С криком бросился Гор на Сета, нанес ему тяжелые раны и сломал ему бедро. Обессилел Сет от ран и от борьбы, и Гор крепко связал его толстыми веревками.

Исида залечила Гору раны, и он снова стал силен, как прежде. Взял Гор свой вырванный глаз и повел к Осирису связанного Сета.

Пришел Гор со своим пленником к отцу. Геб взял за руку Гора и подошел с ним к неподвижно лежащему Осирису.

— Встань! Проснись! Взгляни на твоего сына, посмотри, что он сделал для тебя! Он поразил твоего убийцу, он привел к тебе связанного Сета.

Гор снял сандалию с ноги отца, поставил ее на голову Сета в знак того, что он отдает Сета в подчинение Осирису. И задрожал Сет под сандалией брата, страшен был ему Осирис.

Потом Гор открыл рот отца и положил в него свой вырванный глаз, говоря:

— Отец, вот я пришел к тебе! Я Гор, сын твой. Я отдаю тебе свой глаз, в нем твоя душа, твоя сила.

Осирис проглотил глаз, и жизнь начала пробуждаться в нем. Он открыл глаза, вытянул руки, стер песок с лица своего. Потом приподнялся Осирис, встал он и стал снова могучим и сильным, каким был прежде.

Ликут все люди, радуются боги. Торжествуют Исида и Нефтида, обнимает Гор любимого отца.

Отдал Осирис свой трон Гору, своему сыну и наследнику. И стал Гор царем Египта. Радовалась вся земля. Зло исчезло, и правда утвердилась в стране.

А Осирис удалился в подземное царство и стал царем вечности, владыкой неба и земли и всего существующего во всей вселенной.

Так кончилась битва Сета и Гора, и победил мститель за своего отца, справедливость восторжествовала.

*

Откуда появился миф о смерти и воскрешении бога? Как описывается Осирис в мифе? У него черные волосы, как цвет черной земли, а Сет рыжий, с красным лицом, это цвет пустыни, раскаленной и выжженной солнцем. Когда пустыня посылает в долину свой палящий ветер хамсин, гибнет вся растительность. И миф объясняет это тем, что Сет убил Осириса. Но с началом наводнения начинается расцвет и обновление всей природы. Это ожил Осирис. Земледелец бросает в землю, т. е. хоронит, сухие зерна (мертвые, как ему кажется), и они потом вырастают, покрывая поля зеленым ковром. Это вновь ожил бог Осирис, и его сила дает жизнь растениям.

— Это я,— говорит в мифе Осирис, обращаясь к богам,— делаю вас сильными, я сотворил ячмень и полбу, чтобы питать богов, равно как и скот — пищу богов.

— Я — Осирис,— говорится о нем в другом мифе,— я живу, как зерно, я расту, как зерцо. Я — ячмень.

На рисунках Осириса всегда изображали либо сидящим под гроздьями винограда, либо у плодоносящего дерева; сквозь его гроб прорастает дерево, а мумию Осириса нередко рисовали с вырастающими из нее всходами ячменя или полбы.

Египтяне верили, что при помощи волшебных обрядов можно получить хороший урожай. Они лепили из глины фигуру Осириса, засыпали ее зерном и поливали водой. Когда вырастали всходы, фигура зеленела, это считалось хорошим признаком — как взошло зерно на Осирисе, так взойдет оно и на полях.

Праздники Осириса в храмах происходили в конце четвертого месяца наводнения, когда начинался спад воды и можно было приступать к пахоте и севу. К этому дню приготавливали статую бога, проросшую всходами зерна. В храме жрецы, изображавшие Исиду и Нефтиду, произносили «плач об Осирисе», пели гимны Осирису, в храмах совершали обряды, повторявшие все события мифа об Осирисе — его смерть и воскрешение. Пять дней длились эти праздники. Египтяне верили в их волшебную силу и думали, что они помогут им собрать хороший урожай.

Миф об Осирисе появился тогда, когда египтяне научились возделывать землю и сеять хлеб. Они продолжали охотиться и ловить рыбу, но это были уже не главные занятия. Земледелие — вот что давало людям основную пищу. И Осирис — бог растений — был связан с земледелием.

ТРИ НАДПИСИ НА ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ ЯЗЫКАХ

В сентябре 1857 года в Британский музей поступила новая, еще никому не известная надпись, выполненная клинообразными знаками. Английский востоковед Тальбот предложил послать копии этого памятника трем ученым — Опперту, Хинксу и Раулинсону, жившим в разных городах, чтобы каждый сделал перевод текста. Четвертый перевод Тальбот сделал сам. Через несколько дней от ученых были получены три перевода. Когда вскрыли конверты и прочли написанное, то оказалось, что все переводы надписи на английский язык были одинаковыми по смыслу. Итак, клинопись прочтена, в этом уже никто больше не сомневался. До этого многие не верили в то, что ученым удалось расшифровать ассиро-вавилонские письмена.

Но каким долгим путем шли ученые, пока не решили эту труднейшую задачу! Десятки лет бились над ней специалисты-языковеды разных стран.

Первые клинописные знаки попали в Европу в XVII в. в письмах венецианского купца Пьетро делла Вальле, отправившегося по торговым делам в далекое путешествие на Восток. Он проехал по морю в Турцию и Египет, а оттуда через Сирию и Иран в Индию. За долгие годы странствий Пьетро послал своим друзьям в Италию много писем, где подробно рассказывал обо всем, что ему довелось увидеть. Он посетил развалины многих древних городов. Особенно большое впечатление произвели на него развалины грандиозного здания в Персеполе. Пьетро думал, что это остатки храма (впоследствии было установлено, что это царский дворец, построенный персидскими царями в V в. до н. э.). Внимание Пьетро привлекла стена, сплошь покрытая непонятными знаками, похожими на клинышки. Казалось, что это какой-то сложный и своеобразный узор. Внимательно вглядывался любознательный купец в каждую строку. Он заметил, что многие знаки повторяются несколько раз. Тогда Пьетро подумал, что это не

орнамент, а скорее всего надпись. Он даже скопировал несколько знаков и послал их в одном из своих писем в Италию. Это и был первый клинописный текст, который попал в Европу.

Пьетро не имел никакого представления о том, на каком языке написан текст, но он все же сделал несколько правильных наблюдений: письма состоят из комбинаций отдельных клиньев, их читают слева направо, судя по направлению знаков.

Письма Пьетро делла Валле были напечатаны, из них получилась целая книга. Ее читали с большим интересом, а клинописная строка привлекла внимание многих ученых. Но как ее разгадать? Ведь ни в одной работе древних греческих и римских авторов не упоминается о клинописи, никому неизвестно, какие народы пользовались этим письмом. И многие решили, что клинопись это просто узор. Было даже мнение, что клинописные знаки — следы червей, источивших камень.

В 1761 году из Дании отправилась на Восток научная экспедиция. В числе ее участников был молодой математик Кáрстен Нйбур, который заинтересовался клинописью и даже изучил арабский язык, надеясь, что это поможет ему прочесть таинственные письма. Экспедиция окончилась неудачей — участники экспедиции погибли от заразных болезней. Чудом уцелел только Нибур. А через три года он снова пустился в далекое странствие на Восток. На этот раз Нибур добрался до Ирана и увидел развалины дворца и ту стену, откуда Пьетро делла Валле списал первую клинописную строку.

День за днем стоял Нибур у стены и тщательно копировал надпись. Работа была трудная и изнуряющая. От блеска яркого солнца и от сильного напряжения начиналась резь в глазах, жара стояла невыносимая. Но ничто не могло остановить молодого ученого. Он пристально гляделся в каждый знак и точно списывал его со стены. Наконец через три недели копия всей надписи была сделана; аккуратно переписанная, она была в руках у Нибура, но прочесть ее он не мог.

Через несколько лет вышла книга Нибура, в которой были напечатаны точные копии срисованных им надписей. Нибур, как и Пьетро делла Валле, не смог их прочесть и не знал, на каком языке они написаны, но он все же сумел сделать несколько очень важных наблюдений. Он первый обратил внимание на то, что на стене были три типа клинообразных знаков. На этом основании Нибур предположил, что здесь имеется текст на трех различных языках, но с одинаковым содержанием. Так же как и Пьетро делла Валле, Нибур по направлению клиньев установил, что знаки читаются слева направо. Хотя после этого клинопись все еще оставалась загадкой, работа Нибура открыла путь для дальнейших исследований. Востоковеды продолжали работать над дешифровкой непонятных писем. Это была поистине труднейшая задача с тремя неизвестными. Но в конце концов усилиями многих ученых тайна клинописи была разгадана.

Первые шаги в этом направлении сделал Георг Гротефенд, учитель латыни и греческого языка в гимназии немецкого города Геттингена. В свободное от работы время он любил решать головоломки и разгадывать «тайнопись», т. е. зашифрованные письма. Когда в геттингенскую библиотеку попала книга Нибура, Гротефенд решил заняться и этой «тайнописью».

Из трех надписей Гротефенд выбрал верхнюю. В ней знаки оказались проще, чем во второй и третьей.

— Дворец принадлежал царям древней Персии, — рассуждал Гротефенд, — значит первый верхний текст, вероятно, написан на персидском языке.

Таков был первый вывод Гротефенда. Второе наблюдение он сделал после внимательного изучения и сравнения всех знаков. Ему удалось выделить целую фразу, состоящую из нескольких слов. Различить отдельные слова помог разделительный клин, который ставили после каждого слова. Эта фраза повторялась чуть ли не в каждой строке.

— Что же может означать фраза, которую пишут столько раз в царской надписи? — задумался Гротефенд. И тут его осенила догадка: — Несомненно, это имя царя и его титул!

Но какие слова были в титуле персидских властелинов из рода Ахеменидов? Этого никто не знал. Гротефенду было известно только, что династия Ахеменидов правила в древней Персии. Но можно попробовать сравнить их титул с титулами царей Ирана из рода Сасанидов, которые жили в III—VIII вв. н. э. Гротефенд знал о них из старинных персидских книг, переведенных на немецкий язык. Он сравнил число слов в сасанидской титулатуре с предполагаемым титулом древнеперсидских царей — оно совпало. И Гротефенд подставил под клинописные слова текст сасанидского титула. Только имен Ахеменидов он не знал. Поэтому вместо трех имен, которые там встречались, он поставил буквы А, Б, В.

Вот как выглядел его первый перевод двух фраз:

«А», царь великий, царь царей, «Б» сын Ахеменид.

«В», царь великий, царь царей, «А» царя сын Ахеменид.

Гротефенд продолжал рассуждать. Царь «А» в первой фразе не был царским сыном, так как после имени его отца не стоит слово царь. Во второй фразе царь «В» был сыном царя «А», так как во втором титуле повторялось слово «царь». Гротефенд хорошо знал древнюю историю Персии и помнил, что там были два царя, отцы которых не царствовали — это Кир, его сыном был Камбиз, и Дарий и сын его Ксеркс. Какие же имена следует подставить в титулы? Гротефенд внимательно разглядывал текст — имя отца и сына начинаются разными буквами. Если бы это были Кир и Камбиз, то в обоих именах стояли бы одинаковые знаки. Значит, имена следует читать Дарий и Ксеркс.

Вот как выглядели в окончательном переводе оба титула: «Дарий, царь великий, царь царей. Гистаспа сын Ахеменид» и

«Ксеркс, царь великий, царь царей, Дария царя сын Ахеменид». Итак, Гротенфенд только перевел надпись, но не прочел ее. Он определил значение нескольких букв, но больше ничего не мог сделать. Он не был специалистом-языковедом, не знал восточных языков.

Прошло более тридцати лет. Ученые продолжали изучать персидские клинописные тексты, сравнивали их с более поздним персидским языком, находили общие корни слов и в конце концов определили 32 буквы древнеперсидского клинописного алфавита. Была найдена одна ваза, на которой были клинописная и иероглифическая надписи. «Хшарша» — прочли слово, написанное клинописью. «Хшаярша» — прочел иероглифы Шампольон, который к этому времени уже свободно читал древнеегипетские тексты. Так произносилось имя царя Ксеркса. Не было сомнения, что древнеперсидская клинопись разгадана.

Важное значение для дальнейшей работы имело открытие большой надписи на Бисутунской скале. Ее нашел и скопировал англичанин Раулинсон. Надпись, так же как многие другие, была написана на трех языках тремя системами клинописи. Раулинсон прочел верхнюю персидскую надпись со многими собственными именами людей и географическими названиями. Таким образом для двух других, еще не прочтенных надписей был получен перевод. Нужно было отыскать собственные имена и попытаться разгадать значение знаков.

Ученые занялись третьей надписью, где было несколько сот знаков. Оказалось, что таким же письмом покрыты глиняные таблички, которые находили при раскопках вавилонских и ассирийских городов, следовательно, третья надпись на Бисутунской скале и на дворцовой стене — на вавилонском языке. Судя по именам царей, известных из «Истории» Геродота и из Библии, это был язык семитический, очень близкий к языкам, на которых говорят современные арабы, сирийцы и некоторые племена Абиссинии, и на котором написана Библия. Это облегчило задачу ученых. Они отыскивали в тексте имена, корни знакомых слов, постепенно стали понимать их смысл. В это время велись раскопки в местах, где когда-то находились города Ассирии. Оттуда привозили большое количество клинописных табличек. Разгадка ассирийской, а вместе с ней и вавилонской клинописи близилась к концу.

В 1857 году провели опыт, о котором говорилось в начале этой статьи. Новая наука получила название «ассириология», так как в основном работы по дешифровке производились над ассирийскими документами. Языки ассирийский и вавилонский настолько близки, что под названием «ассириология» подразумеваются и изучение вавилонских текстов и вавилонской истории.

Средняя — слоговая — надпись на стене дворца и Бисутунской скале написана на эламском языке. Ее прочли в середине XX века.

Высоко в горах лежат истоки двух рек — Евфрата и Тигра. Маленькие речки пробивают свои русла среди высоких каменных скал и превращаются в бурные и стремительные потоки. Похожие друг на друга в верхнем течении, они, чем дальше, тем сильнее отличаются друг от друга. Тигр на всем своем пути до самого Персидского залива сохраняет быстрое течение, а множество притоков, впадающих в реку с восточных гор, превращают его в полноводную реку. Но Тигр часто меняет свое русло, водовороты, бурно несущиеся воды размывают глинистые берега, в глубокие места обрушивается глина, намываются мели, а там, где недавно было видно дно, образуются глубокие ямы. Вода в Тигре желтоватого цвета, мутная, непрозрачная.

Совсем иначе ведет себя вторая река — Евфрат. Сначала он течет на запад. Но на его пути каменной преградой встают Ливанские горы. Не в силах пробить сквозь них русло, Евфрат резко поворачивает на юг и вновь встречается с Тигром. Они сходятся то совсем близко, то отступают друг от друга на несколько километров и затем, сливаясь в единое русло, впадают в Персидский залив. Впрочем, в глубокой древности они достигали моря отдельными потоками. Намытые в течение тысячелетий речные наносы соединили в наше время обе реки.

На всем протяжении Евфрат имеет очень мало притоков. Его течение после поворота на юг плавное и спокойное, кристально прозрачны его воды.

Если помотришь на карту, то увидишь, что линии обеих рек образуют фигуру, похожую на восьмерку. В южной части восьмерки, или Междуречья, как называют долину этих рек, находились города древнего Вавилонского царства. И так же, как Египет мог существовать благодаря разливам Нила («Египет дар Нила»), так и жизнь в Междуречье зависела от Евфрата и Тигра.

Ранней весной под горячими лучами солнца начинают таять снега, покрывающие вершины Арарата и других гор. Бурные потоки воды устремляются вниз и наполняют реки. В начале марта выходит из берегов Евфрат и, вслед за ним, Тигр. К маю вся долина превращается в безбрежное море, среди которого на искусственно возведенных холмах высятся города и селения. Медленно убывает вода, и только в сентябре реки входят в свои берега.

В отличие от Египта в Междуречье наводнения не происходят регулярно. Иногда они наступают очень рано, заливают глиной и грязью всю долину, опустошают поля. Жители испытывали ужас перед наводнением. Поэтому именно здесь, в Южном Междуречье, была создана в глубокой древности легенда о всемирном потопе. Особенно страшны разливы Евфрата, которого народ назвал «горькой рекой».

Вот как описывает наводнение древнеримский географ Страбон:

«Евфрат в начале лета наводняется от снегов в Армении, которые начинают таять с наступлением весны. От этого поля заливаются водой и обращаются в болота, если только потоки ее не отводятся рвами и каналами, как воды Нила в Египте. Вот почему здесь были прорыты каналы. На поддержание их в порядке требуется много труда, так как земля здесь низкая, мягкая, она легко смывается водою, поля обнажаются, и каналы наполняются грязью, которая и закрывает их устья. Тогда опять происходит наводнение, образуются озера и болота, зарастающие тростником... Совершенно устранить подобные наводнения, вероятно, невозможно, но каждый хороший правитель обязан помочь бороться с ними. Помощь эта состоит в том, что сильный разлив удерживается плотиной, а наводнение из-за скопления ила в канале — очисткой их от грязи и открытием устья. Очистка — дело легкое. Устройство плотины требует много рабочих рук...»

Вода в каналах должна всегда поддерживаться на среднем уровне. Ведь вслед за наводнением наступает жаркое засушливое лето, обожженная, растрескавшаяся земля нуждается в обильном поливе, без которого погибнет весь урожай полей, все сады. Воду для полива дают каналы. И тогда, говорит Страбон, «страна эта производит ячмень в таком количестве, как никакая другая... все остальное дается пальмой¹, именно из нее готовят хлеб, вино, уксус, мед, муку и всякого рода плетеные сосуды. Орехи пальмовые служат для кузнецов вместо углей, а размягченные дают корм для скота, как для быков, так и для овец... Говорят, есть даже какая-то персидская песня, в которой насчитывается триста шестьдесят употреблений пальмы».

Вот почему главной заботой правителей являлось прорытие новых каналов и уход за старыми. Даже годы своего правления цари отмечали датой прорытия канала. В одном документе вавилонского царя Хаммурапи указано, что этот документ написан в «год, когда царь Хаммурапи прорыл канал, названный «Хаммурапи — благословение народов». Такие имена давали каналам.

Однако каналы служили не только для орошения полей и регулирования уровня воды во время наводнений. По ним плавали суда, плоты на надутых воздухом кожаных мешках, легкие тростниковые лодки с загнутыми вверх носами, иногда встречались совсем круглые суда из тростника, обшитые снаружи кожей.

Каналы были удобными торговыми путями, по ним легче и безопаснее перевозить товары, чем отправлять караваны на верблюдах и ослах через пески пустыни.

Без рек не было бы каналов, без каналов, созданных трудом людей, не было бы жизни в Междуречье. Труд человека превратил долину Евфрата и Тигра в цветущий богатый край.

---

¹ Страбон имеет в виду финиковую пальму. Пальмовых рощ было много в Междуречье, там хорошие условия для ее разведения. Недаром говорят, что это дерево любит, чтобы «голова была в огне, а ноги в воде».

При раскопках одного холма, на месте древнего города Лагáша, внимание археологов привлекли великолепные каменные статуи. Их было одиннадцать. Девять из них сделаны из темного отполированного камня диорита, который с большим трудом поддается обработке и легко крошится. Перед учеными встал вопрос, как попал диорит на берега Евфрата? Ведь его месторождение находилось за много сотен километров от Лагаша, далеко на западе, в стране Магáн, затерянной где-то среди песков Северной Аравии. На статуе сохранились надписи, по которым легко определить, что имя одного из правителей Лагаша, жившего в XXII в. до н. э., — Гудеа. На другой находке сохранилась большая надпись, состоящая из 317 строк. В ней рассказывается о том, как Гудеа построил храм богу Нингíрсу.

В городе Лагаше стояла жаркая, сухая погода. Солнце немилосердно жгло. Вода в каналах высохла, колодцы были опустошены, поля пожелтели, сухая, растрескавшаяся земля жаждала влаги, страна была под угрозой неурожая. Гудеа день и ночь молился богам о спасении своих подданных от голода. И вот однажды глубокой ночью, когда Гудеа беспокойно спал, томясь от духоты и тревоги за будущее, к нему вошел бог и велел ему начать постройку храма. Гудеа не понял смысла этого сна и обратился к богам за разъяснением. Тогда явилась к Гудеа богиня Нánше и объяснила ему, что боги хотят, чтобы правитель построил храм в их честь; тогда прекратится засуха. Гудеа должен пожертвовать богу Нингирсу колесницу, запряженную ослами, и бог даст ему все нужные указания для строительства храма.

Гудеа выполнил волю богов, и Нингирсу дал Гудеа точный план храма, перечислил все, что должно быть сделано, и установил время закладки храма. В назначенный день начали рыть траншеи для фундамента и положили по углам глиняные фигурки с магическими надписями, чтобы ничего дурного не случилось в этом храме. И в тот же день переменился ветер и кончилась засуха. Так рассказывает надпись на стеле.

Ученые раскопали развалины храма-дворца Гудеа. Он был больше, чем какой-либо дворец или храм в те времена. Длина его была 50 м, ширина — 30 м. Стены были сложены из кирпичей и скреплены асфальтовой смолой. Асфальтом были залиты площадки храма-дворца, а дворы выложены большими плитами. Двери, колонны и внутренняя отделка дворца из драгоценных пород дерева, были украшены медью и бронзой. Но ведь ни камня, ни дерева, ни металла нет в Лагаше, не было их и в других городах Шумера и Аккада. Следовательно, за дорогими материалами для постройки этого храма отправляли экспедиции в далекие чужеземные страны.

Действительно, Гудеа послал отряды рабочих в Маган и Мелуху за диоритом и дорогими породами дерева. В непроходимых

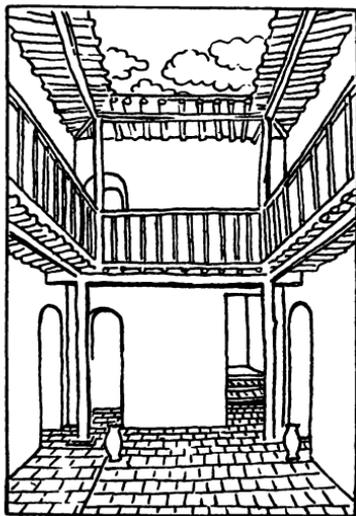
лесах Сирии прокладывали дороги, чтобы возить по ним высокие стволы кедров для колонн. В горах высекали узкие тропинки, по которым спускали к реке камень и медь. Все эти материалы грузили на лодки и доставляли в Лагаш. День и ночь прибывали сюда баржи с лесом и камнем, металлом и асфальтовой смолой. Сотни людей — каменщики, плотники, столяры, ювелиры, кузнецы, резчики по дереву и металлу — работали без отдыха над постройкой дворца.

Большие средства, много сил и труда ушло на строительство дворца. Казна опустела, несмотря на то что с населения собирались большие налоги. Тяжелым бременем легла постройка дворца на плечи бедных земледельцев. И Гудеа, чтобы оправдать огромные расходы на создание этого храма-дворца, придумал легенду о явлении к нему бога.

Дворец получился великолепно. Перед главным входом с северо-восточной стороны была узкая площадка, выложенная каменными плитами и обсаженная пальмами. В центре этой площадки находился небольшой бассейн. Через узкие двери можно было проникнуть внутрь дворца. Длинный коридор вел во внутренний дворик, вымощенный большими каменными плитами. Этот дворик примыкал к той части дворца, где находилась приемная правителя — большой зал. В нем, восседая на троне, Гудеа принимал своих вельмож, чиновников и послов из других стран.

Тут же во дворце помещались канцелярии, где работали чиновники под руководством главного начальника, управлявшего хозяйством. Чиновники смачивали свои глиняные таблички и на мокрой глине выводили тонкими палочками четкие клинописные знаки. Одни записывали доход, другие вели счет расходам, третьи учитывали, какие богатства хранятся в амбаре. Амбар — сокровищница всего государства. В нем собраны все запасы, которые получены от царских и храмовых земель, вся подать, которую вносили земледельцы зерном, скотом, маслом, вином.

Амбар — это длинное узкое здание, обнесенное высоким забором. В нем нет ни окон, ни дверей, только в крыше устроено небольшое отверстие, плотно закрытое крышкой. Чтобы попасть на крышу, приставляли к стене лестницу, а на ночь ее убирали, и доступ в «дом плодов» стано-

Реконструкция вавилонского дома.

вился невозможным. Вокруг ограды ходили всю ночь надежные часовые.

Внутри амбар был разделен на несколько изолированных помещений — кладовых, ухидивших глубоко под землю. Там всегда было прохладно, продукты не портились.

Неподалеку от дворца, в центральных кварталах города, находились дворцы взрослых сыновей правителя города, знатных приближенных, богатых рабовладельцев и купцов. Эти здания были меньше дворца, они выглядели скромнее, но напоминали все же маленькие дворцы. Там были полутемные прохладные комнаты, залитые солнцем и обсаженные пальмами дворики, бассейны с водой, проходившей по широким глиняным трубам прямо из канала, и глубокие кладовые.

Но, чем дальше от центра, от главных зданий, тем беднее становились домики, уже и грязнее улицы. На окраине жалкие глинобитные лачужки лепились одна к другой, узкие, кривые, грязные улочки были похожи на коридоры. От очагов, на которых готовилась скудная пища бедняков, поднимался едкий дым и чад; от куч гниющего мусора и отбросов исходил нестерпимый смрад. В этих лачугах жила беднота — ремесленники, батраки. Городская стена проходила тут же, у самых лачуг.

Высокую толстую стену сложили из обожженных кирпичей, скрепленных асфальтом. Трудно было пробить брешь в такой стене. Шесть ворот вели в город. Днем и ночью их охраняла стража. На ночь все они наглухо запирались, и запоздавший путник уже не мог попасть в город. В стенах Лагаша было 27 сторожевых башен, и, если вражеские войска осаждали город, из этих башен сыпались на них тучи стрел и лилась горячая густая смола.

Почти все земледельцы, жившие за стенами города в редких разбросанных среди полей поселках, укрывались во время войны в городе, под надежной защитой его крепостных стен.

Гудеа долго правил Лагашем. В надписи говорится, что он был праведным царем, не допускал в своей стране несправедливости, никто не притеснял там вдову и сироту, «никого не наказывали бичом, никто не был бит ремнями».

Действительно, знатым и богатым рабовладельцам жилось при Гудеа очень хорошо. Документы говорят о том, что многими соседними странами во время его правления шли оживленные торговые сношения. «Сам Нингирсу открыл ему путь от Верхнего (т. е. Средиземного моря) до Нижнего (т. е. до Персидского залива)». Торговые экспедиции обогащали царя и знать. Гудеа вел удачные войны с соседями, его победы приносили богатую добычу и рабов, которые работали на полях правителя, храмов и знати.

Ремесленники Лагаша и бедные земледельцы с утра до ночи гнули спину и тяжелым трудом едва зарабатывали себе на жизнь. Они платили громадные налоги, на которые уходила большая часть их доходов.

Из всех царей древнего Вавилона самым известным был Хаммурапи. Он правил с 1792 по 1750 г. до н. э. Хаммурапи покорил весь юг Междуречья, захватил земли, лежащие по Евфрату. Цари Ассирии признали его власть, финикийские купцы посылали ему богатые подарки. И Хаммурапи стал называть себя «царем четырех стран света». Вавилон превратился при нем в богатое и могущественное государство. Страна была разделена на области, в каждой Хаммурапи посадил наместника, который ведал там делами. Но все нити управления были в руках у царя, он посылал распоряжения и приказы наместникам. Вот почему ученые нашли в развалинах вавилонских городов так много писем царя Хаммурапи.

Больше всего заботился Хаммурапи о постройке каналов и об орошении полей. Ведь без этого при жарком и засушливом климате Вавилонии нельзя было заниматься земледелием. А хлеб был главным богатством страны. В обмен на зерно вавилоняне получали лес, металл, камень. Около столицы вырыли большой канал и по обычаю назвали его именем царя: «Хаммурапи — благословение народов». Из канала вода распределялась по многочисленным маленьким каналам и канавкам и орошала поля. В то время такой канал казался чудом, и чужеземцы восхищались им много лет спустя после смерти Хаммурапи.

Почти во всех городах царь приказал привести в порядок всю оросительную систему, постоянно очищать ее от ила и песка. Строго следил он за тем, чтобы чиновники вовремя исправляли все недостатки. Узнав о том, что в городе Ларсе канал загрязнен илом и затянут тиной, Хаммурапи написал письмо правителю этого города Синидиннаму: «Синидиннаму скажи: так говорит Хаммурапи. Созови людей, которые имеют поля на берегу канала Думанум. Пусть они очистят канал. Очистку канала они должны закончить в конце этого месяца».

Написали два воина жалобу, что вода не доходит до их поля. И Хаммурапи немедленно диктует письмо: «Шамаш-Хасиру скажи: так говорит Хаммурапи. Маниум и Авель-Илим, воины, написали мне так: в канале Угдимша спала вода и до нашего поля не доходит. Проверь, если вода спала и до их поля не доходит, то устрой им в устье канала проточную воду». Не удивительно, что Хаммурапи так заботится о своих воинах. Они получали за свою службу участки земли, очень важно было, чтобы хозяйство у них велось хорошо. Чем богаче воины, тем сильнее было все войско — главная опора царя. Ведь без него Хаммурапи не мог бы ни завоевывать страны, ни держать их в повиновении.

Каналы нужны были не только для орошения полей, они являлись также удобными путями сообщения. По ним проходили суда, груженные товарами. Вавилонские купцы везли в соседние страны на продажу зерно, сезамное и кунжутное масло, шерсть. В об-

Голова статуи царя Хаммурапи.

мен они привозили оттуда серебро, медь, камень, дерево. На равнинах Вавилонии не было лесов. Финиковые пальмы, фруктовые сады, заросли тростника — вот и вся растительность Южного Междуречья. А лес нужен был во всем хозяйстве Вавилонии. Без леса нельзя строить дворцы, храмы, дома, суда. Лес нужен был для царских мастеровских и для ремесленников. Хаммурапи дает в письме распоряжение о том, какие деревья надо рубить, и приказывает срочно их доставить: «Среди дерева этого не надо рубить такого, которое уже отмерло в лесу. Пусть рубят только зеленое дерево и пусть поторапливаются доставить это дерево, чтобы работникам по метал-

лу не приходилось сидеть без дела».

Все эти товары привозили в Вавилон на судах, там товары перегружали на другие баржи и отправляли в различные города страны на юг. Торговля имела большое значение для Вавилона, она давала доход государству, так как купцы платили налоги в казну. С прибылью продавали и продукты, собранные с царского хозяйства. Поэтому Хаммурапи заботился о том, чтобы хорошо и прочно строили суда. В его законах есть такая статья: «Если корабельщик построй судно и сделает свою работу ненадежно, так что судно в том же году станет течь, то корабельщик должен сломать это судно и сделать другое, прочное, за свой собственный счет и отдать хозяину».

Однажды царю сообщили, что корабельщики вовремя не прибыли на суда, поэтому товары не были отправлены. Хаммурапи разгневался — каждый день простоя давал ему убытки — и продиктовал такое письмо: «Синидиннаму скажи: так говорит Хаммурапи. Тарибáтум сказал мне: люди для судов мне не были даны, поэтому я не мог снарядить суда. Если суда еще не снаряжены, то когда это будет сделано? Как только ты получишь эту табличку, пришли немедленно людей на суда. Если ты этого не сделаешь, то отвечать за отправку судов будешь ты».

А вот и другое письмо к Синидиннаму: «Так говорит Хаммурапи. Так как год имеет недостачу, то пусть месяц, который теперь начинается, называется вторым Элу́лом. И вместо податей, поступающих в Вавилон на 25-й день месяца Тишри, пусть поступает подать на 25-й день второго Элула». Трудно сразу понять это письмо. Что это за недостача в году? Как можно вставить дополнительный месяц между шестым месяцем вавилонского календаря Элулом и седьмым — Тишри? Откуда взялся «второй Элул»?

Чтобы разобраться в этом письме, надо хорошо знать вавилонский календарь. Оказывается, в Вавилонии началом месяца считался первый день новолуния, и так как месяц продолжался от новолуния до новолуния, в нем было только 28—29 дней. В го-

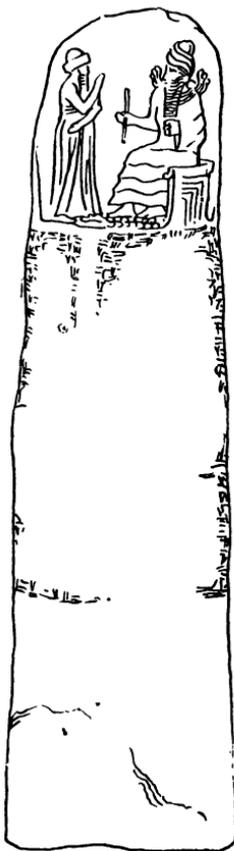
ду же 365 дней. Ежегодно между двенадцатью лунными месяцами и солнечным годом получалась небольшая разница, не хватало нескольких дней, «год имел недостачу», как говорил Хаммурапи. В течение нескольких лет «недостача» уже равнялась целому месяцу. Тогда устанавливали високосный год и в календарь вставляли добавочный месяц. Его помещали либо в конце года, либо в середине, т. е. после Элула, как указано в письме Хаммурапи. Дополнительный месяц не имел собственного названия и назывался по предыдущему месяцу. Вот почему в письме Хаммурапи появилось название «второй Элул». Хаммурапи очень беспокоился о том, как бы Синидиннам не позабыл, что во второй Элул (хоть он и дополнительный месяц) тоже должна быть внесена подать в царскую казну.

По этим письмам видно, что Хаммурапи внимательно следил за всем, что происходило в его государстве, за тем, чтобы выполняли все его требования. И даже жалобы на служащих Хаммурапи рассматривал сам. Не явились на работу два чиновника, доложили об этом царю, и он пишет письмо: «Пусть этих людей приведут к тебе (т. е. к Синидиннаму). Вызови стражу и отправь виновников ко мне».

Принесли Хаммурапи донесение от знатного чиновника, что несколько человек получили взятку. И в гневе царь посылает приказ: «Как только получишь этот приказ, расследуй дело. Если выяснишь, что действительно был подкуп, то опечатай серебро и все, что было дано как взятка, и отошли мне. А тех людей, которые приняли взятку, и свидетелей, знакомых с этим делом, вели доставить ко мне...»

Обычно преступника судили на месте, но в особо важных случаях их отправляли в Вавилон, в царский суд. Поэтому взяточников Хаммурапи велел прислать к нему. Внимательно царь рассматривал жалобы на захват имущества и на несвоевременное возвращение долгов.

Вот одно из писем по этому поводу: «Синидиннаму скажи: так говорит Хаммурапи. Илийшу-купец сообщил мне. Я дал займы правителю Синмагиру 30 кур¹ зерна. У меня хранится табличка. По истечении срока

Столб с законами Хаммурапи.

¹ Кур — мера зерна.

я потребовал, но он не отдал мне зерна. Так он сообщил мне. Рассмотря его табличку, и пусть Синмагир уплатит проценты и долг купцу».

Судя по письмам, Хаммурапи заботился о благополучии своих подданных, о том, чтобы «сильный не обижал слабого», как написано в его законах. Но ведь те, которых защищал царь, не были «слабыми». Это — воины и купцы, землевладельцы и ростовщики. Их интересы и оберегал царь.

БЕГОМ В ШКОЛУ

«Синидиннаму скажи: так говорит Хаммурапи. Авиль-Амуррум известил меня в таких словах: Муму, сын Или-Идиннама, забрал у меня один кур зерна и три сара¹ поля. Вот я посылаю к тебе людей. Пусть с ними городские старейшины войдут в храм Шамаша и пусть их рассудят. Возмести отнятое у него и пришли мне отчет о том, как ты его удовлетворил».

Это письмо, написанное на глиняной табличке, хранится в Москве в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Более трех с половиной тысяч лет назад получил его Синидиннам, правитель города Ларсы, но и сейчас очень хорошо можно представить, чем было вызвано это распоряжение Хаммурапи.

Муму, вероятно, богатый купец или важный чиновник. Можно догадаться об этом потому, что в письме стоит имя отца Муму, Или-Идиннам. Авиль-Амуррум — человек царский (т. е. на царской службе). И вот богатый Муму отобрал у Авиль-Амуррум один кур зерна и захватил участок поля в три сара.

Царь Хаммурапи послал туда своих людей и в храме бога Шамаша, в присутствии старейшин города, приказал рассудить Авиль-Амуррум с Муму. За этим судом должен наблюдать Синидиннам и прислать царю отчет о том, как выполнен царский приказ. Странной кажется только первая строчка — «так говорит Хаммурапи». Почему «говорит», а не «пишет», ведь письма не говорят, а пишут. Но не только в этом письме написано «так говорит Хаммурапи», все письма царя к наместникам и чиновникам, к царям других стран начинаются этими словами. И Хаммурапи действительно говорил свои письма, а писали их чиновники-писцы. Писец сидел рядом с царем. В левой руке он держал прямоугольную глиняную табличку. Он заранее графил ее четырехгранной палочкой — «пером», проводил на влажной глине тонкие линии — строчки. Писец внимательно слушал царя и быстро писал под его диктовку письмо. Углом «пера» он оттискивал на табличке четкие знаки. Они похожи на клинья, поэтому теперь такие знаки называют клинописью. Писец должен быть очень внима-

---

¹ Сар — мера площади.

тельным — ни одного слова нельзя пропустить, ни одной ошибки нельзя допустить в царском письме. У царского писца должен быть красивый почерк, и он обязан писать очень быстро, не заставляя царя повторять два раза одно и то же. Поэтому на службу в царскую канцелярию брали самых грамотных, самых искусных писцов, с красивым почерком.

Много лет учились вавилонские мальчики, чтобы стать писцами и попасть на службу к царю.

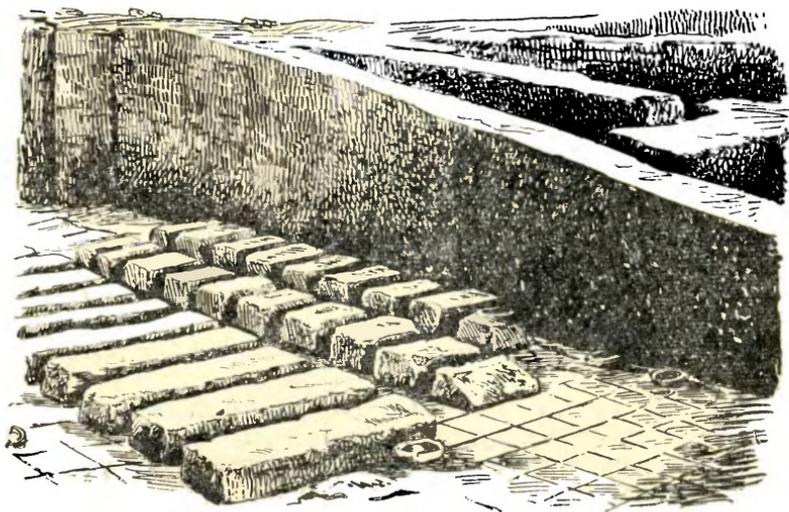
С ранних лет отдавали мальчика в школу. Более десяти лет обучали его чтению и письму, грамматике и литературе (мифам, легендам, сказаниям), счету и астрономии. И только тогда, когда юноша хорошо изучил все эти науки, он становился писцом и начинал свою службу в различных канцеляриях.

Попробуем представить, как проводил день в школе вавилонский ученик.

*

Уже солнце высоко поднялось на небе, и его яркие лучи сквозь проемы окон под потолком освещали небольшую комнату, где спал Убарсин. Сегодня его особенно трудно разбудить. Мать несколько раз подходила к нему, окликала его, тормошила. Но Убарсин только на секунду открывал глаза и снова засыпал. Наконец мать потеряла терпение. Она сняла с сына одеяло из легкой полотняной ткани, больно встряхнула его за плечо и сердито прикрикнула:

— Вставай, ленивый мальчик! Ты слишком много спишь и опоздаешь в школу!

Школа, в которой обучали будущих писцов.

Убарсин вскочил и недоумевающе озирался вокруг, протирая глаза и все еще не проснувшись. Наконец слова матери дошли до его сознания, и он начал быстро собираться: наскоро ополоснул лицо тепловатой водой, вытер его куском ткани, служившим полотенцем. Потом сложил свои «книги» и «тетради» — глиняные таблички — и взял связку палочек для письма.

— Поешь, сынок! — ласково сказала мать, успевшая уже забыть, что она только что сердилась на мальчика, и протянула ему две тонкие лепешки.

— Уже поздно, — сказал Убарсин и, взяв лепешки, положил их вместе с табличками.

Убарсин вышел из комнаты и через узкую дверь в стене ограды выбежал на улицу. Время было позднее, и он знал, что ему не избежать наказания. Учитель строго следил за тем, чтобы ученики не опаздывали в школу. Убарсин стремительно пролетел по переулку, где стоял их дом, бегом промчался по узким, кривым улицам и выбежал на широкую дорогу, которая вела к дворцу. Недалеко от дворца помещалась школа.

Убарсин подошел к высокой глинобитной стене. Во дворе находилась школа. Оттуда доносился монотонный гул. Ученики все разом громко читали нараспев. Убарсин тихо вошел во двор и хотел незаметно проскользнуть в класс. Но это не удалось. «Старший брат»¹ больно ударил мальчика плеткой по спине и толкнул его в комнату. Испуганный, с бьющимся сердцем, вошел Убарсин в класс и низко поклонился учителю. На глиняных скамейках по трое и по четверо сидели ученики — «сыновья школы». В глубине класса находились старшие мальчики, уже почти прошедшие весь курс обучения и заканчивающие школу. Только до обеда они проводили время в школе, а потом шли в различные учреждения. Там опытные чиновники учили их работать в канцеляриях. По окончании школы мальчики станут писцами и будут самостоятельно выполнять свои обязанности.

Но Убарсину далеко до этого, много лет предстоит ему еще сидеть на школьной скамье. Опустив голову, он сел на свое место и шепотом спросил соседа:

— Где читают?

Жгучая боль в руке заставила его замолчать. На этот раз Убарсина ударил тростью сам учитель — «отец школы».

Убарсин еле сдерживал слезы. Как неудачно начался день. Нет, ему положительно не везло сегодня.

— Возьмите глину и сделайте таблички, — приказал «отец школы».

Мальчики взяли маленькие комочки глины, смочили их в воде, которая была в сосудах, стоявших около скамеек. Потом они скатали из нее небольшие шарики, прихлопнули их ладонью и получили плоские таблички не совсем правильной круглой формы.

---

¹ *Старший брат* — помощник учителя.

— Приготовьтесь,— скомандовал учитель.

Наступила тишина. Мальчики быстро провели на табличке несколько тонких горизонтальных линий.

— Пишите,— и «отец школы» начал диктовать. Он произносил отдельные слоги, иногда целые слова, ученики оттискивали на глине своими палочками клинописные знаки. Один из «старших братьев» вместе с учителем ходил между скамеек и проверял, правильно ли написаны знаки, хороший ли почерк вырабатывается у ученика.

А в это время старшие отвечали по очереди заданный урок. Убарсин прислушался. Они рассказывали что-то интересное. Это был текст, написанный на старинной табличке:

— Школьник, куда ты ходишь с ранних лет твоего детства?

— Я хожу в школу.

— Что ты делаешь в школе?

— Я отвечаю мою табличку, я завтракаю. Потом я przygotowляю новую табличку и пишу на ней. Я кончаю писать. Потом мне задают устный урок. А после обеда мне задают письменный урок.

— Что ты делаешь после занятий?

— Я иду домой. Я вхожу в комнату. Там уже сидит мой отец. Я показываю ему мои письменные упражнения, я рассказываю ему устные уроки. И мой отец очень доволен.

Убарсин заслушался. «Счастливый ученик,— подумал он,— все у него хорошо. А я что ни делаю, все плохо». Убарсин задумался и перестал писать.

Удар плетью заставил его вздрогнуть. Убарсин вспомнил, что он на занятиях.

— Ты забыл, что нужно писать!— грозно сказал учитель.— Ты опоздал сегодня в школу, ты не знал, что мы читаем, и своей болтовней ты мешал другим. А теперь ты перестал писать.

С этими словами учитель взял табличку Убарсина. Рука у мальчика болела, пальцы вспухли от удара тростью, знаки на табличке получились кривые и некрасивые.

— Твоя рука сегодня очень плохо пишет,— сказал «отец школы».

Убарсин стоял весь красный от смущения и от страха, что учитель опять побьет его.

— Садись на место и слушай,— сердито сказал «отец школы».

Потом он подошел к своей скамье, выбрал среди многих табличек одну и прочел ее вслух:

Клинописная табличка.

«Сын школы! Ты должен слушать слова «отца школы» и следовать им. Тогда ты достигнешь вершин искусства писца, ты будешь им свободно владеть. Для братьев своих ты станешь вожаком, друзьям своим ты будешь наставником. Ты хорошо окончишь школу и будешь ученым человеком».

Несколько раз повторял учитель этот отрывок, пока ученики записывали его на своих табличках.

— Выучите дома на память все, что вы записали, а завтра я буду вас спрашивать. Особенно ты, Убарсин, запомни все, что здесь сказано. И подумай о том, как ты сегодня провел день в школе и сможешь ли ты сделаться хорошим писцом, если будешь и дальше так себя вести!

После этого учитель встал и сказал, что занятия окончены.

Мальчики шумной толпой вышли на улицу и разбежались в разные стороны.

Медленно, опустив голову, шел домой Убарсин. Что он расскажет отцу, когда тот спросит его об уроках? Как поглядит он в глаза матери?

*

Сохранилась одна очень древняя табличка — ей более четырех тысяч лет, где подробно описано, как ученик ходит в школу, как его обучают и как наказывают. В этой табличке рассказано об одном мальчике, который опоздал на занятия, плохо учился и был несколько раз наказан палкой. А когда он вечером рассказал об этом отцу, тот забеспокоился. Ведь сына могут прогнать из школы. На другой день отец пригласил учителя домой. Его посадили на почетное место, угостили хорошим обедом и напоили вином. Ученик прислуживал учителю, подносил ему чашу с водой, чтобы вымыть руки. Потом отец подарил учителю нарядную одежду и надел ему на палец кольцо. Сердце учителя смягчилось, и ученику не грозило исключение из школы. Но все это могли сделать только богатые люди.

В РАБСТВЕ ЗА ДОЛГИ

Если человек имеет на себе долг и отдаст за серебро или в долговую кабалу свою жену, своего сына или свою дочь, то они должны служить в доме своего хозяина три года; на четвертый год должно их отпустить на свободу».

Эта статья записана на столбе с законами царя Хаммурапи. Какие же были долги, если за них приходилось продавать или отдавать в рабство собственных детей? В архивах царского, храмового и частного хозяйства сохранилось немало документов на глиняных табличках. Эти таблички найдены при раскопках городов древнего Вавилонского царства. Там есть и долговые расписки, и договоры на аренду земли, и купчие на продажу в рабство.

По этим документам можно представить, что такое долговая ка-
бала и как в нее попадали.

*

Широка река Евфрат, вверх и вниз по ней, точно по большой
проезжей дороге, идут суда. С севера везут деревья, металл, ка-
мень — это строительный материал для Вавилона. А из Вавилона
идут длинные легкие ладьи из тростника с загнутыми носами,
груженные товарами юга. На одном из них находится Илумбани,
сын богатого купца Шамашхасира. Несколько раз ездил Илум-
бани на север в город Мари с товарами, но всегда вместе с ним
был отец или Варадсин, старший приказчик. А сейчас Илумбани
один. Отец доверил ему продажу товаров. Это тюки с шерстью
овец, кувшины с пальмовым вином, финики, пенька и, главным
образом, зерно. Только что убрали урожай с полей, и закрома
Шамашхасира наполнены доверху. Многие должники отдали
зерно, взятое в долг, арендаторы внесли часть урожая в оплату
за аренду. И Шамашхасир решил, как обычно, отправить товары
в Мари, чтобы там выгодно их продать. На этот раз он не поехал
сам, а отправил сына. Пусть приучается быть самостоятельным.
Шамашхасир немолод, и скоро сыну придется самому вести дела,
умножать отцовские богатства.

Много земли у Шамашхасира, половину он отдает в аренду
безземельным земледельцам. В ткацкой мастерской у него рабо-
тают ткачихи, они ткут дорогие узорные ткани для продажи. Но
самый большой доход получает Шамашхасир от зерна и серебра,
которые он дает займы. Даст он бедняку 10 сиклей серебра, а
тот должен вернуть ему после сбора урожая 15. Правда, царь
Хаммурапи запретил брать приплату к долгу больше 20%. Но
жадный, богатый купец-ростовщик может так составить доку-
мент, что обойдет этот закон.

Есть у Шамашхасира одна комната в доме, где хранятся все
его документы. Эта кладовая помещается на втором этаже, так как
документы — глиняные таблички. Их опасно хранить внизу, где
сыро. Таблички могут размокнуть, и тогда все написанное на них
окажется смазанным, исчезнут все обязательства, все подписи.
По такому документу ничего не возьмешь ни с должника, ни с
арендатора.

Шамашхасир захотел проверить некоторые документы. Он по-
слал за ними в кладовую Варадсина. Толстому неповоротливому
приказчику трудно поднять сосуд с тяжелыми табличками, и он
взял с собой Ахуни, юношу-раба, который второй год жил в до-
ме Шамашхасира. Ахуни в первый раз попал в кладовую. Он с
удивлением посмотрел на полки, где были аккуратно расставле-
ны большие глиняные сосуды и плетеные корзины. Варадсин ука-
зал ему на один сосуд и велел снять его. Ахуни поднял сосуд и
удивился:

— Какой тяжелый? Что в нем?

Он заглянул внутрь и с изумлением воскликнул:

Плуг с сеялкой (в воронку насыпают зерно).

— Там полно глиняных кусков! Зачем их прячет хозяин?

— Это богатство нашего хозяина,— ответил Варадсин.

— Глиняное богатство? Да ведь глины сколько угодно кругом. Из нее можно сделать большие, лучшие кирпичи, чем эти кусочки.

— Ты глупый невежда, Ахуни,— сказал Варадсин,— ведь на этих табличках написаны документы. Вот смотри, в этой корзине лежат договоры на аренду земли. Хозяин каждый год по ним получает от земледельца часть урожая с полей и садов. А в том кувшине, что ты снял, хранятся долговые расписки. Шамашхасир дает в долг много хлеба, масла и серебра, за это ему платят проценты.

— Проценты? А что это такое? — недоумевал Ахуни.

— Даст Шамашхасир в долг, скажем, 20 сиклей серебра, а должник должен вернуть ему взятое серебро и еще сверх того 10 сиклей.

— Зачем же хозяин берет больше, чем дал?

— Так ему выгодно, от этого он богатеет.

— Что же делает Шамашхасир с теми, кому нечем отдать долг!

— Хозяин заберет у должника сына или дочь. Даже жену может взять, пусть отработывает долг!

— Как меня взяли год назад?

— Да, Ахуни, как тебя. Ты уже второй год живешь у нас. Проработаешь три года — вернешься домой.

— А куда денут тогда расписку, которую отец давал, когда брал серебро и зерно?

— Табличку разобьют, и ты будешь свободным. Ну, неси сосуд, хозяин ждет.

Они спустились вниз. Ахуни поставил перед хозяином кувшин с документами, а сам вышел во двор и присел на скамейку около дома. Он вспомнил тот день, когда заболела мать, а в доме не

осталось ни крошки хлеба, ни капли кунжутного масла. В это время как раз наступила пора засеять поле, но зерна у них не было. И отец вместе с Ахуни отправились к Шамашхасиру просить в долг зерно и серебро, чтобы купить хлеб и сушеную рыбу. Ахуни помнит, как купец долго торговался с отцом. Наконец они договорились, что, как только отец уберет урожай, он вернет то, что получил от купца, да сверх того отдаст еще треть взятого. После этого Шамашхасир позвал писца, он написал расписку и свидетели скрепили сделку своими подписями.

Прошел год. Урожай оказался плохим, буря побила хлеб. Сбранного зерна едва хватило, чтобы уплатить за аренду земли и раздать мелкие долги соседям, таким же земледельцам, как отец Ахуни. И после всего осталось так мало зерна, что не хватило на уплату долга Шамашхасиру. Тогда отец вместе с Ахуни пошли в город к купцу просить его отсрочить уплату до следующего урожая. Но тот был неумолим:

— Много у меня таких должников, как ты. Всем буду отсрочку давать, у самого ничего не останется. Закрома мои опустеют! Отец продолжал умолять:

— Зерна мало у меня осталось. Отдам тебе, и долг не покрою, и нам есть нечего будет.

Но купец ничего не хотел слушать:

— Плати в срок! А не можешь, тогда отдай сына в мой дом. Отработает долг, вернется к тебе, когда срок выйдет.

Отец хорошо знал закон. Он опустил голову и печально сказал Ахуни:

— Ну что ж, сынок! Оставайся у хозяина. Работай хорошо. Отпустят тебя, вернешься домой.

— Как же ты без меня в поле справишься? Я ведь тебе во всем помогаю,— спросил Ахуни.

Отец только махнул рукой и пошел домой. Ахуни остался у Шамашхасира, стал рабом. Ахуни понимал, что он временный раб, раб на три года. Но все равно ему было очень грустно. Он не был уверен, что когда-нибудь вернется домой. Ведь отцу трудно работать одному, много ли зерна он соберет? За три года отец сделает новые долги, и нечем их будет отдавать. И ему, Ахуни, снова придется их отрабатывать. Так и будет он рабом по три года у разных хозяев.

ДУР-ШАРРУКИН — СТОЛИЦА АССИРИИ

В середине прошлого века французское правительство послало на работу в Сирию Эмиля Ботта. Он интересовался историей древнего Междуречья, собирал легенды, разыскивал старинные памятники. По преданию, около деревни Куянджик находилась столица древней Ассирии — Ниневия. Ботта решил откопать развалины этого города.

Шеду — божество, охраняющее вход во дворец Саргона.

И тогда Ботта вспомнил слова крестьянина. В марте 1843 г. в Хорсабаде начались разведочные работы. Рабочие вырыли ров на холме и сразу же наткнулись на каменные стены и большие плиты с рельефами. Оказалось, что это тронный зал большого царского дворца. Так были начаты раскопки столицы царя Саргона II, который правил в VIII в. до н. э.

«Я построил город у подножия горы на Ниневийской дороге и дал ему имя Дур-Шаррукін», — так писал Саргон в одной надписи.

Дур-Шаррукин значит «Крепость Саргона».

Саргон совершил много походов, завоевал различные страны, захватил большую добычу. Он опустошал города и области, увозил жителей в Ассирию и обращал их в рабство — царю нужны были рабочие руки для постройки его новой столицы и грандиозного дворца.

Прежде всего надо было превратить покаты́й холм в ровную площадку для будущего здания. Для этого понадобилось принести один миллион триста пятьдесят тысяч кубометров глины. И все это рабы таскали в корзинах на своих плечах. А сколько

Работа была очень трудной: с утра до ночи копали рабочие сухую глинистую почву, от расположенных вблизи болот поднимались ядовитые испарения, многие болели лихорадкой. Но больше всего огорчало Ботта то, что никак не удавалось найти следы поселений, зданий. Лишь время от времени попадались обломки камней с рельефами и с клинописными надписями. Жители окрестных деревень с удивлением смотрели на иностранца, который роется в земле и собирает камни.

Как-то раз один крестьянин со смехом сказал:

— Ты ищешь в земле камни, а у нас около деревни Хорсаба́д таких камней на земле лежит сколько угодно!

В то время Ботта не обратил внимания на эти слова.

Но прошло три месяца, и раскопки в Куянджике пришлось оставить — никаких следов Ниневии не было обнаружено¹.

¹ Через год возобновились раскопки в Куянджике, и там была открыта столица древней Ассирии — Ниневия.

разных рабочих — каменщиков и плотников, медников и резчиков, художников и строителей — участвовало в постройке дворца! Даже невозможно представить, какой огромный труд потребовался для создания Дур-Шаррукина, — ведь все работы производились вручную.

И наконец Дур-Шаррукин был готов.

Надежной защитой от врагов служили толстые стены с бастionsами и сторожевыми башнями. В нескольких местах были высокие ворота с арками. Они запирались на ночь, круглые сутки стояли около них вооруженные стражники, охраняя вход в город.

Сам дворец казался крепостью в крепости. Его тоже обнесли толстой каменной стеной, и день и ночь часовые стерегли покой царя. Громадные фигуры крылатых быков с человеческими головами стояли у главных ворот. Такие же статуи меньшего размера были около боковых входов.

Можно было заблудиться в многочисленных внутренних дворах и крытых коридорах, которые соединяли царские комнаты с парадными залами и комнатами жен и детей Саргона. Из окон царских покоев открывался великолепный вид на реку — приток Тигра, на бесконечные просторы холмистых степей. Стены парадных зал были облицованы большими плитами с рельефами, на них изображены сцены царской охоты, военные походы и победы Саргона над врагами. А в двух парадных залах дворца стены сплошь покрыты клинописными текстами — летописями грабительских войн Саргона.

«В третьем году моего правления укрепленные города задумали мятеж... Многочисленные войска бога Ашшура я собрал и выступил в поход на завоевание этих городов. Сильными осадными орудиями я пробил их укрепленные стены и сровнял их с землей. Людей с их имуществом я взял в плен; эти города я разрушил, снес и сжег в огне...»

«...В пятом году моего правления...» — начинается летопись похода на хеттов в Малую Азию.

«...В шестом году... правления...» воевал Саргон с урартским царем Русой. «В гневе моего сердца я покрыл эти страны подобно нашествию саранчи...»

«...В седьмом году...» опять война с Урарту, поход в Мидию и Палестину.

И «в восьмом году» снова записи о походах и завоеваниях Саргона, покорении городов и стран, захвате добычи и пленных. В этом же, восьмом году своего правления — в 714 г. до н. э. — опять пошел Саргон в Урарту на Русу и на Урзáну, правителя крепости Мусасир, что лежал на берегу озера Урмия. Мусасир был разгромлен. Не только в летописи рассказано об этом событии. Сохранилась большая глиняная табличка с письмом Саргона главному богу Ассирии Ашшуру. В благодарность за победу царь восхваляет бога и подробно описывает свой поход на Мусасир.

Осада крепости ассирийским войском.

Вот как начинается это письмо:

«Ашшуру, отцу богов, владыке великому, моему владыке, живущему в своем великом храме, — большой, большой привет!..»

Долгими и трудными были войны с урартами, и Саргон много лет готовился к войне. Как только Саргон стал царем, он отправил в Урарту шпионов, которые сообщали ему обо всем, что происходило в Урартском царстве. Все донесения шпионов поступали к наследнику Саргона, его старшему сыну Синаххерибу. Он составлял из них сводки и отсылал отцу. Но особо важные и срочные сведения шпионы посылали прямо Саргону, минуя царевича. Больше всех старался шпион Ашуррисуа. Одного за другим посылал он в столицу гонцов с подробными донесениями о том, что делает Урзана Мусасирский, куда пошел Руса, какие смуты начались в Урарту, как правители перессорились друг с другом.

«Царю моему господину — твой раб Ашуррисуа царю Саргону. Три тысячи пехотинцев, командиры и начальники саперов, начальник области, что находится по соседству со мной, выступили на Мусасир и переправились через Черную речку. Его выючные животные и его табуны идут впереди. Воины другого начальника области тоже выступили на Мусасир. Я слышал, что урартский царь пойдет в соседнюю страну, но пока он не выступает».

Из донесений своих шпионов Саргон узнал, что многие правители восстали против Русы, что с севера Урарту теснят враги. Тогда ассирийский царь решил, что наступил удобный момент для разгрома Урарту.

В начале лета 714 года до н. э. ассирийское войско выступило из столицы и двинулось на север в горы. Войско переправилось через реки Верхний и Нижний Заб, перешло через горный перевал, и Саргон решил устроить смотр своей армии. Он проверил

численность пехоты, пересчитал колесницы и всадников, затем осмотрел обоз (в нем были верблюды и ослы, нагруженные различной кладью). Страшную силу представляла армия Саргона. Каждое боевое звено пехоты состояло из двух воинов, вооруженных луками или копьями, их прикрывал воин со щитом и мечом. Так же было организовано и боевое звено конницы — один всадник был вооружен луком и пращей, другой — щитом и копьем. Ни одно войско не могло устоять против натиска ассирийцев. А когда разбитые и смятые ряды противника обращались в бегство, в бой вводили отряды колесничих, чтобы преследовать убежавших врагов. Не страшны были ассирийцам переходы через реки. Всадники переправлялись на лошадях, пехотинцы надували кожаные мешки и, лежа на них, переплывали на другой берег. Для колесниц строили мосты: клали через реку надутые воздухом кожаные мешки, настилали на них хворост, и мост был готов.

Осмотрев войско, Саргон нашел, что все в порядке, и двинулся дальше. Он говорит в своем письме:

«...Я прошел между горами высокими, поросшими всякими деревьями. Перевалы там опасны, они простирают тень над окрестностями подобно кедровому лесу, и тот, кто идет их путями, не видит сияния солнца. Реку я переходил двадцать шесть раз, но многочисленные воины мои не боялись полой воды.

А потом войско подошло к высокому горному пику, чья вершина упирается в небо, а подошва внизу достигает глубины подземного царства. По его крутым склонам извиваются пропасти и горные ущелья, и нет нигде перевала; при виде этих гор ужас охватывает людей. Колесницам не подняться на них, конникам не проскакать, пехота с трудом может там пройти». Саргон заставил воинов медными кирками срезать края ущелий, расширить дорогу. И когда все было готово, встал Саргон во главе войска и конники, колесницы и пехота взлетели на горный пик, как храбрые орлы. А вьючные ослы и верблюды прыгали по вершинам, как горные козлы. Наконец, многочисленное войско ассирийцев благополучно поднялось на вершину, и там Саргон дал отдых людям, приказав разбить лагерь.

Семь горных перевалов прошел Саргон и спустился в долину. Через многие страны проходил он, и подвластные народы встречали его большими дарами и приношениями. «Тяжелая подать» — так называли ее сами ассирийцы. Горе было тем, кто не выражал покорности и сопротивлялся власти ассирийского царя. Саргон жестоко их уничтожал. «Натиском моего сильного оружия я поднялся в крепость, разграбил ее богатство и велел перенести все в мой лагерь. Ее крепкие стены восьми локтей¹ толщины я снес и сровнял с землей. Дома их внутри крепости я предал огню. Сто

---

¹ *Восемь локтей* — около четырех метров.

Подкоп и штурм крепости ассирийцами.

тридцать селений вокруг я зажег, как костры, и дымом их, как туманом, я закрыл лицо небес.

Полные амбары я открыл, и ячменем без счета я накормил мое войско. На луга я пустил мой скот, как полчища саранчи. Они вырвали его траву и опустошили нивы».

В походе Саргон получил известие, что Руса построил свое войско на высокой горе. «Ее вершина воздвигнута среди небес наравне с облаками. Никогда там не проходила ни одна живая душа, ее дорог не видел путник. Крылатые птицы небес не летали над нею, не выводили своих птенцов, не вили гнезда на высокой горе. Она торчит, словно острие кинжала, там зияют пропасти и глубокие горные ущелья. В сильную жару и сильные морозы гора эта — гибель. Утром и вечером на ней сияет солнце, день и ночь по ней катится снег, во весь рост она покрыта льдом. У того, кто переходит ее, тело поражают порывы бурь и горит от холода его кожа».

Саргон направился к горе, где находился Руса. Царь ехал впереди на боевой колеснице, за ним следовали его отряды.

Саргон внезапно напал на лагерь урартов и разбил их. Оставшиеся в живых обратились в бегство. Руса бросил свою боевую колесницу и ускакал верхом на лошади. После этого поражения могущество Урартского царства пошатнулось.

А Саргон, опьяненный победой, отправился домой. Обратный путь шел мимо владений Урзаны, правителя Мусасира. Не встретил Урзана ассирийского владыку с подобающими почестями, не принес даров. С возмущением говорит об этом Саргон: «Урзана Мусасирский нарушил клятву. Непокорный моей власти, злой горец согрешил против договора. Не принес он тяжелую подать и не поцеловал он при этом мои ноги. Дань, свои приношения он удержал и ни разу не прислал гонца, чтобы приветствовать меня». Часть войска, тяжелые колесницы отправил Саргон в Ассирию, только одну оставил для себя. И во главе пехоты и конни-

Захват пленных ассирийцами.

цы пошел Саргон на Мусасир. Снова по крутым склонам гор, покрытых непроходимыми лесами, поднималось ассирийское войско. Иногда тропа становилась такой узкой, что воины шли один за другим. Когда нельзя было проехать на колеснице, пехотинцы несли ее на плечах, а царь ехал верхом на коне. Впереди шли воины с медными кирками, прорубая ступеньки в скалах. Наконец армия Саргона подошла к Мусасиру.

Никто в городе не ждал врага со стороны неприступных гор. Ассирийцы ворвались в крепость, город был взят. Урзана успел убежать, а Саргон захватил в плен его жену и детей и поселился в жилище противника.

Много рабов, скота, золота, серебра, меди, оружия, посуды, тканей захватил Саргон в Мусасире и отправил в Ассирию.

После победы над Мусасиром вернулся Саргон в Ассирию, в свой дворец в Дур-Шаррукине и приказал на стенах роскошных зал высечь летописи его походов и побед.

Когда умер Саргон, его наследник Синаххериб не захотел оставаться в Дур-Шаррукине. Он снова сделал столицей Ниневию и выстроил там для себя новый дворец.

В Ниневии жил впоследствии и правнук Саргона, последний могущественный царь Ассирии — Ашшурбанипал. В развалинах его дворца археологи нашли знаменитую царскую библиотеку.

БИБЛИОТЕКА НИНЕВИЙСКОГО ДВОРЦА

В витрине под стеклом лежит небольшая глиняная табличка. Ее длина — 6,5 см, ширина — 3,5 см. С обеих сторон она исписана мелкими клинописными знаками, такими мелкими, что их нужно разглядывать через лупу.

Что на ней написано? Один ученый-специалист прочел табличку от начала до конца, перевел все написанные на ней 62 фразы

и ничего не понял. Сначала ему показалось, что это какая-то поэма. Но в ней не было смысла. Каждая коротенькая фраза не имела связи с другой. Иногда эти предложения состояли из двух-трех слов, и ничего общего не было между ними.

Ученый долго ломал голову над странным текстом. Без конца перечитывал каждое выражение. И вдруг его осенила догадка. Некоторые предложения показались знакомыми. «Энлиль простирается далеко...» — так начинается гимн богу Энлилю. «На горах неба и земли...» — это начало легенды о сотворении мира.

Тогда ученый вспомнил, что у древних поэм и легенд не было заглавия. Если эти произведения были написаны на нескольких табличках, то на каждой писали первую строчку легенды или поэмы. Это служило заглавием. Так, например, легенда о сотворении мира называлась «Энума Элиш» («Когда вверху»), а заглавие поэмы о Гильгамеше было «О все выдавшем». Поэтому, когда ученый среди 62 названий нашел тринадцать ему знакомых, он догадался, что перед ним лежит список книг. Он, вероятно, принадлежал библиотеке Ниппурского храма, так как табличку нашли в Ниппуре, в храмовом «доме табличек».

Во всех больших городах Вавилонии, которые в это время уже были покорены Ассирией, при храмах существовали школы и библиотеки, где хранились «книги» с глиняными страницами. Книги эти были самого разнообразного содержания: по медицине, математике, сельскому хозяйству, религии, литературе и многие другие.

На одной из табличек написано руководство для земледельческих работ. Начинается оно словами: «В давние дни дал земледелец эти наставления сыну...» И дальше дается расписание сельскохозяйственных работ на весь год.

В мае — июне разливаются реки. Надо позаботиться о том, чтобы вода не поднялась слишком высоко и не затопила поля. Когда вода спадет, надо следить за тем, чтобы поле оставалось влажным и чтобы поверхность его была ровной. Надо оберегать поле от волов, которые могут вытоптать его.

Перед посевом следует очистить поле от всех сорных трав, огородить его и заранее приготовить все земледельческие орудия, корзины и вола, который будет пахать поле плугом. К плугу прикреплена узкая воронка. В воронку насыпают зерно, оно падает в борозду, которую проводит плуг. Пахота и посев производились одновременно. «Наблюдай за человеком, который сыплет ячменное зерно, чтобы зерно падало равномерно на два пальца глубины», — советует отец. И дальше точно перечисляется, какие борозды надо проводить, на каком расстоянии друг от друга. После посева надо разбить комья, чтобы не задерживать рост зерна.

Всходы ячменя надо несколько раз орошать. Чтобы ячмень не успел согнуться под тяжестью своих колосьев, надо следить за его созреванием и не пропустить время жатвы.

Так же подробно описаны и другие работы — веянье, молотба.

Много было интересных глиняных «книг» в библиотеках древнего Вавилона. Но не было ни одной такой большой и богатой, как библиотека царя Ашшурбанипала в Ниневии.

В большой высокой комнате на втором этаже до самого потолка стояли ящики с «книгами». Царь дорожил ими и побоялся поставить их внизу, где от сырости глиняные «книги» могли размокнуть и погибнуть.

Иногда содержание поэмы или другого произведения не помещалось на одной табличке. Тогда на другой писали продолжение, получалось несколько глиняных табличек-страниц. Эти страницы нельзя было склеить в один свиток, как египетский папирус. Их клали в один ящик. Но всегда могли случайно рассыпать таблички, положить их не в тот ящик, смешать с другими. И тогда даже ученые жрецы с трудом бы во всем разобрались. Для того чтобы этого не произошло, на каждой «странице» делали специальные пометки.

Например, в поэме о Гильгамеше («О все видавшем») шестая табличка кончается словами: «Вешает он своему другу». Под ними проведена черта, а под чертой написана первая фраза седьмой таблички: «Друг мой, о чем совещались великие боги?» Но и это показалось писцу недостаточным. В самом низу он приписал: «Табличка VI «О все видавшем». Согласно древнему подлиннику списано и сверено».

Так всегда писали на «книгах» с несколькими «страницами».

После таких пометок уже не спутаешь, из какой книги каждая табличка.

А как понимать фразу о том, что списано со старого подлинника и сверено? Это значит, что книги в библиотеке были скопированы с древних оригиналов, а потом списанный текст сверен с подлинником, чтобы в нем не было ошибок.

Когда Ашшурбанипал решил собирать книги у себя во дворце, он во все концы страны разослал опытных писцов. Каждая группа писцов отправлялась в какую-нибудь большую библиотеку при храмах различных вавилонских городов. Там они выбирали самые интересные книги и тщательно списывали весь текст. Некоторые таблички были очень древними, знаки местами стерты, сколоты. Тогда писец, если он сам не мог разобрать или узнать у жрецов, что было написано на табличке раньше, ставил пометку «стерто, не знаю». Но самая большая трудность этой работы состояла в том, что текст табличек был написан на языке, который в то время уже плохо понимали. Язык табличек, написанных во времена Хаммурапи на древневавилонском языке XVIII в. до н. э., на тысячу лет старше языка, на котором говорили в VII в. до н. э. при дворе Ашшурбанипала.

В третьем тысячелетии до н. э. в Южной Месопотамии жили *шумеры*. Они придумали клинопись, и в храмах сохранилось мно-

го табличек, написанных на шумерском языке. Шумерский язык не только древнее вавилонского, это просто другой язык. Для того чтобы писцы могли переписывать и переводить шумерские и древневавилонские тексты, были созданы специальные учебники. В библиотеке Ашшурбанипала насчитывалось много таких учебников: грамматики шумерского языка с перечнем склонений, спряжений, отдельных фраз с переводом их на вавилонский, словари иностранных слов, списки слов, которые заучивали на память. Это списки растений, животных, географические названия и т. п.

Сам царь Ашшурбанипал учился в школе при храме, умел читать древние надписи «со времен потопа» и понимал таблички, написанные шумерским языком. Он свободно читал и древневавилонские тексты.

Когда таблички попадали в царскую библиотеку, на них выдавливали штамп «Дворец Ашшурбанипала, царя вселенной, царя Ассирии». Затем таблички ставили в ящики и составляли каталог книг. Ящики стояли по разделам. В одних лежали таблички с учебниками по языку и грамматике, в других — по математике. Отдельно помещали таблички с гимнами и молитвами, сказаниями и легендами, сказками. Были разделы по медицине, по минералам, по различным производствам и т. д. Трудно даже перечислить все разделы, бывшие в библиотеке ассирийского владыки. Да это и не удивительно. Он являлся одним из самых образованных людей того времени. Но, несмотря на это, царь был таким же жестоким и беспощадным, как его отец и дед. Однажды в одном из походов он захватил в плен четырех царей покоренных им стран. Возвратившись в Ниневию, Ашшурбанипал велел впрячь их в колесницу и, сев в нее, проехал по своей столице. Затем эти четыре царя были посажены в клетку, которая стояла у ворот дворца.

Ашшурбанипал был последним ассирийским царем, перед которым трепетали покоренные народы. Они боялись его и ненавидели. А когда Ашшурбанипал умер, против Ассирии восстали подвластные ей страны и города. Вавилонский царь начал войну с Ассирией.

В 612 году до н. э. вавилонские и мидийские войска ворвались в Ниневию, их колесницы с грохотом неслись по улицам города. Дворец был охвачен пламенем, рухнули его стены, и вся библиотека упала вниз. Глиняные «книги» не сгорели в огне. От обжига огнем они стали крепче и не боялись сырости. Но при падении одни таблички разбились, от других остались только кусочки, но многие сохранились совсем целыми. Они были засыпаны пеплом, песком и землей. Так пролежали таблички более 2500 лет, пока их не нашли археологи, которые раскопали курганы, открыли развалины древних дворцов и обнаружили эти памятники.

«Шанага имуру» — «О все видавшем» — написано на первой из двенадцати табличек, где рассказано о герое древневавилонского эпоса царе Гильгамеше. Это сказание возникло в III тысячелетии до н. э. Его много раз переписывали, передавали его содержание из поколения в поколение. Археологам сначала удалось найти таблички только с отрывками из этого эпоса. Но при раскопках дворца ассирийского царя Ашшурбанипала обнаружили другие таблички с эпосом о Гильгамеше. Двадцать лет хранились в Британском музее в Лондоне глиняные таблички, найденные при раскопках дворца Ашшурбанипала. Но ими стали заниматься только тогда, когда ассириологи прочли клинопись. Молодой гравер Джордж Смит готовил таблички к изданию. Он вырезал на медных пластинках клинописные знаки. Смит так увлекся работой, что в конце концов научился читать тексты и даже начал их переводить на английский язык. Однажды он прочел на одной табличке рассказ о том, что к горе Нацир причалил корабль и на седьмой день из него был выпущен голубь. Смит вспомнил, что в библии есть похожая легенда — во время всемирного потопа ковчег Ноя остановился у горы, и из него выпускали голубя, чтобы узнать, не спала ли вода. Значит, на глиняной табличке записана такая же легенда, но гораздо более древняя, чем библейская. И Смит стал лихорадочно перебирать все таблички, чтобы найти конец сказания. Но, увы, его не было. Он нашел еще несколько табличек, написанных тем же почерком, очевидно, это были глиняные «страницы», относящиеся к тому же сказанию, но о потопе в них не было ни слова.

И Смит решил поехать в Хорсабад, на место древней Ниневии, и найти там конец легенды о потопе. Но как это осуществить? Смит был так беден, что даже на проезд в одну сторону к месту раскопок у него не хватало денег. А ведь нужно было еще платить рабочим, которые должны копать, необходимо закупить материалы, снаряжение... Словом, требовались немалые средства.

В 1872 году Смит сделал в научном обществе доклад о библейской легенде на ассирийской табличке. Сообщение произвело огромное впечатление. Английская газета «Дейли телеграф» дала Смигу средства на раскопки. В 1873 году Смит отправился на Восток. Среди развалин Ниневийского дворца Смит нашел ту табличку, которую искал, — на ней было написано окончание легенды о потопе. Кроме нее, были найдены и другие недостающие таблички эпоса о Гильгамеше. И теперь знают это произведение таким, каким его записали для Ниневийской библиотеки.

*

Давным-давно, в глубокой древности, в городе Уруке правил царь по имени Гильгамеш. В дальний путь отправился Гильгамеш. Он обошел все страны до края земли, видел моря и подни-

мался на высокие горы. Он постиг мудрость богов, и ему были открыты все сокровенные тайны. А когда Гильгамеш вернулся в Урук, он поведал людям о том, что видел и что узнал.

Задумал Гильгамеш обнести Урук высокой крепостной стеной с зубцами, а внутри города повелел выстроить храм богине Иштар, покровительнице Урука.

С утра до ночи трудились люди, возводили здания из камня и кирпича. А по ночам Гильгамеш собирал всех у себя во дворце и устраивал пиры для тех, кто работал днем. Так и шли недели за неделями — днем работали, ночью пировали. И стали роптать граждане Урука. Нет больше сил выносить такую жизнь. Устали они и обратились к богам с просьбой отвлечь Гильгамеша от строительства и ночных пиров во дворце.

Вняли боги людским мольбам и повелели богине Аруру создать человека, подобного Гильгамешу:

— Аруру, ты создала Гильгамеша. Теперь сотвори человека, равного ему силой. Пусть они состязаются друг с другом, а люди Урука тем временем отдохнут.

Вымыла руки Аруру, взяла глину и сотворила Энкиду. Шерстью покрыто его тело, длинные кудри ниспадают до плеч. Никогда он не видел людей, живет с газелями, питается травой, вместе с ними ходит к водопою.

Много ловушек делали охотники, ставили капканы в степи в округе Урука. Энкиду спасал попавших в них зверей, засыпал ямы, ломал капканы и рвал силки.

Однажды охотник увидел Энкиду, когда тот вместе с газелями шел к водопою. Здрожал от страха охотник и понял тогда, кто мешает ему охотиться, почему перестала попадать дичь в его ловушки. Он пошел в Урук к Гильгамешу и рассказал ему о своей беде:

— Бродит человек по степи со зверями. Я боюсь подойти к нему. Вырою я ямы, он их засыпает, силки мои рвет. Из моих рук он уводит зверей, не дает мне охотиться!

И сказал ему Гильгамеш:

— Найди красивую девушку. Пойди с ней к водопою. Когда Энкиду придет туда и увидит ее, он покинет зверей и уйдет с ней из степи.

Нашел охотник девушку и отправился с ней искать Энкиду. Долго шли они по степи и на третий день достигли ручья, куда звери ходят пить воду.

День сидели они на берегу, второй день прошел, и только на третий день спусти-

Гильгамеш со львом.

лись с гор газели и вместе с ними Энкиду. Подошла девушка к Энкиду и обратила к нему свое прекрасное лицо. Увидел ее Энкиду, поразила его ее красота, он позабыл все на свете.

И сказала ему девушка:

— Ты красив, Энкиду, ты на бога похож! Зачем же ты бродишь по степи со зверьем? Пойдем со мной в Урук. Я приведу тебя в светлый дворец к Гильгамешу. Он могуч, как дикий тур, и нет никого сильнее его.

Воскликнул тогда Энкиду:

— Веди меня к Гильгамешу! Я вызову его на бой. Увидим, кто сильнее, он, могущественный царь, или я, рожденный в степи!

Девушка и Энкиду пришли в Урук. Увидели их люди и стали шептаться:

— Человек этот похож на Гильгамеша, только ростом он ниже, и кость у него крепче. Молоком звериным он вспоен.

Наступил день, когда Гильгамеш и Энкиду встретились на дороге. Не посторонился Энкиду, чтобы пропустить царя. Схватились они друг с другом и долго боролись. Но никто из них не смог одолеть другого, и поняли оба, что равны они силой. Тогда они прекратили борьбу и заключили союз дружбы. И Энкиду поселился во дворце у Гильгамеша.

Однажды Гильгамеш увидел опечаленным своего друга. Он сидел без дела, руки были опущены, глаза полны слез.

Гильгамеш огорчился и спросил его:

— Отчего ты печален? Почему полны слез твои глаза?

Ответил Энкиду:

— Тоска меня одолела. Не могу сидеть без дела. Слабеет от безделья моя сила.

Сказал Гильгамеш:

— Друг мой, далеко есть горы Ливана. Они покрыты кедровым лесом. В том лесу живет свирепый Хумбаба. Убьем его и изгоним из мира все зло.

— Знаю я это место. Бывал я там, когда бродил со зверьми. Лес, где живет Хумбаба, простирается на тысячи бэру¹. Как добраться до середины леса? Хумбаба же страшен. Голос его — ураган, уста — пламя, дыхание — смерть! Неравен бой с Хумбабой. Зачем идти туда?

Но Гильгамеш ответил другу:

— Только боги живут вечно. А годы человека — коротки. Идем со мной. Я пойду впереди, а ты кричи мне «иди, не бойся!». Если же погибну я, останется память обо мне, будут говорить: «Гильгамеш пал в бою со свирепым Хумбабой!» Вечное имя себе я создам!

Согласился Энкиду следовать за другом, и они стали готовиться в дорогу. Взяли топор и секиру, надели на плечи луки, напол-

---

¹ Бэру — мера длины.

нили стрелами колчаны, заткнули за пояса кинжалы и отправились в далекий путь. Много дней Гильгамеш и Энкиду шли по нехоженным дорогам и наконец достигли горы, покрытой густым лесом. Подошли они к лесу и остановились, пораженные его красотой.

Видят высокие кедры. Тропы прямые проложены в чаще. Влады возвышается огромная гора — жилище богов. А под горою кедры качают своими пышными кронами. Под ними темно, солнце туда не проникает, растет там кустарник, цветут олеандры. Манит путников лесная прохлада.

Друзья вошли в лес, вынули топоры и начали рубить кедры. По всему лесу стал слышен стук. Разнеслось эхо во все стороны. Услыхал Хумбаба стук топора и разгневанный явился перед Гильгамешем и Энкиду:

— Кто пришел сюда рубить кедры с моих гор?

И начался между ними смертельный бой. Вот уже совсем одолели Хумбабу. Восемь ветров бога Шамаша помогали друзьям. Не мог Хумбаба ступить ни шагу ни вперед, ни назад. И взмолился он:

— Пощади меня, Гильгамеш! Ты будешь моим господином, а я — твоим послушным рабом. Я нарублю тебе кедры и построю из них дома для твоих граждан.

— Не слушай его, — сказал Энкиду, — не верь коварному Хумбабе. Нельзя оставлять его в живых. Когда мы сразим его, исчезнет все зло на земле!

И тогда Гильгамеш ударил Хумбабу мечом в затылок, а Энкиду поразил злодея кинжалом в грудь. Третий удар нанес Гильгамеш, и пал на землю мертвый Хумбаба. Заскрипели кедры, исчезли из леса злые чары Хумбабы.

А друзья нарубили кедры, чтобы доставить деревья на берега Евфрата, где растут только финиковые пальмы, зеленые кустарники, степные травы да камыши.

Наконец возвратились домой победители Хумбабы. Гильгамеш почистил оружие, умылся, облачился в чистые одежды, расчесал кудри и надел на голову корону. Увидала Гильгамеша богиня Иштар и пленилась его красотой. Позвала его она:

— Идем со мной, Гильгамеш! Женись на мне; и я подарю тебе золотую колесницу. И все цари на земле будут поклоняться тебе и принесут богатые дары.

Но Гильгамеш хорошо знал, как коварна богиня и как непостоянна ее любовь.

— Не долго ты будешь любить меня, прогонишь скоро и сделаешь несчастным. Ты поступишь со мной так же, как с другими. Одного пастуха ты превратила в птичку и сломала ей крылья. Другого ты сделала волком, и его загрызли его же собаки. А садовника, что носил тебе гроздь фиников, ты ударила, и он стал пауком. Не хочу я знать тебя!

Единоборство со львом. Оттиск с цилиндрической печати.

Услышала Иштар эти речи, распалилась она гневом, поднялась на небо к своему отцу богу Ану и сказала ему:

— Оскорбил меня Гильгамеш! Вспомнил он все мои недобрые поступки! Создай быка, пусть он убьет обидчика!

Сотворил Ану страшного быка и опустил его прямо в Урук. Бык подошел к Евфрату, сделал семь глотков, и иссякла вода в реке. Потом быкдохнул один раз, разверзлась яма и проглотила сто человек. От второго дыхания еще большая яма открылась, и триста человек погибли в ней. В третий раз быкдохнул на Энкиду, и тот вдвое согнулся. Но он не растерялся, вскочил на быка и схватил его за рога. Стал неистовствовать разъяренный бык, бить его жестким хвостом. Гильгамеш отважно кинулся на быка и вонзил меч между его рогами, и вот уже бездыханное чудовище пало на землю.

Рассердилась Иштар, что не удалось ей отомстить Гильгамешу, и стала она осыпать его проклятиями.

Услыхал Энкиду, как оскорбляют его друга, вырвал он ногу у быка и швырнул ее в Иштар:

— Если бы я тебя поймал, то и с тобой поступил бы, как с быком!

Тогда боги решили наказать Энкиду за его дерзость и наслади на него страшную болезнь.

Слабость охватила Энкиду. Лег он обессиленный на свое ложе и не мог подняться. Наступил двенадцатый день его болезни, а облегчения все нет. Позвал Энкиду своего друга и сказал ему:

— Прокляли меня боги. Смерть покорила меня.

Громко закричал Гильгамеш:

— Энкиду, брат мой младший! Мы с тобой всех побеждали, поднимались в гору, расправились с Хумбабой, убили быка! Что за сон теперь овладел тобой? Стал ты темен лицом и меня не слышишь.

А Энкиду лежал неподвижно и не мог поднять голову. Гильгамеш тронул сердце друга, но оно не билось. Гильгамеш закрыл лицо Энкиду платком и ушел, горько рыдая. Он метался по дворцу, рвал на себе одежды и горестно восклицал:

— И сам я не так ли умру, как Энкиду? Смерти страшусь.

Гильгамеш долго оплакивал своего названного брата. А потом решил найти бессмертие. Он отправился в долгий путь искать своего предка Утнапишти, единственного человека, который вечно живет с богами на острове блаженных. Гильгамеш надеялся узнать секрет вечной жизни и осчастливить жителей Урука, избавить их от смерти.

Далек был путь до Утнапишти, тяжела дорога. Но не испугался трудностей Гильгамеш. Много дней шел он, пока не прибыл к горе Машу на краю земли. Человекоскорпионы охраняли вход в нее. Один вид этих чудовищ внушал ужас. Но отважный Гильгамеш подошел к ним и спросил, куда ему идти дальше. Скорпионы открыли ворота в пещеру и велели Гильгамешу пройти сквозь гору. Вошел в нее Гильгамеш, и мрак обступил его со всех сторон. Тьма непроглядная вокруг, нигде ни просвета. Не проникает сюда солнечный луч. Не видно Гильгамешу, что лежит впереди, что остается позади. Но он смело пошел вперед.

Восемь часов шел Гильгамеш во мраке. Уже десятый час проходил. Двенадцатый час прошел, и увидел Гильгамеш вдалеке сияние дня. Вышел он в рощу, там росли прекрасные деревья, отягощенные изумрудными плодами. Прошел Гильгамеш через волшебный сад и достиг моря смерти. Ни один человек ни разу не переправлялся через него. У моря сидела богиня Сидурни. Стала она уговаривать Гильгамеша не ходить дальше:

— Куда ты идешь, Гильгамеш? Не найдешь ты бессмертия, которое ищешь. Когда боги создали человека, они сделали смерть уделом его. Себе же они оставили вечную жизнь.

Но ничто не могло остановить Гильгамеша. Он нашел корабельщика, который когда-то перевез Утнапишти на остров. Уршанаби звали его. Гильгамеш рассказал ему о смерти Энкиду, о том, что сам он ищет Утнапишти, чтобы узнать секрет вечной жизни. Уршанаби сжалился над Гильгамешем и перевез его через страшные воды моря смерти. Достигли они острова блаженных, жилища Утнапишти.

Удивился Утнапишти при виде Гильгамеша: как мог он добраться сюда? Зачем проделал такой тяжелый и трудный путь?

Поведал ему Гильгамеш о своем горе, об умершем друге и в заключение спросил:

— Скажи, как ты, Утнапишти, обрел вечную жизнь?

Утнапишти открыл Гильгамешу свою тайну, рассказал, за что боги даровали ему бессмертие.

Давным-давно, когда Утнапишти жил в родном городе Шуриппаке, боги разгневались на его сограждан, которые забыли о богах, перестали их почитать и приносить им жертвы.

Задумали боги наказать жителей Шуриппака за их грехи и послать на них потоп. Но бог Эа решил спасти одного человека — Утнапишти и предупредить его о предстоящем бедствии. Эа сказал вещие слова хижине, та поведала их стене, стена же

передала Утнапишти: «Снеси жилище, построй корабль. Покинь свои богатства, думай о жизни, спасай себя. На корабль погрузи все живое». Догадался Утнапишти, что Эа предупреждает его о грозящей опасности. Только как он сможет объяснить согражданам, зачем ему корабль? Посоветовал ему Эа: «Скажи — ненавидит меня главный бог Шуриппака — Энлиль. Поэтому я уйду со своим кораблем в Океан, где правит властелин его — Эа».

На другой день Утнапишти приступил к работе. Когда корабль был готов, Утнапишти погрузил на него все имущество, поднял туда всю семью, искусных мастеров, владевших ремеслами, всех зверей лесных и весь скот степной. В назначенный час Эа дал знак, и Утнапишти засмолил дверь корабля, чтобы вода не проникла в него.

Едва занялось сияние утра, показалась на небе черная туча, и померк дневной свет. Вся земля раскололась, как чаша. Южный ветер бушует, он гонит потоки воды, заливают горы, настигает людей, будто войною уничтожая их. Свиристует Аду — повелитель грома и бури. Даже боги испугались потопа и поднялись на небо. А ветер продолжал неистовствовать шесть дней и семь ночей. На седьмой день успокоилось море, прекратилась непогода. Тогда Утнапишти открыл отдушину в корабле, выглянул наружу и увидел, что не осталось больше людей на земле, все превратилось в глину.

Пристал корабль Утнапишти к горе Нацир и шесть дней простоял около нее. На седьмой день выпустил Утнапишти голубя, чтобы узнать, нет ли где суши. Улетел голубь и вернулся, не нашел сухого места. Ласточку выпустил Утнапишти, но и ласточка возвратилась, не нашла она суши. В третий раз Утнапишти выпустил ворона. Полетел ворон, закаркал, увидел он спад воды. Нашел ворон сухую землю и корм для себя.

Тогда Утнапишти выпустил из корабля всех, кто там находился. Утнапишти и его жена зажгли огонь, принесли жертвы богам и возблагодарили их за спасение.

Почувствовали боги запах горящих трав и благовоний и удивились — кто же мог зажечь для них воскурения, ведь все люди погибли. Тогда Эа рассказал, как он спас Утнапишти, и боги решили даровать ему вечную жизнь.

Энлиль взшел на корабль, взял Утнапишти за руку и сказал: «До сих пор ты был человеком, Утнапишти. Отныне ты будешь подобен нам, богам». С этого времени Утнапишти живет на острове блаженных и бессмертен он, как боги.

— Но никто из богов не сделает для тебя подобного, — закончил Утнапишти свой рассказ.

Огорчился Гильгамеш, потерял надежду найти, что искал. Грустный стал собираться в обратный путь. Утнапишти стало жаль Гильгамеша, и он открыл ему тайну богов:

— Гильгамеш, ты много ходил, уставал и трудился. С чем ты вернешься в свой город? Я скажу тебе сокровенное слово — рас-

скажу тебе тайну цветка. Он растет на дне моря, на нем шипы колючие, как у розы. Если ты сможешь достать его, будешь вечно молодым.

Обрадовался Гильгамеш и пошел искать цветок молодости. Вместе с ним пошел корабельщик Уршанаби. Пришли они к морю. Гильгамеш привязал к ногам тяжелые камни, и они потянули его на дно. Чудесный цветок рос на дне, и были у него крепкие колючие шипы. Гильгамеш до крови поранил свои руки, но все же ему удалось сорвать волшебный цветок. Потом Гильгамеш отрезал с ног тяжелые камни, и море вынесло его на берег.

— Смотри, вот он, этот цветок знаменитый, — сказал Гильгамеш корабельщику Уршанаби, — принесу я его в Урук, накормлю я им мой народ, и старый опять станет молодым.

С радостью пошел домой Гильгамеш. Бережно нес он драгоценную ношу. Долго шли Гильгамеш и Уршанаби по пустыне. Зной и жажда томили их. Вдруг они увидели водоем. Прохлада манила путников, и решили Гильгамеш и Уршанаби в нем искупаться. Осторожно положил Гильгамеш волшебное растение и погрузился в освежающую воду.

А в это время из норы выползла змея. Ее привлек запах цветка, и она утащила его. Возвращаясь обратно в нору, змея сбросила свою старую кожу.

Горько зарыдал Гильгамеш, когда увидел, что цветок исчез. Слезы катились по его щекам. С горечью он сказал Уршанаби:

— Для кого же трудились мои руки? Для кого же кровью истекает мое сердце? Никому не доставил я блага, только змея получила его!

Опечаленные пошли они домой. И вот наконец уже виден Урук, высоки его крепостные стены, уже близок город.

И радостью наполнилось сердце Гильгамеша.

— Смотри, — сказал он своему спутнику, — как прекрасна кирпичная кладка! Как хорошо основание стен! Здесь семь мудрецов заложили фундамент. Каждый квартал города, каждое здание, каждый участок сада заставляют помнить о тех, кто их создал.

*

Много добрых дел сделал Гильгамеш, много подвигов совершил он вместе с Энкиду. Но бессильными оказались они против богов, не могли изменить свою судьбу.

Но все же бросили вызов богам герои. И хотя не нашел Гильгамеш бессмертия, не дал вечной жизни людям, он понял, что память о людях живет в том добре, которое они творят.

Смертен человек, но вечно живут его дела.

Самые ранние сведения о путешествиях сохранились в гробничных надписях египетских вельмож, которые проникали караванным путем на север к восточным берегам Средиземного моря. Но еще чаще отправлялись экспедиции вверх по Нилу, к югу от острова Элефантины, где проходила граница Египта.

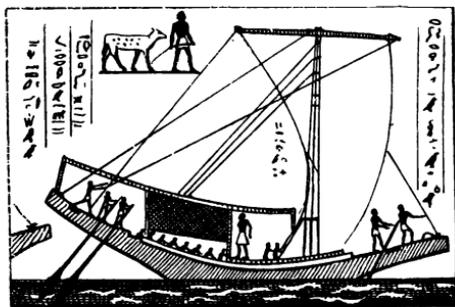
Скалы обоих берегов здесь близко подходят друг к другу и сжимают русло полноводной реки. Она бурлит и пенится, перекакивает с одного подводного камня на другой. Высоко поднимаются волны, белая пена сверкает на солнце. Это первые пороги Нила. Ни одно судно, лодка, плот не могут переплыть через бурлящий поток, рев которого слышен издалека. И таких порогов на Ниле шесть.

За первыми порогами лежит страна золота — Нубия (подревнеегипетски золото — нуб). А еще выше, за вторым порогом растут густые леса черного и красного дерева, там водятся хищники с пестрой шерстью, с дерева на дерево прыгают обезьяны, там цветут мирра и ладан, из них приготавливают душистое масло.

Плавали египтяне и по морю. Давно был им известен путь из дельты Нила до берегов Финикии. Добирались египтяне и до Красного моря. Четыре тысячи лет назад в излучине в среднем течении Нила выросла новая столица Египта — Фивы. Недалеко отсюда начинался караванный путь на восток. По этому пути везли товары к берегам Красного моря, на берегу строили суда и шли на этих судах на юг. Невиданные земли, широкие просторы и приключения во время путешествий поражали египетских мореходов. Они привозили из дальних походов диковинные заморские товары, рассказывали о чудесах, которые видели своими глазами, слагали легенды и сочиняли сказки.

Рассказ об одной морской экспедиции написан на стене храма в Дэйр-эль-Бахри, построенного над гробницей царицы Хатшепсут. Храм стоит на площадке у самых скал. Многочисленные колонны украшают здание. Тайный ход идет в глубь скалы, где царица приказала высечь свою гробницу. От храма спускаются широкие ступенчатые террасы. Задумала царица украсить их заморскими деревьями, устроить сад вокруг храма в честь бога Амона. За этими деревьями и снарядила Хатшепсут экспедицию в Пунт.

Жители Пунта давно торговали с Египтом, но через купцов других стран. Товары из Пунта доставляли на берег моря, а оттуда их везли в Египет, во дворец фараона. И вдруг египетские корабли появились в море около Пунта. Это казалось чудом. Ничего подобного пунтийцы не видели. Все жители покинули хижины на сваях и выбежали встречать бледнолицых людей, прибывших на невиданно огромных «лодках» с парусами.

Египетский корабль.

Пораженные пунтийцы не понимали, как попали эти корабли в море, омывающее Пунт.

— Как вы прибыли сюда, в эту неведомую вам страну?

— Пришли вы сюда по небесным путям или по морю?

— Может быть, вы шли путями самого бога?

Вопросам и восклицаниям не было конца. Египтяне едва успевали отвечать.

Затем путешественники разложили на берегу товары, привезенные из Египта. Здесь были хлеб и мясо, пиво и вино и много прекрасных вещей из Та-мери («возлюбленная земля», так называли египтяне свою страну).

Наконец на берег вышел пунтийский вождь Париху и его толстая неповоротливая жена Ари. Они учтиво приветствовали египтян, расспросили их о путешествии, а затем перешли к делу. Вождь велел пунтийцам унести египетские товары, а египтяне начали грузить на свои корабли товары Пунта. Это были доски и бревна из черного и красного дерева, груды душистой смолы мирры и ладана, ароматное масло, слоновая кость и золото, шкуры леопардов и множество других вещей. Когда все было погружено, матросы, сгибаясь от тяжелой ноши, начали носить на корабль большие бочки, в которые были посажены деревья. Они перенесли 319 бочек. Доставка деревьев в храм была главной целью экспедиции, царица хотела устроить для бога Амона «Пунт в Египте».

Под конец на корабли повели свору борзых собак, несколько мартышек и павианов. Последними взошли на корабли пунтийцы — мужчины, женщины и дети — их послал в подарок египетской царице пунтийский вождь.

Наконец погрузка закончилась, корабли отчалили и взяли курс на север. Они возвращались в Египет.

Прошло много дней, и наконец экспедиция была окончена. Товары, которые привезли египетской царице, никогда еще не получал ни один фараон.

В память об этом событии царица приказала украсить храм рельефами, где изобразили все путешествие в Пунт и иероглифами сделали надпись. В надписи подробно рассказали об экспедиции, в которой участвовало пять тридцативесельных кораблей.

О другой морской экспедиции египтян мы узнали из отчета жреца Ун-Амона, посланного в Финикию за кедровым лесом для

постройки храма. Этот текст написан на папирусе¹. Опасным было путешествие. По дороге в Финикию Ун-Амона ограбили пираты. Но он сам тоже напал на чужой корабль, чтобы возместить понесенные им убытки. А когда, наконец, он из Библа отправился домой, корабль ветром прибило к острову Ирса (Кипр), где Ун-Амона чуть не убили.

Конец папируса оборван, поэтому мы не знаем, как окончилось его путешествие. Вероятно, он все же благополучно возвратился домой, иначе не был бы написан этот отчет.

ФИНИКИЙСКИЕ КУПЦЫ — МОРЕХОДЫ

Ун-Амон и его матросы были египтянами. Но капитан корабля Мангабути — финикиец. И это не случайно. Лучшими мореходами древнего мира являлись финикийцы. Самые далекие путешествия в неведомые земли совершали финикийские купцы на легких многовесельных галерах. Они бороздили Средиземное море, выходили в океан за Гибралтарский пролив, добирались до берегов Балтийского моря, пересекали экватор, обходили весь Африканский континент. Рассказы об этих экспедициях сохранились в описаниях древнегреческих историков. Давайте познакомимся со страной, где жили финикийцы, и с их отважными путешественниками.

Почти к самому берегу Средиземного моря подходят отвесные скалы Ливанских гор. Лишь кое-где узкие полоски земли тянутся вдоль побережья. В третьем тысячелетии до н. э. здесь были основаны города. В их названиях отразились и месторасположение и основные занятия жителей.

Город Библ стоял на скале. По-финикийски Библ произносили Гебáл, что значит «гора».

На неприступной скале высился Тир, по-финикийски «скала», а у самого моря располагался Сидóн, что в переводе означает «место для рыбной ловли».

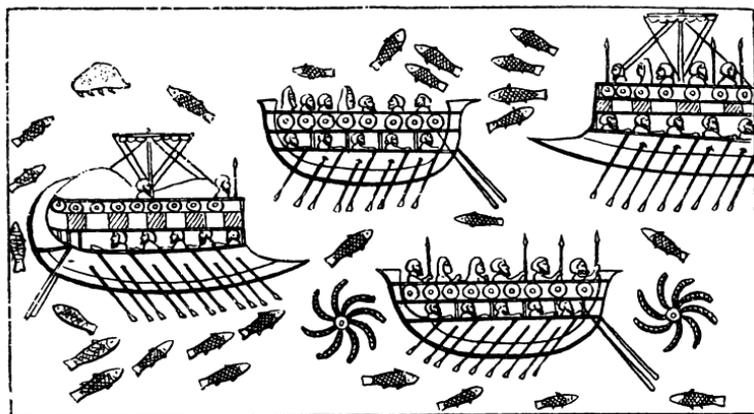
Жителей восточного Средиземноморья египтяне называли *фенеху*, а греки — *финикийцами*. На склонах гор разводили они оливковые рощи и обширные виноградники. Местные жители из оливок выжимали душистое, прозрачное масло, а из винограда приготавливали терпкое красное вино.

Масла и вина было так много, что финикийские купцы продавали их во все страны древнего мира. Купцы и были первыми мореходами древности.

Кроме вина и масла, финикийские купцы торговали рыбой, пурпурной краской, ее добывали из моллюсков, которых ловили у финикийских берегов. На весь мир славилась финикийские

---

¹ Папирус в настоящее время хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

Финикийские суда. Ассирийский рисунок.

стеклянные сосуды, в них хранили масло. На финикийских галерах возили пшеницу и олово, медь и железо, янтарь и ткани и много других товаров. Галеры заполнялись грузом, на веслах сидели прикованные к скамьям гребцы-рабы. Купец был капитаном корабля, помощники купца управляли судном и вели записи.

Был еще один особый товар, который продавали финикийские купцы. Это был живой товар — рабы. Финикийцы войн не вели, пленных у них не было. Но нередко во время войн между какими-нибудь государствами вслед за войсками шли финикийские купцы. После боя они тут же на поле брани скупали военнопленных, а потом возили их на продажу во все приморские города древнего мира. Во время своих морских путешествий финикийцы нередко занимались пиратством, грабили встречные суда, захватывали в плен людей. Если не удавалось захватить их силой, купцы старались хитростью заманить человека на свой корабль, а затем продавали его, как раба. Сам Одиссей едва не сделался жертвой финикийских мореходов. Вот как рассказывается об этом в «Одиссее»:

Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный,
 Злой кознодей, от которого много людей пострадало;
 Он, увлекательной речью меня оболотив, Финикию,
 Где и поместье и дом он имел, убедил посетить с ним...
 В Ливию с ним в корабле, облетателе моря,
 Меня он плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем;
 Сам же, напротив, меня, не товар наш продать там замыслил.

До нас дошли рассказы о морских путешествиях финикийцев. Познакомимся с тремя самыми известными из них.

В начале VI в. до н. э. египетский фараон Нехо собирался прорыть канал на Синайском полуострове, чтобы соединить Красное море со Средиземным. Он не успел до конца довести работы, и канал не был сделан. Однако путешествие, для которого был необходим этот канал, все же совершилось.

По приказу фараона на берегу Красного моря были построены суда и спущены на воду. Нехо не рискнул отправить в экспедицию египетских моряков, так как слишком трудным было путешествие по неизведанным морям, вокруг неведомой земли. Это он доверил опытным мореходам — финикийцам.

На легких галерах вышли путешественники в Красное море и двинулись на юг вдоль берегов Африки. Дорога до страны Пунт была хорошо известна, но дальше начинались неведомые земли. У тропиков их встретили страшные ливни. Дождь хлестал с такой силой, что невозможно было двигаться дальше, и суда должны были его переждать, укрывшись в небольших бухтах. А когда дожди кончились и корабли продвинулись далеко на юг, финикийцев поразило одно необыкновенное явление. Им показалось, что солнце взошло на западе, а не на востоке, в полдень оно высоко стояло на севере, а вечером на востоке зашло за горизонт.

Рассказы о таком чуде долго передавались из поколения в поколение. Услыхал об этом и греческий историк Геродот. Он не поверил рассказам и вот что написал в своей истории: «Рассказывали также, чему я не верю, а другой кто-нибудь, может быть, и поверит, что во время плавания кругом Ливии¹ финикийцы имели солнце с правой стороны»².

Для Геродота, так же как и для всех людей, которые никогда не пересекали экватор, этот рассказ казался фантастическим, невероятным. Но он доказывает, что финикийцы действительно обогнули Африку и пересекли экватор.

Путешествие продолжалось. Время от времени галеры приставали к берегу, люди высаживались, пахали землю и сеяли хлеб, оживали, пока он созреет, и снимали урожай. А затем, сделав запасы продовольствия, отправлялись в путь. На третий год финикийские мореходы через Столпы Мелькарта, или Геракла, как называли их греки (Гибралтарский пролив), вернулись в Средиземное море. О результате их экспедиции коротко говорит Геродот: «Ливия, оказывается, кругом омываема водою, за исключением той части, где она граничит с Азией» (т. е. Синайским полуостровом).

¹ Греки называли Африку Ливией.

² То есть они видели восход солнца на западе.

Далее он пишет: «Так Ливия стала известна впервые». И честь этого открытия принадлежит смелым финикийским мореплавателям, которые совершили две с половиной тысячи лет назад «кругосветное путешествие».

ПЛАВАНИЕ ГАННОНА В ЗАПАДНУЮ АФРИКУ

Город Карфаген был основан финикийцами в Северной Африке, на побережье Средиземного моря. Так же как и финикийские купцы, карфагеняне совершали далекие путешествия по морю. В VI в. до н. э. два отважных брата, Ганнон и Гимилькон, вышли за Столпы Мелькарта и пустились в океан, один на юг, вдоль Африки, другой на север, к берегам Балтики.

По возвращении в Карфаген Ганнон написал отчет о своем плавании, и мы из него знаем подробности о путешествии.

В экспедицию отправилось шестьдесят больших кораблей, на каждом за веслами сидели пятьдесят гребцов. На этих кораблях было 30 тысяч мужчин, женщин и детей. На первом корабле находился сам Ганнон, начальник экспедиции. Он вез этих людей для того, чтобы основать колонии в удобных местах на берегах Африки. Кроме того, Ганнону было поручено разведать, нет ли там таких городов, с которыми Карфаген может вести торговлю, и какие товары выгодно туда возить.

О плавании по Средиземному морю Ганнон не упоминает в своем отчете. Да это никого не интересовало. Ведь древние мореплаватели хорошо знали все побережье Южной Европы и Северной Африки, и ничего нового Ганнон не мог сообщить. Но за Столпами Мелькарта начинались неисследованные земли. Когда все корабли вышли в океан, Ганнон взял курс на юг, вдоль западного берега Африки. Через два дня мореходы нашли удобную бухту и высадили часть путешественников, которые должны были основать там поселение. Корабли пошли дальше.

С любопытством и удивлением смотрели путешественники на берега, покрытые дремучими, непроходимыми лесами, огромное озеро, заросшее высоким тростником, стада елонов и других зверей.

Уже несколько раз причаливали суда к берегу, высаживали новые партии поселенцев, и постепенно сокращалось число кораблей и путешественников. Наконец Ганнон и его спутники причалили к берегу там, где в океан впадает река Ликс. На ее берегах жили кочевники-скотоводы. На лугах, покрытых сочной травой, паслись их многочисленные стада. Несколько дней отдыхали карфагеняне на побережье у гостеприимных пастухов.

В глубь страны Ганнон не рискнул идти. По словам ликситов, там в горах живут воинственные племена. Они недружелюбно встречают чужеземцев. Ликситы называли их троглодитами и зверями, говорили, что они бегают быстрее лошадей. В лесах этих гор водилось много хищников.

Ганнон со своей экспедицией двинулся дальше на юг. Они снова высадили часть людей на остров и назвали это новое поселение Кёрна. А сами продолжали свой путь вдоль берегов Африки. Огромное озеро, вокруг которого теснились высокие горы и скалы, привлекло их внимание. Но Ганнон побоялся причалить к этому месту. На берегу появились дикие люди в звериных шкурах. Они стали засыпать камнями корабли Ганнона, и он поспешил поскорее уйти отсюда. А дальше опять пошли берега, покрытые лесами, соленые озера, острова.

Однажды ночью, причалив к берегу, сплошь покрытому деревьями, путники увидели необыкновенное зрелище. В глубине леса сверкали многочисленные огни, оттуда раздавались звуки флейт, кимвалов и тимпанов¹. Вдруг воздух огласился дикими криками и воплями, они заглушили музыку. Ганнон не стал дожидаться появления ревушей толпы. Он приказал поднять якоря и поскорее отчалить от этого места.

Дальше они проплыли мимо знойной страны. От деревьев шел одуряющий прекрасный запах, потоки огня спускались в море, и от страшного жара невозможно было подойти близко к берегу. Охваченные страхом, карфагеняне быстро ушли отсюда. Через четыре дня, ночью, они увидели огненную гору «Колесницу богов». Казалось, она своей вершиной касалась звезд. Вокруг горы бушевало пламя. Наконец корабли достигли залива Золотой Рог. Там был остров, населенный дикими людьми. Тела их были покрыты шерстью, как у зверей. Ликситы называли их гориллами. Ганнон приказал поймать несколько, чтобы привезти их домой. Но они убежали, цепляясь за скалы и кидая камни в людей. Трех все же удалось поймать. Они так кусались и царапались, что пришлось их убить. С них сняли шкуры и привезли в Карфаген. «Дальше же мы не поплыли, так как у нас не хватило припасов», — так кончается отчет Ганнона о его плавании.

Отчет Ганнона — самое древнее описание западного побережья Африки. Многие места так хорошо охарактеризованы, что современные географы смогли определить, как их теперь называют. Река Ликс — это Уэд-Дра, остров Керна — современный Гарнегт, гора «Колесница богов» — Лома. А «огненные потоки», по-видимому, пламя и зарево лесных и степных пожаров.

ПЛАВАНИЕ ГИМИЛЬКОНА

В то время, когда Ганнон совершал свое путешествие на юг в Атлантический океан, его брат Гимилькон вышел за Столпы Мелькарта и пошел на север. О его плавании в водах Бискайского залива и Балтийского моря известно мало. Сохранилась география в стихах римского поэта Рүфа Фёста Авиёна «Морские

¹ Кимвалы и тимпаны — музыкальные инструменты.

побережья». Из нее можно узнать, что Гимилькон четыре месяца добирался до «Оловянных островов» (Британские острова). Без попутного ветра в тихих прибрежных водах медленно шли суда на север. Мели и густые водоросли затрудняли ход кораблей, усталые гребцы с трудом налегали на весла. Когда же наконец они достигли «Оловянных островов», густой туман навис над кораблями. Небо было покрыто тучами, и даже наступление дня не разгоняло сумрака.

Путешествие Гимилькона открыло финикийцам путь для торговли оловом. До этого времени оловом торговали другие города, а в VI в. до н. э. доставку этого металла финикийские и карфагенские купцы захватили в свои руки. С севера, с берегов Балтийского моря, они привозили также прозрачный камень — янтарь.

ПИСЬМО, ЗАШИТОЕ В ЗАЙЦА

Жесток и суров был Астиаг — царь Мидии, покоритель Персии и многих соседних областей. Его ненавидели и собственные подданные, и жители покоренных стран. Но больше всех хотел освободиться от мидийского ига молодой правитель персидских племен — Кир из знатного рода Ахеменидов.

*

Поздний час ночи. Луна еще не взошла. Черный мрак залил дворец, улицы, весь город. Только время от времени с зубчатых крепостных стен глухо доносятся голоса перекликающихся часовых.

Но вот в одном из переулков в высокой каменной ограде отворилась калитка. Две темные фигуры, закутанные в плащи, выскользнули оттуда, дошли до перекрестка и повернули в разные стороны. Через некоторое время через калитку выскользнули еще две, нет, как будто уже три тени и исчезли в темноте. Гостей провожал хозяин дома — Гарпаг, один из самых доверенных царедворцев Астиага.

Заперев калитку, Гарпаг вернулся в комнату, слабо освещенную мерцающим светом трехрожкового бронзового светильника. Около низенького столика с резными ножками сидел на ковре задержавшийся посетитель.

— Ну вот, Маскám, — обратился к нему Гарпаг, — все разошлись, пора и нам на покой.

— Ты все же настаиваешь, чтобы я остался ночевать?

— Как хочешь, друг. Смотри, ведь тебе возвращаться во дворец. Идти через семь ворот, давать ответ семи стражникам — откуда идешь, почему запоздал. Как бы не заподозрили тебя, а вместе с тобой и всех нас.

— Ты прав, Гарпаг. Я лягу в соседней комнате. А ты? Тоже пойдешь отдыхать?

— Раньше напишу письмо Киру. На рассвете хочу отправить это письмо с гонцом.

— Как бы его не перехватили в пути. Знаешь, сколько стражи по всем дорогам до самой границы расставил царь! Найдут письмо — не миновать нам казни. Жесток и злопамятен Астиаг!

— Я это слишком хорошо знаю, — помрачнел Гарпаг. — Никогда не прощу ему убийства моего сына. И месть моя будет такой же страшной, как и моя ненависть.

-- Не ты один ненавидишь царя! -- возразил Маскам. — Им недовольны многие из знатных людей Мидии. Он творит суд и расправу. Он ищет славы и золота и вовсе не думает о благополучии своих подданных.

— Да, так не поступали ни его отец, ни его дед. — Гарпаг умолк. И после раздумья продолжал: — Кир молод и горяч. Мы поможем ему победить Астиага и стать царем; он будет у нас в руках.

— Рано еще говорить об этом, — заметил Маскам и вышел в соседнюю комнату.

Гарпаг сел писать письмо Киру.

«Боги хранят тебя, Кир, иначе ты не поднялся бы так высоко.

Я думаю, что ты хорошо знаешь, как ненавидят Астиага знатные люди в Мидии. Тебе также известно, что он казнил моего сына. Если ты доверишься мне, то будешь царем той земли, где теперь царствует Астиаг. Склони персов к восстанию и иди войной на Астиага.

Если Астиаг назначит меня полководцем, то будет все, как ты пожелаешь. Знатные люди Мидии перейдут на твою сторону. У нас уже все готово. А ты действуй без промедления».

Письмо окончено. Гарпаг подождал, пока высохла краска на тонком желтоватом листке пергамента, еще раз прочел написанное и пошел спать.

Едва забрезжил рассвет, в комнату к Гарпагу вошел слуга. В руках он держал убитого зайца. Слуга подошел к спящему, но не решился его будить: вчера долго горел светильник в комнате Гарпага — хозяин очень поздно лег. Жаль было прерывать его сон. Гарпаг и слуга — сын кормилицы — были молочными братьями. Гарпаг только ему, преданному человеку, мог поручить доставить письмо Киру.

Наконец слуга решился. Но не успел он дотронуться до плеча спящего, как Гарпаг открыл глаза.

— Пора, хозяин, вставай.

Гарпаг стряхнул остатки сна, потянулся на постели и быстро вскочил:

— Где заяц?

— Вот он...

— Дай нож.

Слуга протянул нож.

— Сам наточил вчера.

Гарпаг положил зайца на стол, осторожно, чтобы не повредить шкурку, сделал надрез, выпотрошил зайца и вложил в него письмо.

Слуга молча подал Гарпагу иглу с длинной крепкой ниткой. Гарпаг осторожно зашил разрез, стараясь сделать шов, как можно незаметнее.

— Готов! — сказал Гарпаг. — Теперь все зависит от тебя, — обратился он к слуге. — Оденься как охотник, возьми с собой лук и колчан со стрелами. А в сетку положи несколько убитых зайцев и засунь между ними этого, с зашитым письмом. Приедешь в Пасаргады, отдашь зайца самому Киру. Никому не доверяй!

— Все будет исполнено, господин, как ты говоришь.

— Будь осторожен. Помни, что по всем дорогам стоят дозоры, все пути охраняют стражники.

— Не беспокойся. Ты знаешь меня. Я пройду незаметно даже там, где зверь не пробежит и птица не пролетит.

Слуга отправился в Персию. Через несколько дней добрался он до Пасаргад. Большой двухэтажный дом Кира мало походил на дворец. Он напоминал дома, где жили его приближенные, только был немного просторнее.

Гонец прошел во двор. Он нашел Кира в саду. Несмотря на ранний час, Кир уже работал там, окапывал фруктовые деревья, обрезал сухие ветки. Это было его любимым занятием.

— Мой господин Гарпаг посылает тебе в подарок дичь, — обратился к Киру гонец, протягивая ему зайца.

— Зачем он мне? — удивился Кир. — Разве мало у нас искусных охотников?

— Этот заяц особенный. В нем драгоценная начинка. Вспори его, и ты увидишь нечто для тебя важное.

Все еще ничего не понимая, Кир взял зайца и удалился.

Послание пришло вовремя. Кир сам думал о том, что пора освободиться от власти мидийского царя. Знатные персы были недовольны Астиагом. Но этого было мало. Надо поднять народ на борьбу с мидянами. Теперь же, получив поддержку Гарпага, Кир решил готовиться к походу.

Он разослал гонцов во все концы Персии, чтобы созвать начальников всех отрядов на военный совет. В те времена у персов еще не было постоянного войска. Все мужчины, молодые и старые, способные носить оружие, считались воинами. По первому приказу каждый шел в свой отряд. Начальниками отрядов были знатные персы.

Собрали военный совет. Когда все заняли свои места, Кир вышел на середину и обратился с речью к присутствующим:

— До меня дошел слух, что мидийская знать недовольна Астиагом. Она готова выступить против него, но все войско в руках царя. Если мы начнем войну, недовольные перейдут на нашу сторону и помогут одержать победу. Итак, настало время действовать. Довольно терпеть нам власть Астиага! — закончил Кир свою речь.

Все молчали.

— Кто согласен со мной? — спросил Кир. — Решайте. Выступить надо сейчас или никогда.

— Нам также ненавистна власть мидян, как и тебе, — сказал, вставая, один из старейших военачальников. — Но что будет, если мидийская знать нас предаст? Ведь войско у них во много раз больше и сильнее, чем наше.

— Предательства не может быть, — возразил Кир. — У меня есть верные сведения, что мидяне окажут нам помощь.

Все участники военного совета согласились выступить против Астиага. Кир начал готовиться к войне. Он собрал воинов ополчения и выступил перед ними с речью:

— Пора нам освободиться от ига Астиага. Идемте за мной, и я избавлю вас от унижения и тяжелых работ. Сам бог Ахурамазда поставил меня вождем над вами. Он повелел мне совершить этот подвиг, избавить вас от власти мидян. Вы не менее искусны в военном деле, чем мидийские войска. Отвернитесь от Астиага и идите за мной. Я обещаю вам полную свободу от мидийского ига.

Толпа зашумела. Из общего гама иногда вырывались лишь отдельные возгласы:

— Долой Астиага! Довольно мидянам владеть нами! Хватит платить дань! Пойдем добывать свободу! Веди нас, Кир, мы идем за тобой!

И тогда снова выступил Кир и поднял руку. Шум стих.

— Идите по домам. Соберите оружие. Будьте готовы по первому зову явиться в свой отряд.

Толпа медленно расходилась. Кир удалился в свои покои. Там был собран военный совет. Надо было договориться обо всех приготовлениях к походу и точно установить день выступления. Это случилось раньше, чем Кир предполагал.

До Астиага дошли слухи о сборе ополчения, и ему стало ясно, что Кир готовится к восстанию. Астиаг не мог этого допустить и решил пресечь измену в самом начале. Он отправил в Персию гонца со строгим приказом Киру немедленно явиться во дворец в Экбатану, столицу Мидии.

Но Кир и не думал подчиниться. Он пренебрежительно принял посла, не пустил его дальше порога и велел передать Астиагу ответ:

— Скажи твоему повелителю, что я буду у него раньше, чем он сам того желает.

Вспыхнул от гнева Астиаг, когда посланный повторил ему слова Кира:

— Значит, Кир хочет воевать со мной! Тогда он сполна получит то, что заслужил. Он забыл, что наше войско больше персидского, лучше обучено и сильнее вооружено. Посмотрим еще, кто выйдет победителем!

И Астиаг отдал приказ готовиться к войне. Вскоре войска были

приведены в боевую готовность, и, не дожидаясь выступления персов, Астиаг двинулся на юг.

Одну ошибку совершил Астиаг, сам того не подозревая. Он не знал об измене Гарпага, доверял ему и поставил его во главе войска. Кроме того, многие заговорщики были предводителями отрядов. Они ждали только сигнала Гарпага, чтобы осуществить свои замыслы.

Гарпаг не спешил. Он боялся сразу перейти на сторону Кира, ведь мидяне могли не последовать за ним. Нужно было осторожно подготовить измену. И Гарпаг, выжидая, когда наступит удобный момент, держал в резерве те отряды, во главе которых были заговорщики, чтобы не ослабить их в боях.

Вначале мидяне одерживали победы, и войска Астиага вступили в Персию. В одном из боев они нанесли такой удар персам, что многие воины бросили оружие и побежали к городским стенам, чтобы укрыться за ними от преследующих их врагов. Тогда за ворота выбежали персидские женщины и преградили путь беглецам. Они осыпали их бранью, проклятиями, насмешками.

— С каких пор у мужчин заячьи сердца?

— Трусы, вам бы сидеть дома и качать младенцев, а не сражаться на поле брани!..

Многими обидными словами награждали они беглецов.

Вперед вышла одна высокая женщина:

— Опомнитесь, сыны Персии. Где ваше мужество, ваши клятвы?

Вывав меч из рук воина, она подняла его вверх и с криком устремилась вперед. Бегущие воины остановились в замешательстве. Но вот один повернул обратно, за ним другой, третий... Завязался жаркий рукопашный бой. И мидяне, не выдержав неожиданного натиска, отступили. На этот раз победа осталась за персами. Поражение ослабило мидийское войско, измотанное многочисленными битвами, длинными переходами по раскаленным пескам плоскогорья.

И вот теперь Гарпаг решил, что больше медлить нельзя — настало время переходить на сторону Кира. Он дал знать об этом всем участникам заговора, и несколько отрядов из резерва со свежими силами влились в персидское войско. Это решило исход войны. Войско Астиага было разбито, а вскоре и сам царь попал в плен. Персам удалось окружить его лагерь и захватить людей и богатую добычу.

После победы Кир провозгласил себя царем Мидии, Персии и занял престол Астиага. С этих пор персы владели Мидией и в государстве стало две столицы — Пасаргады на юге и Экбатана на севере.

После победы над Астиагом Кир стал называть себя «царь царей, царь великий». Он задумал покорить весь мир до самого «Великого моря Заката», как называли тогда Средиземное море, захватить богатое торговое царство Вавилонское и даже покорить далекий Египет в плодородной долине Нила. Вот тогда Кир сможет считать себя царем царей, царем всех стран.

К завоеваниям Кир приступил планомерно и осторожно. В течение многих лет он постепенно завоевывал города и страны, лежащие на северо-западе Персии. В 546 году до н. э. его войска осадили Сárды — столицу Лидии, самого богатого царства в Малой Азии. В кладовых лидийского царя Крэза хранились несметные сокровища. До сегодняшних дней существует крылатое выражение «богат, как Крез», — так говорят о человеке, когда хотят сказать, что он владеет огромным состоянием.

В Лидию и в многочисленные греческие города на побережье Эгейского моря в Малой Азии вели торговые пути из Вавилона. Киру важно было завладеть ими, чтобы закрыть вавилонским купцам доступ в эти города. И прежде всего на пути к ним лежала Лидия.

В 546 году до н. э. в долине на подступах к Сардам встретились войска Кира и Креза.

В то время в Азии не было народа сильнее и воинственнее лидян, прекрасных наездников, вооруженных длинными копьями. Увидев перед собой ряды лидян, построенных в боевом порядке, и могучую лидийскую конницу, Кир пришел в ужас. По совету одного военачальника он спешно перестроил ряды своего войска. Кир приказал снять всю поклажу с верблюдов, посадить на них всадников и построить этих всадников в первых рядах персидского войска. За ними следовала пехота, ряды замыкала конница.

Началась битва. Лошади, испуганные видом верблюдов, отпрянули и повернули назад. Вся надежда Креза на лучшую часть войска не оправдалась. Лидийская армия во главе с царем укрылась за стенами Сард. После долгой осады город пал.

Персы ворвались в столицу, жгли здания, грабили имущество. Крез был захвачен в плен. Долго глядел он на то, как персидские воины разоряют дома лидян. Затем обратился к Киру:

— Могу ли я, повелитель, сказать тебе то, что я думаю? Или я должен молчать?

— Говори, — разрешил Кир.

— Что делает толпа твоих воинов?

— Грабит твой город и расхищает твои сокровища!

На это Крез заметил:

— Не мой город и не мои сокровища грабят твои воины.

У меня больше нет ничего. Они расхищают твоё достояние.

Восхищенный мудростью Креза, Кир оставил его при себе и во всех делах спрашивал у него совета.

Вслед за Лидией Кир покорил города греков в Малой Азии. Царство Кира стало огромной державой, владения которой простирались от берегов Инда до Эгейского моря. Теперь Кир начал долгую подготовку к трудному походу на Вавилон.

Вавилон лежал на равнине в долине Евфрата, который делил город на две части. Открытый со всех сторон, он легко мог подвергнуться вторжению неприятеля. Еще мидийский царь Астиаг готовился к нападению на Вавилон. Поэтому царь вавилонский решил превратить свою столицу в неприступную крепость. Тысячи людей окапывали город глубокими рвами. Из вынудой глины тут же делали кирпичи и складывали стены, скрепляя кладку горячей асфальтовой смолой. Высота стен достигала уровня трехэтажных домов, а ширина — двенадцати метров. По стене могли свободно проехать несколько колесниц. Глубокие проемы, проложенные в толще могучих стен, закрывались на ночь прочными воротами из меди. Но нельзя было перегородить крепостной стеной реку, поэтому, дойдя до Евфрата, стены изгибались и шли вдоль берега.

«Стена эта,— пишет Геродот,— как панцирь, обнимает город. Другая стена тянется кругом внутри первой, она лишь немного слабее и уже ее».

Итак, две могучие стены, широкий ров, наполненный водой, и крепкие медные ворота превратили Вавилон в неприступную крепость. Но для еще более надежной защиты от нападения мидийских войск была построена стена (ее называли «Мидийской») на северных подступах к столице. Она шла от Евфрата до Тигра в окрестностях города Сиппáра, откуда до Вавилона вела широкая дорога.

Вавилонский царь и его сын с беспокойством следили за победами Кира, которому подчинялись города один за другим. Но они были уверены, что мощная крепость Вавилон будет надежной защитой от врага.

В 538 году до н. э. персидские войска под командованием Гóбрия, ближайшего друга Кира, подошли к стенам Вавилона. Надеясь на неприступные укрепления, царь и его придворные пировали во дворце. Но жрецы, ненавидевшие царя, и купцы, мечтавшие расширить торговлю при Кире, предательски открыли ворота персидским войскам. Только телохранители дворца оказали персам сопротивление. Но схватка была короткой, и царь сдался в плен.

С триумфом вошел Кир в столицу и в оза́меновании победы повелел составить надпись:

«Я — Кир, царь мира, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран... Когда я мирно вошел в Вавилон, при ликовании и веселии во дворце царей я занял царское жилище... Мои многочисленные войска мирно вступили в Вавилон... и жители Вавилона получили исполнение своих желаний...»

Завоевание второго великого царства — Египта Киру не удалось осуществить. В 529 году до н. э. Кир был убит в сражении с масагетами, вольными жителями прикаспийских степей, владения которых он хотел захватить. Через несколько лет после гибели Кира Египет был завоеван его сыном Камбизом.

МОГУЩЕСТВЕННАЯ ДЕРЖАВА ДАРИЯ

Древние греки рассказывали про персидского царя Дария, что он, сидя у себя во дворце в Сузах, ест свежую рыбу из Эгейского моря. Могло ли это быть? Ведь Сузы лежат в горах Загра, и до Эгейского моря от них более двух тысяч километров. Правда, от столицы во все концы государства были проложены великолепные дороги. Наиболее длинная из них соединяла Сузы с большим городом в Малой Азии — Сарды. Эту дорогу называли «царской». Она поражала благоустройством и длиной всех путешественников, когорые ездили по ней. Особенно восхищались ею чужеземцы. Вот как описывает «царскую» дорогу Геродот:

«Путь этот таков: на всем протяжении его существуют царские гостиницы с прекрасными жилыми помещениями. И проходит он от начала до конца в стране населенной и безопасной. По точному измерению, путь от Сард до царского дворца в Сузах содержит 13 500 стадий¹. Если на каждый день положить 150 стадий, то на весь путь потребуется девяносто дней».

По дорогам шли караваны, груженные различными товарами, отправлялись в чужеземные города богатые купцы, ездили чиновники и царские слуги, проходили войска. И всегда долго был их путь. «Девяносто дней — три месяца!» — говорил Геродот. Как же в таком случае могли привезти царю свежую рыбу?

Значит, греческие рассказы о свежей рыбе — выдумка, неправда? Но оказывается, что такие случаи происходили в действительности. Иногда бывало, что царские гонцы проделывали весь этот громадный путь за два-три дня.

Если нужно было отправить срочное распоряжение или послать царский указ, специальному гонцу давали пакет с этими документами. Он садился на коня и мчался два-три километра до места, где стоял первый пост, там всегда был наготове другой дежурный всадник. Гонец отдавал ему пакет, и всадник вихрем летел до следующего поста. По всей дороге, через два-три километра, были расставлены посты для передачи царской почты.

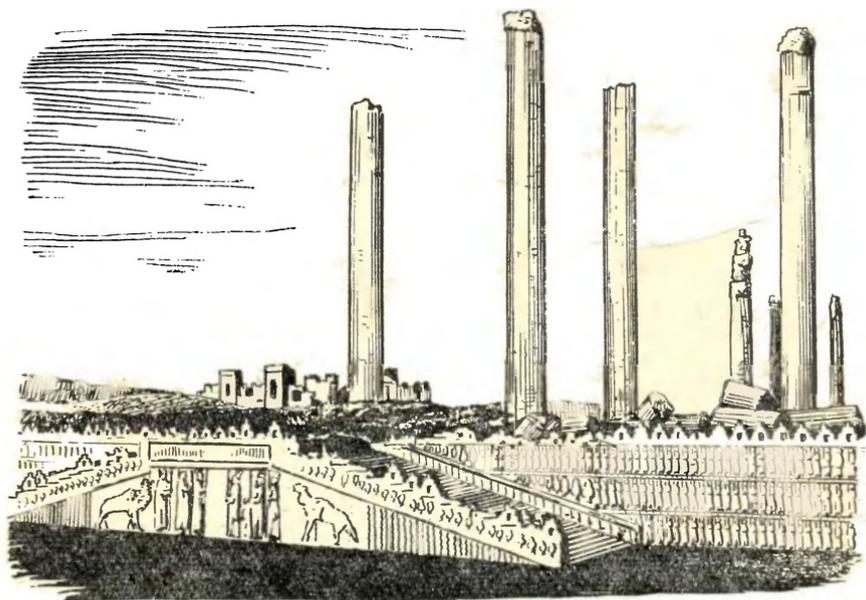
Таким образом в два-три дня в самые дальние города доставляли приказы и письма. Так же могли привозить царю и свежую рыбу из Эгейского моря.

Такие дороги были необходимы. Без них невозможно было быстро передавать царские приказы, нельзя было управлять ог-

¹ Стадий — греческая мера длины.

ромным Персидским государством, которому в VI в. до н. э. подчинялись Вавилония и Египет, Финикия и Палестина, Малая и Средняя Азия. Каспийское, Черное, Эгейское, Средиземное и Красное моря, Персидский залив и Индийский океан омывали Персию. А с запада на восток Персия простиралась от раскаленных песков пустыни Сахары до прозрачных вод реки Инда.

Со всех покоренных стран персидские цари собирали богатую дань. При царе Дарии I, правившем с 521 по 486 год до н. э., Персия стала могущественной державой. Все покоренные земли Дарий разделил на области — сатрапии, их было более двадцати. В каждой сидел правитель — сатрап, он смотрел за порядком, собирал подати и посылал их царю. В Персию потянулись караваны с данью, которую платили покоренные народы. Огромные богатства собрались в царских кладовых: слитки золота и серебра, драгоценные камни, пестрые узорные ткани, дорогая посуда, великолепное оружие — чего только не было в сокровищнице Дария. Но ему все было мало. Царь всех подозревал в измене и воровстве. Не раз то в одной, то в другой сатрапии вспыхивали восстания. Дарий боялся своих подданных, и у него всегда были наготове войска. Не доверял царь своим сатрапам, так как они могли перестать ему повиноваться, могли утаить часть дани. Поэтому Дарий тайно посылал во все концы государства верных ему людей. «Глаза и уши царя» — так называли их. Они приезжали в разные города, смотрели и слушали, действовали подкупом

Развалины дворца в Персеполе.

Вход в один из залов царского дворца.

и обманом, чтобы разузнать, что делается в сатрапии. Потом они возвращались в столицу и подробно сообщали обо всем, что видели и слышали. И по одному их доносу любого человека, даже самого сатрапа, могли схватить и бросить в тюрьму.

Так при помощи войска и доносов держал Дарий в повиновении все покоренные страны и собирал с них богатую дань. Только персы были освобождены от выплаты дани. Лишь тогда, когда царь со своей свитой переезжал из одного города в другой, персы должны были встречать царя с подарками и кормить всех, кто его сопровождал. А их было очень много — одних телохранителей у Дария было десять тысяч. Они назывались «бессмертными», так как число их никогда не изменялось. Как только кто-нибудь становился старым и больным или

умирал, на его место немедленно брали другого.

У Дария было несколько столиц. Часть года он проводил в Вавилоне; когда становилось жарко, уезжал в горы в Экбатану. Но дольше всего царь жил в Персеполе и в Сузах. Дарий так любил воду из источников Суз, что ее возили за ним повсюду, куда бы он ни отправлялся. Самые величественные и красивые дворцы были в этих двух столицах. И строили их все подданные Персидского государства, кроме самих персов. Вот как описывается строительство дворца Дария в большой надписи в Сузах. «Я — Дарий, царь великий, царь царей, царь стран, царь этой земли, сын Гистаспа, Ахеменид.

Это дворец, который я построил в Сузах. Украшения для него были доставлены издалека. Земля была вырыта в глубину, пока не достигли каменистого грунта. Когда место для фундамента было вырыто, то был насыпан гравий. На этом гравии я возвел дворец. Все работы по рытью земли, по засыпке гравия, по ломке кирпича выполнил народ вавилонский. Кедр был доставлен из горы, называемой Ливанской. Народ ассирийский доставил его до Вавилона. Из Вавилона киликийцы доставили его в Сузы. Золото, здесь употребленное, доставлялось из Сард и из Бактрии¹. Самоцветы, лазурит и сердолик доставлялись из Согдиа-

¹ Древняя Бактрия находилась на том месте, где сейчас Афганистан.

ны¹. Темно-синий самоцвет (бирюза?) доставляли из Хорезма². Серебро и бронза из Египта. Украшения, которыми расписана стена, доставлены из Ионии³. Слоновая кость доставлена из Эфиопии и Индии.

Рабочие, которые тесали камень, были ионийцы и мидяне. Золотых дел мастера, которые работали над золотом, были мидяне и египтяне. Люди, которые делали кирпич, были вавилоняне. Люди, которые украшали орнаментом стену, были мидяне и египтяне...

В Сузах великолепное здание я велел построить, и великолепным оно стало».

Кроме этой надписи, нам известны и другие памятники с текстами, сделанными во времена Дария. Самая большая и знаменитая — огромная плита на Бисутунской скале. В ней рассказывается о том, как Дарий подавил восстание, захватил власть и стал царем Персидского государства.

НАДПИСЬ НА БИСУТУНСКОЙ СКАЛЕ

ЧЕЛОВЕК НАД ПРОПАСТЬЮ

Вдоль высокой скалы раскачивается на веревках небольшой деревянный ящик, напоминающий грубо сколоченную клетку. В нем сидит худенький, смуглый мальчик. Веревки закреплены колышками, вбитыми в расщелины на вершине скалы. А внизу пропасть — глубокое узкое ущелье. Иногда веревка ослабевает — значит, выскочил один из колышков. Тогда мальчик карабкается вверх по уступам, вбивает колышки, снова спускается вниз в свою клетку и продолжает опасную работу. Одно неосторожное движение, и он может сорваться вниз...

Но что эта за скала и что делает мальчик на высоте более ста метров?

Скала называется Бисутунской. Она находится на оживленной проезжей дороге из города Керманшаха в Багдад. Там на головокружительной высоте в 522 году до н. э. персидский царь Дарий приказал прикрепить большие плиты с рельефами и клинописными надписями.

Самая большая фигура на рельефе — царь Дарий. Он изображен в длинной нарядной одежде. Его пышные волосы лежат на плечах, а вьющаяся борода спускается на грудь. Сзади царя стоят два человека — это оруженосцы. А перед царем люди в разнообразных одеждах, со связанными за спиной руками. Нетрудно догадаться, что это пленные, и судя по нарядным одея-

¹ Согдиана находилась на территории нынешнего Таджикистана.

² Хорезм находился на территории нынешнего Узбекистана.

³ Иония располагалась на западном побережье Малой Азии.

ниям, не простые войны, а знатные люди. Но кто они такие? Почему так отличаются друг от друга и по виду и по одежде? В честь какого события была сделана надпись на плите? Чтобы ответить на эти вопросы, надо было надпись прочесть.

Но в то время, когда мальчик, раскачиваясь на веревке, висел над пропастью и снимал копии с надписей на верхних плитах, еще не умели хорошо читать клинопись, не были окончательно изучены все клинописные знаки. Ученые не были уверены в том, что правильно читают эти письмена. Слишком короткие надписи были у них в руках. Мало было таких текстов, где встречаются имена и названия стран. А такие слова больше всего помогают ученым прочесть неизвестные письмена.

Дорога из Керманшаха в Багдад очень оживленная. С самых древних веков вплоть до настоящего времени по ней проходят и проезжают тысячи путешественников. Все видели огромную скалу, ее высокие острые зубцы на вершине; многие пристально вглядывались в рельефные фигуры и плиты, покрытые странным мелким узором. И никто не догадывался, что этот клинообразный узор — письмена.

Не раз проезжал по этой дороге и офицер английской разведки Гёнри Раулинсон. Он подумал о том, что на скале вырезана клинописная надпись. Раулинсон знал о трудах ученых, которые работали над чтением клинописи, сам не раз видел подобные тексты, поэтому и обратил внимание на надпись Бисутунской скалы.

«Какое здесь богатство знаков, слов и целых предложений, — подумал Раулинсон, — стоит только все это списать, и у меня в руках будет огромный материал. Я прочту клинопись!»

Рельеф и надпись на Бисутунской скале.

И Раулинсон решил во что бы то ни стало скопировать надпись.

Ловко цепляясь за уступы скал, Раулинсон поднялся до самого рельефа и, стоя на высоте ста метров, начал списывать знаки, высеченные на нижних плитах. Это было в 1835 г.

Пока работа шла вниз, она не представляла большой трудности. Но очень медленно подвигалась вперед. Служба отнимала у Раулинсона много времени. Нередко ему приходилось уезжать с секретными поручениями. Но как только удавалось выкроить несколько свободных часов, Раулинсон отправлялся к Бисутунской скале. Когда была списана та часть, которая находилась на уровне глаз, Раулинсон принес лестницу и поставил ее на узенький край выступа скалы. Стоя на ступеньках с блокнотом в одной руке, с карандашом в другой, он продолжал копировать. Только не оборачиваться, только не смотреть вниз, чтобы не zakружилась голова...

Шли годы. А работа все продолжалась. Но самое трудное ждало Раулинсона впереди. Одна часть надписи находилась над пропастью. Там негде было поставить лестницу. Тогда Раулинсон перекинул лестницу с одного уступа скалы на другой, как мостик над ущельем. Лестница упала ребром, так как только одна жердь поместилась на выступе скалы. Раскачиваясь на одной узкой перекладине, Раулинсон едва не сорвался. Но он не растерялся. Цепляясь за уступы, балансируя над бездной, он добрался до безопасного места.

«Вот когда мнегодились мои занятия спортом и гимнастикой», — подумал Раулинсон.

Через несколько дней на этом месте укрепили балку, и Раулинсон продолжал копировать, хотя и балка была ненадежной опорой. Наконец списано все, что можно было видеть, стоя на этой перекладине. Оставалась часть текста на самом верху.

Раулинсон не мог туда добраться. Что делать? Неужели он не сможет закончить работу? И Раулинсон нашел курдского¹ мальчика, который согласился ему помочь. Мальчик вскарабкался по уступам скалы на самый верх, вбил колышки, прикрепил к ним веревку с привязанным ящиком и, сидя в нем, закончил работу Раулинсона. Правда, он не умел списывать клинопись. Но у него был размоченный картон. Он прикладывал его к камню, и вырезанные знаки точно отпечатывались на мокром картоне. Потом картон высыхал, становился твердым, и с него можно было списывать знаки. Так через двенадцать лет после начала работы, в 1847 году, была списана вся Бисутунская надпись.

С тех пор прошло много лет. Давно ученые умеют читать клинопись, и надпись Дария уже прочтена и переведена.

Вот что в ней рассказано.

---

¹ *Курды* — иранская народность. Они живут в Иране, Ираке, Турции, СССР (Азербайджан, Армения).

«Я — Дарий, царь великий, царь царей в Персии, сын Гистаспа, внук Аршамы, Ахеменид. 23 области мне достались по воле бога Аурамáзды, они стали мне подвластны. Они принесли мне дань. Все, что я им приказывал ночью ли, днем ли, они исполняли. В этих областях каждого человека, который был дружественным, я удовлетворял. Того, кто был враждебен, я строго наказывал...

Камбиз, сын Кира из нашего рода, был здесь царем. У Камбиза был брат, по имени Бáрдия, от одной матери, от одного отца с Камбизом. Когда Камбиз убил Бардию, народ не знал, что Бардия убит. Между тем Камбиз отправился в Египет, народ возмутился, и было великое зло в стране...

Потом появился Гаумáта... Народ он так обманывал: «Я — Бардия, сын Кира, брат Камбиза». Тогда весь народ взбунтовался и перешел от Камбиза к нему. Вслед затем Камбиз умер своей смертью.

Царство, которое Гаумата отнял у Камбиза, всегда принадлежало нашему роду... Народ очень боялся, что он убьет многих, которые прежде знали Бардию, чтобы никто не узнал, что он (т. е. Гаумата), не Бардия, сын Кира.

Никто не осмеливался ничего сказать против Гауматы, пока я не пришел... Я с немногими людьми убил Гаумату в крепости...

Царство, которое было отнято у нашего рода, я вернул, восстановил его в прежнем виде. Я вернул народу его пастбища, имущество, жилища, которые Гаумата отнял...

Вот что я сделал, когда я стал царем».

Так начинается надпись на Бисутунской скале.

И дальше Дарий рассказывает, как он покорил 23 области, которые раньше были подвластны Персии. Когда-то их завоевал Кир, но во время правления Гауматы эти области перестали платить дань. И Дарию снова пришлось с ними воевать, чтобы подчинить их Персидскому царству.

В ознаменование победы над ними Дарий приказал сделать на плитах надпись о всех совершенных им делах и прикрепить эти плиты к Бисутунской скале, мимо которой проходит множество людей. Под надписью Дарий велел художникам-камнерезам изобразить его самого и царей покоренных им стран.

КАК ДАРИЙ СТАЛ ЦАРЕМ ПЕРСИИ

Кратко и скупо говорит Дарий в своей надписи о том, как он вернул роду Ахеменидов царскую власть. И если бы не было других источников, в которых рассказано об этих событиях, то мы очень мало знали бы о завоевании Египта Камбизом и борьбе Дария с Гауматой.

Об истории Персии этого периода писал греческий историк Геродот. Геродот объездил многие страны древнего Востока, посетил Египет, побывал в Малой Азии, Междуречье, в Персии. Обо всем, что он видел сам, слышал от людей, о чем собрал легенды и сказания, он написал в своих трудах. Первая часть книги Геродота называется «Клио» — это имя греки дали музе, покровительнице истории.

Как же узнать подробно историю борьбы Дария с Гауматой? Нужно внимательно изучить все, что писал Геродот, сравнить это с надписью на Бисутунской скале и дополнить теми сведениями, которые сохранились в египетских и вавилонских текстах.

Для начала попробуем узнать, в каком году происходили эти события. Ни сам Дарий, ни Геродот не говорят об этом. Из египетских памятников известно, что Камбиз отправился в поход на Египет в 526 году до н. э., а уже в 525 году до н. э. Египет был им завоеван. Бардию Камбиз приказал убить перед походом в Египет, значит, Бардия погиб в 526 году до н. э. Два года провел Камбиз в Египте, был в Нубии, собирался завоевать Карфаген. И как раз в это время, т. е. на третий год после покорения Египта, восстал Гаумата и захватил власть в Персии. Когда Камбизу стало известно об этом, он отменил поход на Карфаген и отправился в Персию, но по дороге внезапно умер.

В Бисутунской надписи указано число и месяц восстания — «14-й день месяца вияхна», т. е. марта, и, как мы уже знаем, 522 года до н. э. В апреле Гаумата объявил себя Бардией. А «в 10-й день месяца багаядит», т. е. в сентябре 522 года до н. э., Дарий сверг и убил Гаумату и его сторонников. Затем Дарий целый год воевал с царствами, которые перестали платить дань Персии. В 521 году до н. э. эти страны снова были покорены.

Итак, установлено, когда происходили эти события. Теперь попытаемся рассказать подробно по книге Геродота и по надписи Дария, как все это происходило.

Геродот рассказывает, что Камбиз был очень жестоким и вспыльчивым человеком. В гневе он был несдержан и иногда давал такие распоряжения, в которых потом раскаивался. Однако убийство Бардии он совершил обдуманно и хладнокровно.

По обычаю в Персии после смерти царя наследником трона мог быть любой человек из царского рода. В VI в. до н. э. правила государством цари из рода Ахеменидов. Камбиз и Бардия были братья, они оба происходили из одного рода, каждый из них имел право царствовать. Пока Камбиз находился в Персии, он не боялся Бардии. Камбиз был силен и жесток, его не любили, но боялись. Потом Камбиз пошел завоевывать Египет. Он понимал, что ему придется пробыть там несколько лет. За это время Бардия может захватить власть, стать царем Персии. Поэтому Камбиз решил убрать с дороги опасного соперника.

Дарий говорит об этом очень кратко: «Камбиз убил Бардию. Народ не знал, что Бардия убит».

Геродот описывает убийство подробно. Камбиз послал Бардию управлять далекой областью, на берегу моря. Туда был отправлен один из придворных царя — Прекаспес. Никто не знал в городе о его приезде. Прекаспес тайно вызвал Бардию и то ли убил его на охоте, то ли поехал с ним на лодке и утопил.

После этого Прекаспес доложил обо всем царю, и Камбиз спокойно оставался в Египте.

Но некоторые знали о смерти Бардии. Придворный Гаумата стал подстрекать народ к восстанию. Когда у него оказалось много сторонников, он объявил себя Бардией и сделался царем.

В Египет был послан гонец с известием о том, что Бардия теперь царь Персии. Вспыльчивый Камбиз прежде всего разгневался на Прекаспеса:

— Так-то ты исполнил мое поручение!

— Неправда, царь, что против тебя восстал Бардия. Я сам убил его. Нег больше Бардия. А в Персии сидит самозванец.

Камбиз срочно собрал свое войско и отправился в Сузы, чтобы воевать с самозванцем. Но по дороге Камбиз умер. Дарий говорит: «Камбиз умер своей смертью». Что это значит?

Геродот рассказывает, что однажды Камбиз вскочил на коня, но в это время сломался и упал наконецник его ножен. И обнаженный конец меча вонзился в Камбиза. Рана была смертельной, и Камбиз скончался.

В надписи Дария и в рассказе Геродота нет противоречий. И, вероятно, слова «своей смертью» означают, что Камбиза никто не убил, не было среди его придворных и воинов заговорщиков.

После смерти Камбиза самозванец как будто мог уже не бояться за свою судьбу. Но это оказалось не так.

Дарий знал, что очень многих людей, которые знали Бардию, Гаумата приказал убить. Те, кто остались в живых, ненавидели самозванца и боялись, что и с ними он расправится. Ненавидел Гаумату и народ. Самозванец отбирал у скотоводов пастбища, у земледельцев поля.

Дарий начал борьбу с Гауматой. Он собрал войско и двинулся к крепости, где сидел Гаумата со своими сторонниками. Осада длилась недолго. Войска Дария ворвались в крепость. Геродот рассказывает, что Дарий сам поразил Гаумату мечом. После победы над Гауматой Дарий стал царем Персии.

Как уже говорилось выше, во время восстания Гауматы и борьбы с ним от Персии отделились все провинции — Египет и Вавилон, Малая Азия и Палестина, Бактрия и Согдиана... Целый год воевал Дарий с этими странами и вновь подчинил их Персидскому царству. Об этом рассказывает Дарий в надписи, то же пишет и Геродот. Когда же наконец войны были окончены, границы Персидского царства достигли тех размеров, какие были у него при Кире и Камбизе, снова дань покоренных народов наполнила царскую казну.

МОХЕНДЖО-ДАРО — ХОЛМ МЕРТВЫХ

«ИЗвестия наши об Индии читатель должен принимать снисходительно, потому что это самая отдаленная страна. И только немногие люди посещали ее лично, другие, видевшие только некоторые ее части, говорят о ней по слуху...» — так начинается описание Индии древний географ Страбон, который жил в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э.

Сам он в Индии не бывал и свой труд по географии этой страны написал по сочинениям людей, посетивших ее и рассказавших о своих впечатлениях. Кроме того, Страбон пользовался подробными описаниями военных походов к берегам Инда и Ганга. Больше всего сведений дал о древней Индии грек Мегасфэн, бывший послом при дворе индийского царя в IV в. до н. э.

Мегасфена поразило великолепие индийской столицы. Это была настоящая крепость, со всех сторон ее окружал глубокий ров, наполненный водой. Стены — внизу земляные, а сверху деревянные — шли вокруг города, являясь надежной защитой от врагов. У ворот дежурили вооруженные стражники, и даже ночью, когда все ворота запирались, их не оставляли без присмотра. Таких ворот в город было шестьдесят четыре, а башен с бойницами — пятьсот семьдесят.

Столица утопала в садах. На самом высоком холме стоял царский дворец, деревянные стены которого украшала удивительно тонкая и причудливая резьба. Стройные деревянные колонны были покрыты сверкающей позолотой и серебряными украшениями. Дворец опоясывал громадный парк, террасами спускавшийся к водам Ганга. По дорожкам парка разгуливали ручные павлины.

Мегасфен несколько лет прожил в Индии. Он написал большую книгу об этой стране. Но рукопись пропала, и только из отрывков, которые приводят в своих трудах Страбон и другие древние географы, мы знаем о сочинении Мегасфена. Не всегда вер-

но то, что писал об Индии греческий посол. Мегасфен не знал языка страны, многого не понимал в обычаях чуждого ему народа, часто писал о том, чего не видел сам, а только слышал от других людей. И даже древние авторы сомневались в правдивости некоторых его рассказов. Один древний географ писал: «Народов же индийских, говорит Мегасфен, сто восемнадцать. Что народов индийских много, я и сам соглашаюсь с Мегасфеном, но не могу сообразить, как он мог узнать и указать это точно, посетив лишь малую часть земли индийцев, в то время как не у всех племен есть связь между собою».

Все эти сведения об Индии относятся к IV в. до н. э., когда греки впервые познакомились с этой страной после похода Александра Македонского. А история Индии очень древняя.

Около пяти тысяч лет назад на берегах Инда уже жили люди в больших городах. Долгое время не знали о существовании этих городов, не представляли себе историю народа, населявшего в такие отдаленные времена долину Инда. И только в 20-х гг XX в. археологи начали раскапывать холмы по берегам этой реки.

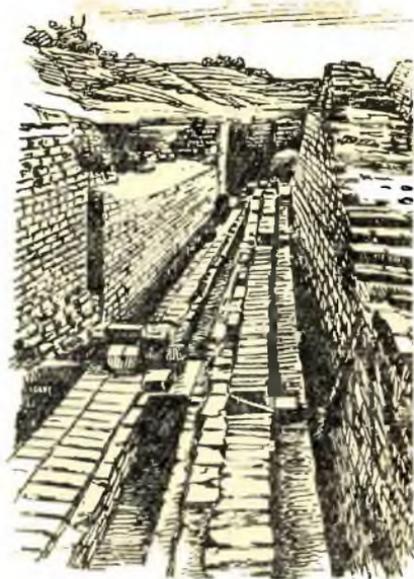
Мохэнджо-Дáро («Холм мертвых») назывался один из них. Когда убрали землю, нанесенную в течение веков, и расчистили площадь, перед учеными предстал большой город. Вокруг него шел крепостной вал, длинные широкие улицы пересекались под прямым углом, по сторонам стояли, вытянувшись в одну линию, кирпичные дома, многие из которых были в два этажа. Стены домов сохранились, и, судя по остаткам перекрытий, можно предположить, что крыши зданий были плоскими. На перекрестках углы домов немного закруглены, вероятно для удобства пешеходов и транспорта. Сбоку у дороги помещались глиняные трубы для стока грязной воды. Это самая древняя в мире канализация: ни в Египте, ни в Вавилоне, ни в какой-либо другой стране в это время ничего подобного не было.

Остатки домов сохранились, и можно хорошо представить жилища индийцев. В некоторых из них есть лестницы, ведущие на второй этаж, там много комнат. Во дворе — огороженный очаг. Здесь, по-видимому, располагалась кухня. Тут же попадают большие глиняные сосуды без дна, вкопанные в землю; вероятно, они служили для слива грязной воды.

Почти в каждом доме есть комнаты для омовения. Пол в них выложен кирпичом; он немного покатый для стока воды в отверстия водослива, соединяющегося с трубами канализации, проложенными на улице. В комнатах для омовения обнаружено много черепков от больших глиняных кувшинов, из которых купающиеся поливали себя водой. Среди обломков часто попадаются маленькие глиняные фигурки. Несомненно, это игрушки. Значит, и пять тысяч лет назад, как и теперь, ребята брали их с собой, когда шли купаться.

Улица в Мохенджо-Даро.

Канализация в Мохенджо-Даро.

В Мохенджо-Даро нашли много игрушек, большинство которых сделано из глины. Эти, на первый взгляд такие незначительные, вещи помогают подробнее узнать, как жили обитатели древних индийских городов. Например, среди игрушек нашли маленькую глиняную телегу с колесами. Больших, настоящих телег не сохранилось ни одной; они ведь были деревянными. Но благодаря игрушке можно представить, как выглядели настоящие повозки жителей Мохенджо-Даро. В телеги впрягали быков (фигурок этих домашних животных найдено очень много). Один бычок особенно интересен: у него качается головка, если потянуть привязанную к ней ниточку. Хороша и другая игрушка, напоминающая обезьянку с подвижными руками. Она, вероятно, могла двигаться вверх и вниз по веревке. Индийские ребята любили, вероятно, играть в торговлю на базаре — об этом можно догадаться по найденным игрушечным весам. Впрочем, большие настоящие весы и каменные гири различного веса найдены во многих местах. О том, что торговля в Мохенджо-Даро была развита, можно судить еще и потому, что там найдены остатки большого крытого рынка. В одном из северных кварталов помещались каравансарай для приезжих купцов и склады для их товаров. В нескольких зданиях на углах улиц обнаружены просторные помещения с углублениями в полу для кувшинов с жидкостями, зерном и разнообразными продуктами.

Статуэтка муж-
чины.

Обычно в домах для приезжих к небольшой кухне с очагом примыкало большое помещение — харчевня. Здесь, вероятно, собирались приезжие купцы и горожане, кто для заключения торговой сделки, а кто просто попить, поесть, послушать новости. Мохенджо-Даро являлся торговым городом, и в нем процветали различные ремесла. А так как товары отправляли главным образом по реке, то было развито и судостроение.

В Мохенджо-Даро раскопана уже большая часть города, расчищено много жилых домов. В одних домах, с многочисленными комнатами, жили богатые торговцы. В других, маленьких домиках, жили ремесленники; найдены и лачуги рабов, которых было там очень много.

Кто же были те люди, которые построили Мохенджо-Даро и другой такой же город — Харра́пу? На этот вопрос сейчас трудно ответить. Мы знаем о них только по тем вещам, которые найдены археологами. Письменные памятники тех времен не сохранились. Вероятно, индийцы писали на таком материале, как пальмовые листья, деревянные дощечки, а они истлели в земле. На берегах Инда не так сухо, как в Египте, где сохранились деревянные вещи, тонкие ткани, свитки папируса и даже засохшие цветы, положенные на саркофаг.

В Мохенджо-Даро и Харрапе нашли пластинки-амулеты с изображением животных и с надписями, но эти письма еще не разгаданы; их никто не умеет читать. Поэтому мы не можем сказать, как управлялись эти города, кто стоял у власти. Мы не знаем, почему в них замерла жизнь и куда ушли все горожане. Может быть, здесь во втором тысячелетии до н. э. произошло стихийное бедствие. А может быть, враги напали на эти города и жители в панике убежали, бросив все вещи. Многие, вероятно, не успели уйти. Об этом можно догадаться потому, что около входа в некоторые дома и на лестницах обнаружены скелеты людей. Очевидно, тот, кто не смог уйти, погиб.

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ ДРЕВНИЕ КНИГИ ИНДИИ

Во втором тысячелетии до н. э. в долину Инда вторглись племена кочевников ариев. Они двинулись на восток, заняли берега Ганга, расселились по всей территории Северной Индии до отрогов гор Виндхья.

Раскопки их древних поселений дают очень мало памятников, и мы не можем судить об их жизни так, как по находкам в Мохенджо-Даро и Харрапе. До нас дошли сказания и легенды, гимны и молитвы, песни и законы ариев. Все эти произведения очень

древние. Многие из них были созданы тогда, когда арии только пришли в долину Инда. Их заучивали на память, передавали из поколения в поколение, от отца к сыну. А когда у ариев появилась письменность, тогда легенды, сказания, гимны были записаны. Немногие люди умели писать, таким искусством владели в основном жрецы, поэтому они и записали все эти произведения. Но жрецы выбрасывали то, что им не нравилось, вставляли новые отрывки, изменяли текст. Несмотря на это, мы многое можем узнать из древних книг о жизни ариев во втором тысячелетии до н. э.

Амулет с письменами.

Самый древний литературный памятник — религиозный сборник под названием «Веды». В нем собрано несколько тысяч различных гимнов, многие из которых были созданы в начале второго тысячелетия до н. э. Сам же сборник составлен в XIII в. до н. э. Однако, несмотря на то что гимны посвящены различным богам, мы можем узнать из них и о жизни древних индийцев. Вот, например, отрывок из «Гимна ночи»:

Подходит ночь, глядит на нас
 Несметными зеницами,
 Надела бусы-жемчуги.
 Все та же ты, не в первый раз
 С полей зовешь работников,
 Как птицы в лес слетаются,
 Село гурьбой наполнилось.
 Бредут коровы, гуси тут,
 На скалах в гнездах беркуты.
 Волков от стад отваживай,
 Блуди нас от разбойников,
 Будь матерью колышущей.
 Нависла темень черная,
 Узоры блещут звездные,
 Приди, Заря желанная!
 Хвалебный гимн пропели мы.
 О, Дочь небес, прими его!

Древнему человеку казалось, что темная ночь наполнена всякими ужасами. Поэтому люди обращались к богине ночи и просили у нее защиты и от разбойников и от диких зверей. Но как живут эти люди, чем занимаются? Из гимна видно, что они земледельцы, которые поздно возвращаются с полей. Они разводят гусей, у них большие стада коров, и в гимне есть обращение к богине ночи с просьбой охранять стада от хищников — волков. Из гимнов ученые узнали, что у ариев уже появились богатые и бедные, что несколько племен объединялись в союзы, и ими управляли раджи. Между союзами племен постоянно вспыхивали

ожесточенные войны. Они происходили из-за земли, из-за добычи, главным образом скота, который был основным богатством ариев. В «Ведах» война называется *гавишти* (что в переводе с индийского означает «желание добыть коров»). Во время войны более сильные племена подчиняли своей власти слабых. О жестокой борьбе за власть, о кровопролитных битвах, в которых участвовали десятки племен, рассказывает индийский эпос «Махабхарата». В результате этих войн маленькие государства в Индии объединились, и на берегах Ганга и Инда образовалось несколько больших царств. О том, что это были за государства, можно узнать из древних индийских законов.

В Индии существовало предание, что первым человеком на земле был Ману, давший людям законы, по которым они должны были жить.

Из законов Ману видно, что у индийцев уже не было равенства. Индийцы верили, что древнеиндийский бог Брахма разделил людей на *касты*. Брахма сотворил людей из своего собственного тела. Из уст были созданы *брахманы* (жрецы), из рук — *кшатрии* (воины), из бедер — *вайшии* (земледельцы, ремесленники и торговцы), из ступней ног — *шудры* (рабы). Для каждой касты бог установил обязанности, которые они должны выполнять. Брахманы — самые мудрые и благочестивые — должны были служить богам и всех обучать; им был посвящен белый цвет. Кшатрии, сильные и смелые, воинственные и горячие (их цвет был красным), должны были всех охранять и защищать от врагов. Вайшии (им соответствовал желтый цвет) должны возделывать хлеб и пасти стада. Шудры должны были служить трем высшим кастам. Их цветом был черный. Шудры были рабами. Если купленного шудру хозяин отпускал на волю, он все равно считался рабом.

Все эти законы были придуманы самой высшей кастой — брахманами. В законах не раз говорится о том, что брахман стоит над всеми другими кастами и служить брахману — лучшее занятие для шудры. И если рядом стоят десятилетний брахман и столетний кшатрий, то они относятся один к другому как отец и сын, причем отцом считался брахман.

Каста кшатриев также имела большое значение. Ведь без воинов нельзя было защищаться от врагов и захватывать новые территории и добычу. Кшатрии помогали брахманам сохранять порядок в государстве и держать в повиновении вайшиев и шудр. Но сами кшатрии нередко враждовали с брахманами и боролись с ними за власть. И если побеждали брахманы, то царем становился один из их касты, а если сильнее оказывались кшатрии, то царем становился один из них. Но все равно, кто бы ни стоял у власти, царь всегда заботился о благополучии двух первых каст. Защищали законы и вайшиев, ведь без земледельцев и торговцев было трудно обойтись. Только шудры были совсем обездоленными, и все, что имел шудра, считалось собствен-

ностью его хозяина. За убийство кошки, лягушки, собаки, совы, вороны следует такое же наказание, как за убийство шудры.

Много говорится в законах о царской власти: «Когда не имеющие царя люди рассеялись по всем сторонам, бог создал царя для охраны всего этого мира». Законы учили, что царь создан из частиц главных богов, и поэтому он, подобно солнцу, жжет глаза и сердце, и никто на земле не может даже смотреть на него. И если бы царь не наказывал нарушителей законов, то все касты были бы разрушены, все законы были бы нарушены и в стране началось бы восстание. Легко догадаться, что виновными всегда оказывались вайшии и главным образом шудры. Ведь брахманы обучали законам, а кшатрии охраняли царя и порядок. Без этого царю не удалось бы брать налоги с населения и заставлять вайшиев и шудр работать на себя. «Как пиявка, теленок и пчела едят свою пищу мало-помалу, так мало-помалу должен царь собирать ежегодный налог». Его вносили натурой: мясом, медом, маслом, плодами, овощами, ремесленными изделиями. Взимались пошлины и с купцов. Ремесленников и шудр заставляли работать на царя один день в месяц. Их было очень много в стране, поэтому на царя каждый день работало большое количество бесплатных слуг и работников.

Так рассказывают законы Ману о том, как было устроено государство брахманов и кшатриев.

ЭПОС ДРЕВНЕЙ ИНДИИ — «МАХАБХАРАТА» И «РАМАЯНА»

Поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна» складывались на протяжении нескольких веков, в них вставляли новые эпизоды и легенды. В этих поэмах повествуется о ранней истории Индии, о завоеваниях и междоусобицах, о том, как люди научились побеждать диких зверей и подчинять стихию. «Рамаяна» и «Махабхарата» хорошо известны индийскому народу. В переводах с санскрита и в пересказах их знают и взрослые и дети.

«Махабхарата» и «Рамаяна» — такие же великие произведения народов древней Индии, как творение древних греков «Илиада» и «Одиссея».

«МАХАБХАРАТА»

(Легенда о войне потомков Бхараты)

Во втором тысячелетии до н. э. древние индийцы часто вели войны между собой, захватывали друг у друга земли, скот, богатую добычу. Иногда в эти войны втягивалось очень много народа, чуть ли не все племена принимали в них участие. В те времена еще не было письменности в Индии, поэтому память об

этих событиях сохранилась в легендах и поэмах, которые рассказывали певцы-сказители.

Приблизительно в IV—V в. до н. э. «Махабхарата» была записана древнеиндийскими письменами — санскритом. В сказаниях «Махабхараты» в легендарной форме говорится о войне за власть, которую вели между собой два царских рода.

В столице Хастинапур жил могущественный раджа Духшанта. Однажды раджа отправился на охоту. За кустом он увидел стройную антилопу. Духшанта натянул тетиву и готов был уже пустить в антилопу стрелу, но чуткое животное услышало шорох, встрепелось и бросилось в чащу.

Раджа погнался за ней. Увлеченный преследованием, он не заметил, как очутился в незнакомом лесу. Густой стеной стояли ветвистые деревья, воздух был напоен запахом удивительных цветов, сладкими голосами пели необыкновенные птицы.

На берегу ручья с чистой прохладной водой стояла хижина. В ней жил старик-отшельник со своей приемной дочерью Шакунталой. Духшанта увидел прекрасную девушку. Она была так хороша и так добра, что раджа полюбил ее и женился на ней. Прошло немного времени, и раджа стал собираться домой: его ждали важные дела в столице. Но сколько ни уговаривал раджа свою молодую жену поехать с ним, она не хотела оставлять приемного отца. Духшанта уехал один. На прощанье Шакунтала взяла с него слово, что если у нее родится сын, то раджа сделает его своим наследником.

Прошло некоторое время, и у Шакунталы родился сын. Его назвали Бхарата. Мальчик рос необыкновенно быстро. Он был наделен огромной силой, а его доблесть и отвага поражали всех, кто его видел. Когда Бхарате исполнилось шесть лет, мать отправилась с ним во дворец к Духшанте.

За это время раджа уже забыл Шакунталу и не хотел признать сына. Но когда чудесный голос с неба приказал Духшанте сделать Бхарату своим наследником, раджа вспомнил встречу в лесу и узнал свою жену.

После смерти отца Бхарата стал царем, и с тех пор в Хастинапуре правили раджи из рода Бхараты. Один из них, раджа Панду, был славным и могущественным царем, и все вожди племен признавали его власть. Но Панду умер очень молодым, после него остались пять малолетних сыновей. Управлять страной стал младший брат Панду, Дхритраштра; он воспитывал племянников вместе со своими сыновьями. Сыновей Панду называли по имени отца — Пандавы, а их двоюродных братьев — Кауравы (по имени одного из их предков).

Юношей обучали различным наукам, но больше всего — военному искусству. Они упражнялись в стрельбе из лука, в метании копья и в умении владеть мечом. Во всех играх и состязаниях Пандавы превосходили своих двоюродных братьев, и с тех пор началась вражда между Кауравами и Пандавами.

Когда юноши выросли и обучение их было закончено, устроили состязания. Юноши должны были показать свою силу и ловкость. Для этого в столице построили большую сцену, а вокруг возвели скамьи для зрителей.

Далеко разнеслась слава о выдающихся успехах царских сыновей, и много народа собралось посмотреть на военные игры царевичей. В стрельбе из лука и фехтовании, в управлении боевыми колесницами и борьбе палицами проявили отважные юноши свое мастерство и военную доблесть. И во всех состязаниях на первое место выходили Пандавы.

Через некоторое время царю пришлось решать, кого назначить наследником престола, своего старшего сына или старшего сына умершего брата. Все права на престол были у племянника, но если он станет царем, то после него будет править род Пандавов, а не Кауравов. Царю же хотелось передать царство своим сыновьям.

Тогда старший из Кауравов, Дурьйодхана, придумал коварный план, чтобы избавиться от соперников. Он убедил Пандавов посетить праздник в соседнем городе и даже велел там построить для них дом из сухих досок и тростника. Строителю дома Дурьйодхана дал тайный приказ поджечь новый дом. Ничего не подозревавшие Пандавы отправились на праздник. Однако их друзья узнали о злодейском замысле и успели вовремя предупредить о нем Пандавов. Под домом был вырыт подземный ход, и, когда после пира все гости удалились, Пандавы сами подожгли дом и ушли подземным ходом из города. Утром горожане нашли пепел на месте дома и решили, что сгорели и пять братьев. Дали знать об этом царю в Хастинапур. Кауравы обрадовались, что их план удался. Но они притворялись убитыми горем, оплакивали гибель своих родичей и велели совершить погребальные обряды.

А тем временем Пандавы ушли в лес и жили там, никому не открывая своих имен. Они не оставались долго на одном месте, а переходили из леса в селение, из селения в долину, из долины в горы. Много подвигов совершили Пандавы во время своих странствий, убивали диких хищников и злых чудовищ, избавляя людей от ужаса и несчастья.

Пришли они в город, жители которого страдали от жадного демона — ракшаса. Каждый день по очереди кто-нибудь должен был платить ему дань — повозку риса, двух буйволов и одного человека. Все это съедало страшное чудовище. Дошел черед и до хозяина, у которого жили Пандавы. И рис был у него, и буйволы, только не было денег, чтобы купить раба. Поэтому хозяин должен был послать на съедение ракшасу кого-нибудь из своих детей или отправиться самому.

Один из братьев пошел в лес к ракшасу и вступил с ним в бой. Сначала противники вырывали с корнем деревья и поражали ими друг друга. Когда не осталось деревьев, ракшас и юноша

начали рукопашный бой. Долго с переменным успехом длилась борьба, но вот отважный юноша поднял ракшаса и с силой ки-нул его на землю. Затем он коленом прижал его грудь, одной ру-кой схватил ракшаса за горло, другой за набедренный пояс и переломил чудовище пополам. Так избавил он жителей города от ужасного демона.

Однажды услышали Пандавы, что царь одного города хочет выдать замуж свою дочь, красавицу Драупади. Для этого он устраивает состязания юношей — победитель будет мужем ца-ревны.

Пришли братья Пандавы на этот праздник. Они оделись, как нищие странники, и поселились в доме бедного горшечника.

Состязания происходили на арене, вокруг нее выстроили дворцы для знатных гостей. Пятнадцать дней происходили раз-личные празднества, а на шестнадцатый день вышла из дворца сама Драупади в роскошном наряде, сияя, как солнечный день. Брат царевны объявил условия соревнований: кто хочет стать мужем Драупади, должен натянуть могучий лук, выпустить пять стрел и попасть ими в глаз золотой рыбке, перед которой вертит-ся колесо со спицами.

Много героев и могучих юношей приняли участие в этом сос-тязании, но никто из них не мог даже натянуть тетиву этого лука. Старший из Пандавов Юдхиштхира сумел натянуть лук, только у него был такой меткий глаз и твердая рука, что он смог попасть в цель. И Драупади стала его женой.

После этих состязаний все узнали, кто скрывался под одеж-дой нищих странников, а отец Драупади был очень рад, что его дочь вышла замуж за одного из братьев Пандавов. Он слышал много хорошего о храбрых и честных юношах. И с тех пор у Пан-давов появился могущественный и богатый защитник — отец Драупади.

Дошел слух до Хастинапура, что Пандавы породнились с ца-рем большой и сильной страны. Испугался раджа, не стоит ссо-риться теперь с племянниками. Созвал он совет из самых знатных людей, чтобы обсудить, как поступить с Пандавами. На совете решили выделить Пандавам половину царства. Восточная часть со столицей Хастинапур осталась Кауравам, а западную отдали Пандавам.

На правом берегу реки Джамны выстроили Пандавы столи-цу Индрапрахасту¹. Город обнесли высокой крепостной стеной, вокруг нее вырыли глубокий ров и наполнили его водой. Внутри города были широкие улицы, белые дома утопали в садах с пло-довыми деревьями и благоухающими цветами. Птицы оглашали сады своим дивным пением, а в голубых сверкающих озерах цвели лилии и лотосы. Ученые, ремесленники, купцы населяли столицу.

---

¹ По преданию, на этом месте теперь расположен город Дели.

Сами Пандавы жили в великолепном дворце. Стены и колонны здания были покрыты золотом. Украшенный различными драгоценностями, дворец сверкал, как жилище бога, и слава о нем гремела по всей земле.

Жгучая зависть не давали покоя Кауравам, а больше всех злился на Пандавов Дурьйодхана. Он не раз попадал впросак у них во дворце. Один раз он ступил на пол из прозрачного камня и поднял полы одежды, думая, что идет по воде, а в другой раз упал в пруд, приняв его за прозрачный пол. Как-то раз он ударился о прозрачную стену, а потом упал в проем, думая, что перед ним стеклянная дверь. Все смеялись над его неловкостью, а Дурьйодхана все больше раздражался и думал, как бы отомстить Пандавам.

Один царедворец Кауравов предложил хитрый план, чтобы поймать Пандавов в ловушку. Все знали, что Юдхиштхира азартно играет в кости, хотя и не очень искусен в этой игре. Было решено втянуть Юдхиштхиру в игру с Кауравами, причем за них будет играть царедворец, так как никто на земле не знает лучше его секрета этой игры.

Царю была не по душе нечестная затея, но очень уж ему хотелось порадовать сына. И вот наконец Юдхиштхиру пригласили в Хастинапур играть в кости. Ему показалось подозрительным это приглашение, но отказаться было неудобно, и он приехал к Кауравам. Игра происходила в огромном дворце, где было сто ворот и тысяча колонн. Все Кауравы, их многочисленные придворные и знатные люди собрались, чтобы наблюдать за игрой.

И вот игра началась. Хитрый царедворец не только хорошо играл в кости, но умел также искусно плутовать. Поэтому он выигрывал ставку за ставкой, а Юдхиштхира все больше и больше входил в азарт. Он проиграл уже все драгоценные камни, золото, колесницы, лошадей и слонов, но продолжал игру. Наконец Юдхиштхира проиграл все свое имущество, всю страну, у него уже больше ничего не оставалось, но игра продолжалась. Юдхиштхира не терял надежды отыграться. Одного за другим проиграл он своих четырех братьев и самого себя. Последней проиграл он Драупади.

Царство Пандавов перешло во владение Кауравов, а сами Пандавы стали их рабами. Все окружающие были в ужасе, но никто не смел ничего сказать злому и коварному Дурьйодхану, а сам он торжествовал победу. Громким голосом повелел он привести Драупади, чтобы объявить ей, что теперь она рабыня Кауравов. Никто не осмелился выполнить приказ царевича. Тогда один из его братьев притащил за волосы рыдающую женщину и кричал ей, смеясь: «Рабыня!»

Тут возмутились все придворные, и один из них сказал:

— Юдхиштхира проиграл жену после того, как стал рабом. У раба нет жены, нет имущества; он не имел права ее проигрывать, и Драупади не рабыня!

Дурьйодхана был неумолим. Драупади горько рыдала, и плач ее услышал царь. Он не хотел ссориться с отцом молодой женщины, приказал освободить ее и пообещал ей исполнить три желания.

Ее первым желанием было освободить ее мужа, вторым — освободить его братьев. От третьего желания Драупади гордо отказалась:

— Освобожденные от рабства Пандавы сами смогут своими достойными делами достигнуть благополучия!

Царь все же вернул племянникам их владения.

Но Дурьйодхана все не успокаивался. Он боялся, что Пандавы отомстят ему за издевательство над Драупади.

Через некоторое время он опять пригласил Юдхиштхиру играть в кости, и тот не мог отказаться, боясь прослыть малодушным.

На этот раз Дурьйодхана поставила такое условие — кто проиграет, уйдет со своими братьями в лес на двенадцать лет. После этого они могут жить один год в любом городе, но только так, чтобы их никто не знал.

Началась игра, и Юдхиштхира снова проиграл.

Сняли Пандавы свои роскошные одежды, надели оленьи шкуры и, закрыв от стыда лица, ушли в лес. Долго уговаривали они Драупади остаться в городе и ожидать братьев дома, пугали тем, что она не вынесет тяжелой жизни, полной лишений. Но Драупади твердила, что жена должна следовать за мужем и разделять его судьбу, как бы горька она ни была. И Драупади, верная жена, последовала за Пандавами в изгнание. Кауравы провожали их насмешками, а народ плачем и горестными восклицаниями.

Прошло долгих двенадцать лет. Скитаясь по лесам, Пандавы вели трудную жизнь, полную нужды и лишений. Не раз попадали они в тяжелое положение, встречали злых врагов, сражались с ними, но всегда выходили победителями. Не раз думал Юдхиштхира примириться со своей судьбой, отказаться от царства. Но его братьев не оставляла мысль о мщении, а больше всех настаивала на этом Драупади.

Наконец окончились годы изгнания и Пандавы пошли в город царя Вираты. Они явились во дворец и нанялись там слугами. Так прожили они целый год, исправно выполняли свои обязанности, и никто не узнал в них гордых и воинственных Пандавов.

Когда год уже был на исходе, на царство Вираты напало войско Кауравов. Пандавы не боялись больше, что их узнают, ведь срок изгнания истек. Они достали спрятанное оружие и приняли участие в битве. Кауравы были разгромлены и отступили. Они узнали своих двоюродных братьев.

Пандавы хорошо знали коварство Кауравов и не рассчитывали без борьбы вернуть свое царство. Поэтому они начали со-

бирать вокруг себя союзников и друзей и готовиться к войне. Не сидели сложа руки и Кауравы. Они тоже собирали силы. Ни одно царство, даже самое маленькое, не осталось в стороне, все племена огромного полуострова Индостан вышли на поле боя.

Семь армий, состоящих из отрядов колесниц, слонов, всадников и пехотинцев, было на стороне Пандавов. Одиннадцать таких же армий собрали Кауравы.

Армии стояли наготове, но Пандавы не теряли надежды на примирение. Они отправили посла в Хастинапур и потребовали вернуть им западное царство. Посол вернулся ни с чем. Не хотели отказаться и Пандавы от своих прав, и посол Кауравов тоже не добился примирения.

Ночью, накануне битвы, в обоих лагерях шли последние приготовления. А наутро началось кровопролитное сражение. Впереди неслись на боевых колесницах воины, тучи стрел летели в обе стороны, с криками бросались люди друг на друга и билась в смертельной схватке. Крики сражающихся, вопли раненых, рев слонов, ржание коней и лязг оружия потрясали небеса. Так продолжалось до вечера. Вечером враждующие армии отступили с поля боя на отдых.

На следующий день они вновь построились в боевом порядке и снова до ночи сражались.

Борьба продолжалась семнадцать дней. Кровь лилась на поле брани, не успевали уносить убитых и раненых, все новые и новые отряды вступали в бой.

Наступил восемнадцатый день, день последней, решающей схватки. Началось сражение, подобное битвам богов и демонов. От грохота дрожала земля. В одну кучу смешались слоны и кони, всадники и пехотинцы. Наконец дрогнули воины Кауравов и стали отступать. Войско Пандавов преследовало бегущих. Видя гибель своего войска, Дурьйодхана бежал с поля боя и спрятался в озере. Но Пандавы нашли его, и начался последний, страшный поединок между одним из братьев Пандавов и Дурьйодханой.

Палицы противников с силой ударялись друг о друга, искры летели от этих ударов, а звуки напоминали гром. Казалось, Дурьйодхана начинает одолевать Пандава, но тот метнул палицу в ногу врага, и он замертво упал на землю.

Поединок окончился. Вместе с ним окончилась война между Пандавами и Кауравами. Много воинов осталось на поле брани, лучшие люди погибли в этой братоубийственной войне. Дорогой ценой было куплено примирение двух враждующих родов.

Так рассказано в «Махабхарате» о древней войне за царскую власть.

Около четырех тысяч лет назад, когда весь полуостров Индостан был покрыт дремучими лесами, в долинах рек Инда и Ганга поселились люди. Трудной и суровой была жизнь первых обитателей Индии. Тяжело было обрабатывать землю, прокладывать дороги в непроходимых джунглях, осушать болота. Дикие звери нападали на селения. В период дождей реки выходили из берегов, водяные потоки нередко смывали целые селения и уничтожали посевы. Так в борьбе с природой проходила жизнь древних обитателей Индостана.

Прошло несколько тысячелетий, и люди покорили природу, превратили долины Инда и Ганга в цветущий край. Но память о тяжелой борьбе со стихиями и с хищниками сохранилась в легендах и преданиях. В них рассказывалось о доблестных героях, которые совершали подвиги для счастья всех людей. О них славали песни и поэмы, в которых прославляли доблесть и мужество, верность и благородство героев.

Песни «Рамаяны» сложил народ в те далекие времена, когда еще не умели писать. Из уст в уста, от деда к отцу, от отца к сыну, из поколения в поколение передавалась эта поэма. Старые певцы умирали, на смену им приходили новые, они повторяли старые песни, вплетая в них новые рассказы и легенды.

Так с течением веков увеличивалось число сказаний о Раме. А когда в Индии появилась письменность, ученые-мудрецы записали «Рамаяну».

В долине Ганга, на самом берегу, было расположено маленькое селение Айодха. Давно-давно, несколько тысяч лет назад, это была столица одного из государства Индии. Правители государства происходили из знатного рода, говорили, что их предком было само Солнце.

Одним из самых знаменитых и мудрых правителей государства был раджа Дашаратха. При нем Айодха превратилась в великолепный город. Роскошные дворцы, окруженные садами, украшали столицу. Город был обнесен высокой крепостной стеной, глубокий ров, доверху наполненный водой, огибал крепость, надежно защищавшую столицу от нападения врагов.

Мудрый раджа заботился о своих подданных, и все любили его. Одно только огорчало раджу — у него не было сыновей. Три жены были у раджи, но все три были бездетными.

Однажды раджа охотился в лесу. Он услышал, как за кустами плещется вода в ручье. Раджа подумал, что это слон пришел на водопой. Дашаратха натянул лук и выстрелил. Стрела попала в юношу, набиравшего воду в ручье, и смертельно ранила его. Раджа был в отчаянии, он невольно убил человека. Но юноше уже ничем нельзя было помочь.

— Прошу тебя, — сказал умирающий, — когда я умру, отнеси мое тело родителям. Там в лесу их хижина.

С этими словами он скончался.

Дашаратха разыскал в лесу хижину, где жили родители юноши. Это были слепые старики. Когда раджа внес в дом тело их убитого сына, они горько зарыдали. И в порыве страшного гнева отец проклял раджу:

— Как погибает мы от горя, убитые вестью о смерти сына, так умрешь и ты в тоске от разлуки с любимым наследником!

Опечаленный вернулся раджа в столицу. Но одна надежда была у него. Старик предсказал ему смерть в разлуке с любимым наследником. Не означает ли это, что у раджи родится сын?

И действительно, через некоторое время все три жены раджи родили сыновей. Сына старшей жены назвали Рама, второй — Лакшман, младшей — Бхарата. Раджа был счастлив. Дворец украсили цветами, вся страна ликовала, все подданные разделяли радость своего владыки.

Мальчики росли, окруженные заботой и любовью. Когда они подросли, их стали обучать наукам и военному искусству. Очень быстро они окончили учение, и никто не мог с ними состязаться ни в знаниях, ни в стрельбе из лука и метании копья. Братья были очень дружны и крепко любили друг друга. А Бхарата и Лакшман особенно чтили Раму и во всем повиновались ему, ведь Рама был старший.

Однажды к радже пришел из леса мудрец-отшельник. Он рассказал, что злые ракшасы мешают ему молиться и совершать жертвоприношения богам.

— Я могуч и силен, — сказал отшельник, — я сам мог бы одолеть ракшасов. Но они нападают на меня во время молитвы, а я не могу тогда осквернять себя борьбой с нечистыми демонами. Отпусти со мной твоих сыновей, только они могут победить ракшасов!

Не хотелось радже расставаться с сыновьями, но он не мог отказать мудрецу, и Рама с Лакшманом отправились в лес. По дороге мудрец научил юношей владеть волшебным оружием.

Когда путники подошли к жилищу мудреца, навстречу им вышло войско ракшасов. Два демона-вождя шли впереди. Рама натянул свой лук, и его меткие стрелы поразили сначала одного, а затем второго демона. Увидев, что вожди убиты, ракшасы обратились в бегство.

Братья долго преследовали злых ракшасов и многих истребили. С тех пор никто больше не тревожил мудреца. Пора было Раме и Лакшману возвращаться домой.

Но как раз в это время к мудрецу пришел гонец от раджи из другого царства, который приглашал на свадьбу своей дочери Ситы. В те времена в Индии так совершали свадебный обряд: приглашали юношей и устраивали между ними состязания, в которых испытывали мужество, ловкость и военное искусство. На

победителя невеста надевала гирлянду цветов, и они становились мужем и женой.

Мудрец вместе с Рамой и Лакшманом отправились к радже, юноши собирались принять участие в свадебных состязаниях.

На этот раз раджа предложил очень трудные испытания. Много сотен лет назад бог Шива подарил предку раджи большой лук. С тех пор он, как великое сокровище, хранился в доме раджи. Лук был так велик и тяжел, что никто не мог сдвинуть его с места.

Однажды Сита убирала в той комнате, где лежал лук; она легко подняла его, вытерла пыль и положила лук обратно. И тогда царь решил, что только тот юноша, который сможет поднять лук Шивы, станет мужем необыкновенной девушки Ситы.

С большим трудом целая толпа слуг принесла на площадь волшебный лук. Площадь была полна народа. Много людей пришли посмотреть на состязания отважных. А юноши стояли, ожидая начала.

Раджа встал и обратился к собравшимся:

— Богатыри Индии! Того, кто натянет тетиву, Сита наградит гирляндой победы!

Один за другим подходили статные сильные юноши, но никто не мог даже сдвинуть лук с места.

Тогда вышел Рама. В первый день приезда он случайно увидел Ситу, их глаза встретились, и Рама полюбил девушку. С тех пор Рама с нетерпением ожидал дня состязаний.

Высокий и стройный Рама вышел на площадь и направился к луку.

Потерпевшие поражение юноши громко смеялись над ним:

— Иди осторожно!

— Не ступай тяжело, земля качается.

— Пожалей древний лук, он может разлететься на куски.

Но Рама не обращал внимания на насмешки. Он подошел к луку, легко поднял его, натянул тетиву, и лук сломался пополам.

Раджа обнял счастливого юношу, а Сита надела ему на шею гирлянду победителя. В Айодху были посланы гонцы с радостным известием.

Через несколько дней Рама с женой Ситой и братом Лакшманом отправились домой. Их провожала целая свита слуг. Дорогие подарки дал раджа своей дочери: золотую и серебряную посуду, алмазы и самоцветы, слонов, покрытых дорогами попонами, и арабских скакунов.

Раджа Дашарахта состарился. Трудно стало ему управлять государством, все чаще и чаще звал он Раму и вместе с ним решал дела. Нередко Рама один принимал важные решения и самостоятельно управлял царством.

И вот однажды раджа объявил, что хочет уйти на покой и передать Рама всю власть в стране.

В столице начались приготовления к празднику коронации. Город украсили цветами, народ радовался, что раджей будет всеми любимый Рама. Лакшман вместе со всеми готовился к празднику. А Бхарата в это время был далеко, он гостил у родственников своей матери. Но и он должен был приехать в столицу и принять участие в общем торжестве.

Одна только рабыня младшей жены раджи завидовала счастью Рамы. Злыми речами убедила она мать Бхараты, что коронация Рамы сулит им беду.

— Недаром услали Бхарату из столицы, — говорила она своей госпоже. — Когда Рама сделается раджей, он прогонит Бхарату, а может быть, даже и убьет его и тебя вместе с ним!

Легковерная женщина прислушалась к словам рабыни, и беспокойство за судьбу сына овладело ею. Она пошла к радже и сказала ему:

— Помнишь, ты давно обещал мне исполнить два моих желания. Тогда их не было у меня. А теперь я пришла к тебе.

Раджа ответил, что он никогда не отказывается от своих слов и исполняет все, что обещал.

И тогда жена раджи сказала:

— Сделай Бхарату раджей, а Раму пошли в изгнание на 14 лет!

Долго уговаривал раджа свою жену отказаться от безумной и жестокой просьбы, но она настаивала на своем.

С грустью сообщил раджа Раме, что ему надо уйти в изгнание на 14 лет, а раджей будет Бхарата. Рама покорно подчинился воле отца. Печальны были его сборы. Но не один уходил Рама из дома. Сита, его верная подруга, не хотела оставлять мужа в беде:

— Цветы, которыми была усыпана дорога нашей жизни, — сказала она, — превратятся в колючки, если тебя не будет со мной! С тобой лес мне будет садом, а без тебя сад станет лесом!

И Лакшман, любящий брат, последовал в изгнание за Рамой и Ситой.

Обезумел раджа от горя. Он жестоко страдал от тоски по сыновьям и вскоре тяжело заболел. И тогда вспомнил раджа проклятие слепого старика. Как страдал отец по убитому сыну, так теперь умирал раджа в тоске по Раме.

Когда Бхарата, возвратился домой, он был поражен печальным видом столицы. Никто не встречал царевича, никто не вышел его приветствовать. Нежилой, запущенный вид был у дворца. Ни обычных цветов, ни украшений не было нигде, пусто было в саду, не слышно было веселых голосов. Тяжелое предчувствие ждало сердце Бхараты, когда он входил в дом. Печальные вести услышал он о смерти отца и об изгнании братьев Рамы и Лакшмана. И не обрадовало Бхарату сообщение о том, что теперь он будет раджей. А когда Бхарата узнал от матери, какой ценой досталась ему корона, он очень рассердился:

— Мать, из-за тебя я не могу смотреть людям в глаза. Теперь я понимаю, почему столица встретила меня неласково и все люди отвернулись от меня. Ведь даже привратники не пришли приветствовать меня, когда я входил во дворец!

Пошел Бхарата к матери Рамы.

Я пойду в лес и отыщу Раму, — сказал он. — Рама должен вернуться в Айодху и надеть корону раджи.

И Бхарата оправился разыскивать братьев.

Изгнанники были уже далеко в лесу. В том месте, где сливаются три реки, они переправились на другой берег, поднялись в горы и поселились в хижине, которую сами построили.

Однажды вечером сидели они у порога, любуясь красивым видом, который открывался с горы. Вершины холмов были окутаны пурпурной дымкой, а долина уже погрузилась в сумрак. Легкий ветер доносил запах цветов.

Вдруг вдали за клубилась пыль. Что это? Пастух со стадом? Или раджа со свитой?

Лакшман внимательно глядел вдаль. И наконец он увидел приближающееся войско во главе с Бхаратой.

— Что ему нужно? — вскричал Лакшман. — Он идет, чтобы убить тебя, Рама! — И Лакшман уже стал натягивать лук, чтобы поразить Бхарату меткой стрелой.

— Остановись, брат! — приказал Рама. — У Бхараты благородное сердце, он никогда не поднимет руку на меня!

Лакшман со стыдом опустил голову и бросил на землю свой лук.

Наконец Бхарата подошел к братьям и упал к ногам Рамы. Когда прошла радость встречи, Бхарата печально сообщил о смерти отца. Велика была скорбь Рамы, он не был с отцом в его последний час.

Бхарата стал умолять Раму вернуться в Айодху и править страной. Но сколько ни просил Бхарата, Рама наотрез отказался.

— Такова была воля отца, и я должен ее исполнить!

И тогда Бхарата сказал Раме:

— Отдай мне твои сандалии. Я положу их на трон в знак того, что ты истинный раджа. А когда ты через четырнадцать лет вернешься, ты сам станешь управлять, пока же я буду это делать вместо тебя!

Положил Бхарата сандалии Рамы на свою голову в знак того, что он подчиняется Раме, и направился обратно в Айодху.

А Рама с женой и братом решили уйти далеко в лес, чтобы никто их больше не смог там найти. Долго шли они по лесам и горам, пока добрались до долины одной реки на юге. Кристально чистая вода тихо струилась в мягких берегах. Долина была окружена холмами, покрытыми душистыми цветами, воздух был чист и прозрачен. По реке плавали лебеди, отражаясь в воде, как в зеркале, белые цапли и зеленые павлины паслись на лугах, резвые олени приходили на водопой.

В долине построили изгнанники хижину и счастливые зажили в этом прекрасном месте.

Так прошло несколько месяцев.

Однажды, когда Рама и Сита сидели под деревом, появилась уродливая женщина — ракшаска. Она увидела Раму, и ее поразила его красота.

— Наконец-то, — подумала ракшаска, — я встретила человека, который достоин стать моим мужем.

Ракшаска не знала, что она безобразна. Она никогда не видела своего отражения и считала себя необыкновенной красавицей.

— Откуда вы появились здесь? — спросила ракшаска Раму. — Я никогда не видела такого красавца!

— Мы из Айодхи. Наш отец был раджей. А теперь там правит мой брат.

— Я тоже знатного рода, — гордо ответила ракшаска. — Я живу здесь с двумя братьями, а мой старший брат — правитель острова Ланки¹. Мы подходим друг другу, — улыбнулась ракшаска, — и можем стать мужем и женой.

Рама усмехнулся и указал на Ситу:

— Это моя жена. Я люблю ее, и мне не нужна другая!

Ракшаска не унималась:

— Эту женщину можно убить, тогда никто нам не помешает пожениться!

Рама вежливо посоветовал ракшаске обратиться к его холостому брату Лакшману. Лакшман, улыбаясь, выслушал ракшаску и сказал, что еще не собирается жениться. Он посоветовал ей снова обратиться к Рама. Так повторилось несколько раз. Наконец, ракшаска поняла, что над ней смеются. В гневе стала она осыпать братьев страшной бранью. Наглость и грубость ракшаски вывели Лакшмана из терпения, и он обрезал ей нос и уши.

Изрыгая проклятия, ракшаска убежала домой и рассказала братьям об оскорблении, которое ей нанесли Рама и Лакшман. Братья-ракшасы пришли в неистовую ярость. Они собрали четырнадцать тысяч воинов-ракшасов и двинулись на изгнанников.

Рама и Лакшман спрятали Ситу в пещере, а сами приготовились к неравному бою. Тучи стрел метали ракшасы, но ни одна из них не попала в братьев. Стрелы же Рамы и Лакшмана летели одна за другой и убивали сотни врагов. Когда же все воины были убиты и остались только два вождя, братья вступили с ними в единоборство. Долго длился этот страшный поединок, пока, наконец, Рама и Лакшман не одолели обоих.

Увидев это, оскорбленная ракшаска отправилась на остров Ланку к своему старшему брату Равану, вождю всех ракшасов. Рассказала она ему обо всем, и, распаленный гневом, Раван решил отомстить за насмешки над сестрой и за убитых братьев.

---

¹ Цейлона.

Раван заколдовал оленя и послал его к хижине изгнанников. Рама и Лакшман хотели поймать его, но олень, убегая, увлек их далеко в чащу леса. В это время Раван похитил Ситу и унес ее в свой дворец на Ланку.

А Рама и Лакшман все продолжали преследовать оленя. В тот момент, когда они почти настигли его, олень вдруг исчез. Когда же братья вернулись домой и увидели опустевшую хижину, они поняли, что олень был заколдованный и что Ситу похитил злой ракшас, правитель Ланки. Рама и Лакшман отправились в дальний путь искать Ситу.

Сита находилась в роскошном дворце на Ланке, она тосковала по мужу, и великолепный замок был для нее суровой тюрьмой. Каждый день приходил к Сите Раван и требовал, чтобы она вышла за него замуж. Но Сита была верна любимому Раме и на все предложения Равана отвечала отказом. Тогда Раван выгнал Ситу из дома, поселил ее в саду под открытым небом и приставил к ней злых ракшасок. Они должны были мучить Ситу и уговорить ее признать Равана своим владыкой. Но Сита была так добра и кротка, так предана своему мужу, что злые ракшаски полюбили ее. Они прислуживали ей и, как могли, старались облегчить ее участь. И только когда приходил Раван, ракшаски для вида начинали бранить Ситу.

А Рама и Лакшман все шли через леса на юг по следам Ситы. Много разных приключений произошло с ними по дороге, много добрых дел и подвигов совершили они, много преданных друзей приобрели.

Верным другом стал им царь обезьяньего царства, которому

братья помогли вернуть царскую власть, но больше всех привязался к ним Х́ануман, брат обезьяньего царя.

Хануман тайком переплыл пролив, отделявший остров Ланку от материка, незаметно пробрался во дворец и влез на высокое дерево. Он увидел в саду Ситу и Равана, который требовал, чтобы она забыла Раму и вышла замуж за владыку ракшасов. Но Сита, как всегда, оставалась непреклонной.

Когда Сита осталась одна, Хануман бросил ей кольцо Рамы, чтобы Сита не испугалась, а знала, что это весть от мужа. Несказанно обрадовалась Сита

Рама.

Хануману, — у нее появилась надежда на освобождение. Когда Хануман собрался уходить, Сита отрезала прядь волос и попросила отдать ее Раме. Пусть любимый муж знает, что она жива и верна ему.

Вернулся Хануман к Раме, отдал ему прядь волос Ситы и рассказал, что бедная женщина томится в саду у Равана, стерегут ее злые слуги и только победа над ракшасами может освободить Ситу.

И тогда поднялся весь народ обезьяньего царства. Рама и Лакшман стали во главе огромного войска, а Хануман шел впереди и указывал путь. Рама со своим войском подошли к проливу. Ночью они построили мост. А рано утром все воины беспрепятственно прошли на остров Ланку.

Испугались ракшасы нашествия, страшна им была сила и доблесть Рамы и Лакшмана, и стали они умолять Равана добром отдать Ситу, не проливать кровь из-за женщины. Но разгневанный Раван был неумолим. Когда-то он принимал участие в состязании женихов Ситы и с тех пор ненавидел соперника — победителя Раму. «Теперь наступил час расплаты», — думал Раван.

И вот началась осада столицы. Не выдержали осажденные ракшасы, распахнули ворота и вышли в поле, чтобы сразиться с войском Рамы в открытом бою. Долго продолжалась битва. Стрелы и копья летели в обе стороны, падали сраженные воины, а битва все не прекращалась. Вот уже пал на поле брани брат Равана, силач. И тогда сам Раван вступил в бой. Началась страшная борьба не на жизнь, а на смерть. День и ночь продолжалась она, пока не встретились Рама и Раван лицом к лицу. Стрела Рамы вонзилась в грудь Равану. Струей потекла кровь из раны, но

Битва Рамы с Раваном.

Раван не сдавался. Слабеющей рукой он пытался натянуть лук, но вот новая стрела Рамы пронзила сердце Равана. Раван был убит, и его войско сдалось.

Радостные вошли Рама с Лакшманом в город, во дворце их встретила сияющая от счастья Сита. Наконец-то любящие супруги были опять вместе и спокойно могли вернуться домой. Одно только беспокоило Раму. Кончался срок его изгнания — прошло почти четырнадцать лет с тех пор, как они ушли из дому. И теперь Рама должен вернуться в Айодху день в день, час в час.

Прощаясь с братом, Бхарата поклялся, что, если изгнанники не вернутся вовремя, значит, они погибли, тогда и он, Бхарата, не будет жить и покончит с собой.

Путь до Айодхи был очень далек, и Рама боялся опоздать к сроку. Но верный друг, царь обезьян, и тут пришел на помощь: он дал Раме летающую колесницу и точно в назначенный день Рама, Сита и Лакшман вернулись в родную столицу.

Все жители Айодхи в цветах и праздничных одеждах с пением и музыкой встречали изгнанников. Небо сотрясало от радостных возгласов и рукоплесканий. Бхарата выбежал вперед и припал к ногам Рамы, почтив его, как старшего брата.

Рама стал раджей Айодхи. Народ любил его, и время его правления называли «рамрадж», что значит «царство Рамы».

*

Тысячелетия прошли с тех пор, как была создана поэма о Раме, но до сих пор в Индии устраивают праздник *рамлила*. Во время праздника славят подвиги Рамы, которые он совершал для счастья людей, и сжигают десятиголовое чучело Равана, сделанное из бамбука и бумаги.

И сейчас, через многие сотни лет, можно повторить слова легенды: «До тех пор, пока стоят горы и реки текут по земле, песнь о Раме будет звучать повсюду».

МИФЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Откуда появились Земля и Солнце? Кто создал человека, научил его сеять хлеб и разводить гусеницу шелкопряда? Как удалось покорить реки и заставить их служить людям?

Эти вопросы всегда интересовали людей. Но найти на них правильные ответы древние люди не умели. Они рассказывали фантастические истории о том, как боги и необыкновенной силы и ума люди создали мир. Так появились мифы и легенды о богах и героях.

Мифы древнего Китая были созданы в четвертом-третьем тысячелетии до н. э. Но записали их гораздо позже, в конце первого тысячелетия до н. э. До этого времени мифы и легенды люди хранили в памяти и передавали их из поколения в поколение. Их создавали разные племена, многие люди вносили в них дополнения, изменяли некоторые подробности рассказа. В таком измененном виде мифы и были записаны спустя много лет после их создания.

Люди знали, что добывать огонь, сеять хлеб, проводить каналы и строить дамбы их научили отцы, отцов учили деды, а тех учили их родители и т. д. Значит, все, что люди умеют и знают, пришло от предков. Предкам стали приписывать сверхъестественную силу, почитали их, как богов. В честь предков слагали гимны, в которых воспевали их мудрость и великие подвиги.

МИФ О ПАНЬГУ.

В одном мифе рассказывается, что сначала не было ни земли, ни людей, в мире царил хаос. Потом из хаоса появились Свет и Тьма, из них образовались Земля и Небо. Тогда же появился и первый человек. Его звали Паньгú. Он был так огромен, что за-

полнял собой весь мир. Жил Паньгу сотни лет. Когда же он умер, из его тела были сотворены люди и вся природа.

Дыхание Паньгу превратилось в ветер и облака. Голос его сделался громом. Глаза стали небесными светилами, правый глаз Луной, левый — Солнцем. Тело Паньгу стало почвой, а мускулы — ее верхним слоем. Из туловища, рук и ног образовались четыре стороны света и пять главных гор. Кровь Паньгу потекла по земле реками, пот его тела превратился в дождь, а волосы — в травы и деревья. Камни и металлы — это зубы и кости Паньгу, а жемчуг и другие драгоценные камни — его мозг. Люди могли произойти только от живых существ. Поэтому, рассказывается в мифе, людьми стали насекомые, которые ползали по телу Паньгу. Так, по представлению древних китайцев, произошел мир.

В другом мифе, который появился позже, иначе рассказывается о том, как были созданы люди.

МИФ О БОГИНЕ НЮЙВЕ

Весь людской род на земле был сотворен богиней Нюйвой. Из земли Нюйва вылепила человека и вдохнула в него жизнь. Так появились люди.

Трудна была жизнь первых людей. Их окружали враги. Страшным бедствием были наводнения, когда реки выходили из берегов и заливали поля и селения. В мифе рассказывается о том, как была побеждена водная стихия и как заставили ее служить людям.

Жил в Китае злой и честолюбивый человек по имени Гунгун. Не нравилось ему, что люди почитают богиню Нюйву. Взбунтовался он против нее и стал заливать водой ее владения. Собрала Нюйва войско и послала его усмирить Гунгуна. Напали воины на мятежника и смертельно ранили его. Закачался Гунгун и упал. Падая, он ударился головой о гору и так сильно толкнул ее, что обрушился столб, который держал небо. И небо упало вниз. Все смешалось на земле, нельзя было разобрать, где земля, где небо, где горы и реки.

Пришлось Нюйве взяться за работу и навести порядок. Поймала она черепаху-великана, отрубила ей ноги. Потом Нюйва подняла небо и вместо столба поставила ноги черепахи, чтобы они крепко держали небо. Но дыра от столба в небе осталась. Тогда Нюйва собрала много разноцветных камней и закрыла ими дыру. Но ведь камни могли рассыпаться. Поэтому Нюйва разожгла огромный костер, огонь поднялся до самого неба, камни расплавились и спаялись вместе так крепко, что их нельзя было оторвать друг от друга. Костер был так велик, что от него осталась целая гора пепла. Нюйва построила из него плотину, и наводнения стали после этого не опасны. Только после обвала неба некоторые реки изменили свое направление: все они потекли в одну сторону — на восток.

Так объясняли китайцы эту особенность своих рек. Много бедствий приносили разливы этих рек. Затем люди научились строить дамбы и плотины. Труд этот был так сложен и огромен, что впоследствии стали рассказывать легенду о богине Нюйве, которая будто бы устроила мир. Казалось невероятным, что люди могли выполнить такую гигантскую работу. Она была под силу только богам — так думали древние китайцы.

ХОУЦЗЫ — ЦАРЬ ПРОСА

Хоуцзы еще совсем маленьким научился сажать бобы. Подрос мальчик и стал сеять просо, пшеницу, растить тыкву и коноплю. Хоуцзы очень тщательно ухаживал за своими посевами. У него было много грядок с хорошо удобренной землей, туда он высаживал всходы растений, выпалывал сорные травы. И урожай он собирал большие, колосья были полны зерен, а овощи крупные и сочные. Этому научил Хоуцзы и свой народ, когда стал вождем племени. Поэтому и прозвали его «царь-просо».

Стало богатым и цветущим племя Хоуцзы. Враги не раз нападали на него, чтобы захватить добычу, разбойники грабили мирных людей. Особенно страшен был разбойник Чию. У него было человеческое тело, бычьи ноги, медная голова и железный лоб. Восемьдесят один брат был у Чию. Всех их вооружил Чию новым оружием — копьем, ножом и самострелом. Все вместе они разбойничали, обижая беззащитных жителей.

В это время вождем племени Хоуцзы был Хуанди. Он заставлял юношей заниматься военными упражнениями в то время, когда не было полевых работ, а затем пошел против разбойников. Победил их Хуанди, но Чию успел убежать и снова начал разбойничать. Тогда Хуанди вторично пошел против Чию.

Перед боем Чию начал колдовать. Он закрыл землю густым туманом, и воины Хуанди заблудились и не нашли дорогу.

Тогда Хуанди построил колесницу, на которой стояла деревянная фигура человека. Его рука всегда указывала на юг. С помощью колесницы воины Хуанди нашли в тумане верное направление и достигли Чию. Испугался разбойник и побежал к богам ветра и дождя. Попросил их Чию помочь ему одолеть войска Хуанди. Послали боги на землю ливни и ураганы, чтобы погубить Хуанди и его воинов. Но тут вмесалась богиня засухи. Она иссушила дождь, остановила ветры, войска Хуанди окружили разбойников, взяли в плен Чию и казнили его.

Жена Хуанди научила людей разводить гусеницы шелкопряда, прясть шелковые нити, ткать из них красивые тонкие ткани. Из шелковых тканей шили нарядные одежды, но носить их разрешалось не всем. Только знатные люди, приближенные вожда, могли надевать шелковые платья. Все остальные шили одежду из простых полотен.

Однажды случилось в Китае страшное бедствие. Река вышла из берегов, весь Китай был затоплен, и только холмы были видны из воды. В это время правил царь, дряхлый и старый. Ни он сам, ни его помощники не знали, как помочь беде. Прошло девять страшных лет, а вода все еще заливала страну, наводнение не спало.

И вот решили назначить начальником всех строительных работ человека, по имени Юй. Девять областей объехал Юй. По разным дорогам, по горам и болотам пробирался он. По дороге ехал на колеснице, по воде плыл на лодке, через болота шел на ходулях. Когда Юй взбирался на горы, он надевал башмаки с шипами на подошвах. А пробираясь через леса, вырубал деревья, охотился на лесных животных и учил людей, где и как можно добыть мясную пищу, где лучшие места для охоты.

Во всех девяти областях Юй изменил русла рек, и все они потекли в моря. А чтобы реки не выходили из берегов, Юй прорыл канавки и углубил каналы. Для самой большой реки Хуанхэ Юй прорубил гору, и река свободно направилась в море свое течение. До сих пор сохранилось название Драконовы ворота у одной стремнины. Рассказывали, будто бы каждая рыба, которая сумеет пройти через этот бурный поток на Хуанхэ, станет драконом. Страшен был дракон Хуай, погибли от его злодеяний многие жители. Юй не побоялся сразиться с ним. Победил Юй дракона, посадил его на цепь на самое дно реки, и не смогло больше это чудовище показываться из воды.

Много лет трудился Юй, не зная отдыха. Когда он женился, то только четыре дня провел дома. А потом снова принялся за работу. Если Юй случайно проходил мимо своего дома, то затыкал уши, чтобы не слышать, как плачет его маленький сын. Он думал, что не сможет удержаться и пойдет домой, а тогда произойдет задержка в работе, чего он боялся больше всего. Юй помнил, что весь народ живет в горах и терпит лишения. И когда он думал об этом, то забывал о своей семье.

Но вот наконец многолетний труд окончен. Непроходимые леса вырублены, реки вошли в свои берега, наполнили каналы и водоемы, земля освободилась от воды.

Спустились люди с гор, вернулись в свои дома и смогли вернуться за работу на полях.

Великий Юй — один из самых любимых героев древнего Китая. В легенде о его борьбе с водой, затопившей всю страну, отразилась многовековая, тяжелая борьба народа со стихийными бедствиями. Капризные реки Китая, особенно Хуанхэ, которая не раз меняла свое русло. Недаром в песнях ее называют «река, надрывающая сердца».

В легендах о героях, которые боролись со страшными силами природы, человек всегда выходил победителем.

Алексей Максимович Горький писал: «Чем древнее сказка и миф, тем с большей силой звучит в нем торжество людей над силами природы».

ОБУЧЕНИЕ ВОИНА

Один знатный юноша насмешливо вел беседу с искусным резчиком по дереву Лэцзы. Молодой вельможа говорил, что только знатные и богатые люди достойны быть правителями страны.

Резчик Лэцзы славился не только тем, что из его умелых рук выходили великолепные резные вещи. Он был знаменитым мудрецом и имел учеников, записывавших его речи, в которых говорилось о том, как надо править государством, как понимать и объяснять все, что происходит в мире. Лэцзы был философом. Вот что он ответил надменному юноше:

«Разве благородный муж не слышал, что в нашем царстве много умельцев? Есть мастера по глине и дереву, по металлу и коже. Есть певцы и музыканты, писцы и математики, прекрасные полководцы и военачальники. Среди этих людей есть много талантов. Но они не могут ни расставлять друг друга по местам, ни давать друг другу поручения. Те же, кто расставляет людей по местам, не имеют знаний. У тех, кто дает поручения, нет талантов. Так чем же тебе гордиться?»

В одной из книг речей Лэцзы рассказывается, как обучали юношей военному искусству: стрельбе из лука и управлению колесницей.

Лучшим стрелком считался тот, кто умел выпустить одну стрелу и тут же второй стрелой настигнуть первую. Когда юноша кончал учение, он должен был показать учителю свое мастерство.

Пришел Ле Юйкоу к своему учителю, чтобы показать, чему он научился. Поставил Ле Юйкоу на предплечье кубок с водой, натянул тетиву своего лука и начал стрелять. Пустил он одну стрелу, пока она летела, выпустил вторую, за ними третью. А рука была неподвижна, как у статуи, и ни одна капля воды не пролилась из кубка.

Сказал ему учитель: «Это мастерство при стрельбе, но не мастерство без стрельбы. А смог бы ты стрелять, если бы взшел со мной на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью?»

Пошли они на гору. Учитель встал на камень над пропастью так, что пятки были на камне, а пальцы в воздухе. Жестом позвал он ученика, но Ле Юйкоу испугался. Он был метким стрелком, но не научился еще быть бесстрашным.

Жил в старину замечательный стрелок Гань Ин. Был у Гань Ина ученик Стремительный Вэй. Превзошел он своего учителя в искусстве стрельбы.

Пришел однажды к Стремительному Вэю Цзи Чан, попросился к нему в ученики.

— Сначала научись не моргать,— сказал ему Стремительный Вэй. — А после этого можно будет поговорить о стрельбе.

Цзи Чан вернулся домой. Каждый день ложился он под ткацкий станок, когда на нем работала его жена. Глядел, как снует челнок, и старался при этом не моргать. Через два года он не моргал даже тогда, когда его кололи в уголок глаза кончиком шила.

Тогда Цзи Чан пошел к Стремительному Вэю и рассказал ему об этом.

Вэй ответил:

— Этого недостаточно. Научись смотреть, тогда будешь учиться стрелять. Научись так видеть малое, как будто оно большое, научись видеть туманное, как ясное. Вот тогда приходи ко мне.

Вскоре Цзи Чан настолько овладел искусством стрельбы, что во всей стране остался у него только один соперник — его учитель Стремительный Вэй. Задумал Цзи Чан убить своего учителя и вызвал его на поединок.

Встретились оба на пустыре и стали стрелять друг в друга. Стрелы их сталкивались в воздухе на половине дороги и падали. Когда у Стремительного Вэя кончились все стрелы, у Цзи Чана оставалась еще одна. Пустил он ее в Стремительного Вэя, а тот без промаха отразил стрелу колючкой кустарника.

Тогда оба поняли, что одинаково владеют искусством стрельбы. Отбросили они луки, поклонились друг другу, стали считать себя отцом и сыном.

Трудно было научиться стрельбе, высоко ценилось это искусство. Не легче была и наука управления колесницей. У Великого Боба, мастера водить колесницы, был ученик Цзао. Когда Цзао впервые пришел к своему учителю, то держался очень скромно, как того требовал обычай. Великий Боб целых три года ничего не объяснял ученику. Но Цзао все с большим почтением относился к учителю. И наконец Великий Боб сказал ему:

— В старинной песне поется... Сын мастера гнуть луки сначала должен плести корзины. Сын хорошего кузнеца сначала должен шить шубы. Если хочешь управлять колесницей, научись бегать. Сначала посмотри, как я бегаю. Станешь бегать, как я, сможешь взяться за шесть пар вожжей и управлять шестеркой коней.

Сделал Великий Боб дорогу, чтобы по ней бегать. Он вбил в землю столбы на расстоянии шага один от другого. Только одна нога могла поместиться на столбе. Сначала Великий Боб прошелся по столбам, а потом стал бегать туда и обратно и ни разу не поскользнулся и не упал.

Стал Цзао учиться ходить по столбам и бегать, как Великий Боб. За три дня он овладел этим искусством.

Битва на мосту.

— Как ты понятлив! И как быстро ты это усвоил! — сказал Великий Боб.

И после этого он рассказал ученику, как надо управлять колесницей:

— Когда ты ходил по столбам, ты научился владеть ногами. А управлял ими ты своим умом. Вот так должен поступать каждый, кто управляет колесницей. Держи в порядке вожжи там, где они соединяются с удилами. Когда ты их натягиваешь или ослабляешь, действуй в соответствии с углами губ твоих коней. Правильно соразмеряй в уме движение, а управляй им своими руками. Тогда-то ты сможешь посылать коней вперед или отводить назад, прямо, как по натянутому шнуру. Ты сумеешь делать повороты точно по углу меру и кружиться по циркулю. И силы твоих коней хватит на самый дальний путь. Вот тогда это будет настоящее овладение мастерством. Помни: овладев мастерством управления удилами, приведи в соответствие поводья. Овладев мастерством в поводьях, ты овладел мастерством управления колесницей.

ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ СЕНА

В одной древней легенде рассказывается о царе Ю Ване, который правил в VIII в. до н. э. Царь мало занимался государственными делами. Он устраивал во дворце праздники, с утра до ночи веселился со своими придворными.

Однажды захотелось Ю Вану развлечь свою любимую жену Бао Сы и удивить всех придворных. Он приказал зажечь сигнальные костры на всех сторожевых постах у границы. Так предупреждали в Китае о нападении врагов. И тогда правители областей со своими войсками являлись на помощь царю. И в этот раз правители областей явились на зов Ю Вана. Но все

очень р̀ассердились, когда узнали, что это шутка. Разгневанные и недовольные удалились к себе домой военачальники вместе со своими отрядами. Зато Бао Сы много смеялась и была довольна.

Через некоторое время враги действительно напали на Китай, и снова были зажжены сигнальные огни. Но теперь уже никто не поверил Ю Вану и не явился к нему на помощь. Пришлось Ю Вану одному отражать нападение. Он потерпел поражение, город был разгромлен.

У многих народов есть легенды, похожие на эту. В ней, видимо, отражаются действительные события.

В те времена Китай не был единым государством, там было несколько отдельных княжеств. Между ними происходили частые войны, а с севера постоянно нападали кочевники. Когда угрожала опасность, пограничные сторожа поднимали тревогу — зажигали сигнальные костры, и пламя их было видно далеко.

Впоследствии, в IV в. до н. э., каждый правитель стал возводить высокую стену у своих границ. Но это мало помогало в борьбе с кочевниками. Стены стояли далеко друг от друга, между ними было огромное пространство. И орды кочевников вторгались в пределы Китая.

В конце III в. до н. э. разрозненные княжества объединил под своей властью император из династии Цинь. Он назвал себя Цинь Ши-хуанди, что значит «первый циньский государь». Цинь Ши-хуанди заменил тяжелые, неповоротливые отряды колесниц легкой, подвижной конницей и прогнал кочевников далеко от границы. Чтобы соединить между собой крепости, возведенные раньше правителями маленьких княжеств, царь решил построить стену вдоль всей границы. Эта стена должна была стать надежной защитой от внезапных набегов. Одновременно она делала безопасными караванные пути, по которым из Китая возили товары в другие страны.

Император поручил полководцу Мэн Тяню начать постройку стены и приказал ему набрать триста тысяч человек для этой работы.

Повиновался приказу Мэн Тянь, и в короткий срок на строительство было собрано триста тысяч человек. Здесь были рабы, захваченные во время войн, преступники, взятые из тюрем. И все же людей не хватало. Тогда из селений и городов собрали земледельцев и ремесленников, и всю эту огромную массу людей надсмотрщики погнали на границу строить крепостную стену.

Началась долгая тяжелая работа. Тысячи землекопов рыли траншеи для фундамента в твердой каменистой почве. Каменщики складывали фундамент из больших гранитных глыб. Их тяжелым трудом добывали в каменоломнях рабочие.

Миллионы кубометров земли выкопали землекопы, сотни тысяч тонн камня и кирпичей из лёсса подняли строители вверх

на гору, где клали стену. И все это делали простыми орудиями труда.

Зимой, когда наступали холода, строили ледяную дорогу и по ней втаскивали наверх тяжелые каменные глыбы. А по узким горным тропам, где не мог пройти человек, посылали горных козлов. К их рогам привязывали кирпичи и небольшие камни.

Так работали днем и ночью люди, согнанные со всего Китая на его северные границы.

Многие умирали от непосильного труда и недоедания. Их закапывали тут же, около стены. На место погибших приводили новых рабочих. В старых китайских книгах сказано, что в то время из десяти человек каждые три строили стену.

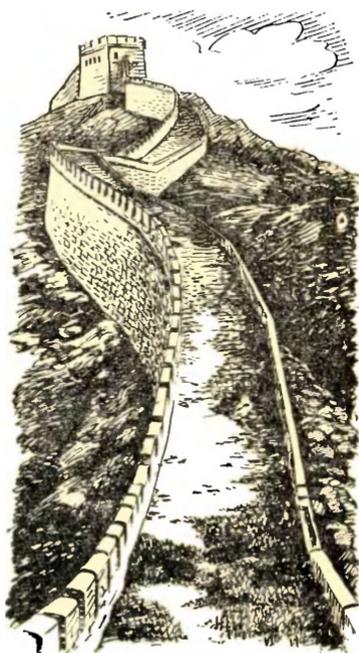
Стену строили очень долго. После смерти Цинь Ши-хуанди ее продолжали достраивать, укреплять, ремонтировать еще полторы тысячи лет.

Ванличанчэн — называют ее китайцы. Это значит «стена десяти тысяч ли»¹. Ее длина приблизительно от четырех до пяти тысяч километров. Высота стены почти шесть с половиной метров, а в некоторых местах доходит до десяти. Ширина ее шесть с половиной метров, по ней может проехать колесница, запряженная парой лошадей.

Через каждые сто — сто двадцать метров были воздвигнуты сторожевые башни. Там круглые сулки стояли дозорные, сторожили границу. В случае тревоги они зажигали сигнальные костры. Всего было шестьдесят тысяч таких башен².

У некоторых горных проходов были сделаны ворота, и на перекрестке дорог были выстроены небольшие города-крепости. В них стояли гарнизоны, которые несли сторожевую службу.

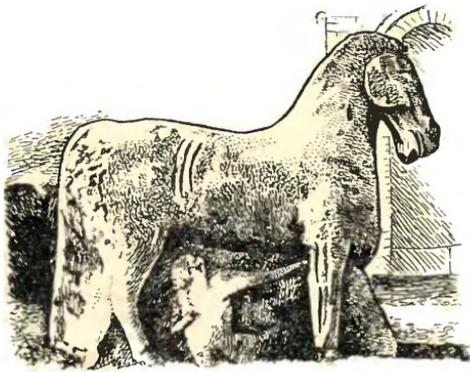
Навсегда осталась в народе память о тяжелом труде на строительстве стены, о жизни, полной лишений. В одной легенде рассказывается, что молодая женщина десять лет ждала возвращения мужа, которого отправили строить стену. Так и не дождалась она мужа и пошла его

¹ Ли — мера длины.

² Сейчас из них сохранилось только двадцать тысяч.

Великая китайская стена.

Древняя китайская статуя коня.

Древняя китайская статуя коня. Легенды о том, что сверхъестественные силы помогли создать Ванличанчэн.

искать. Дошла она до самой стены, нашла то место, которое он строил, и стала спрашивать товарищей, где ее муж. Долго молчали рабочие, не хотелось им огорчать молодую женщину. В конце концов пришлось сказать правду. Умер ее муж, надорвавшись на непосильной работе.

Людям, смотревшим на эту стену, казалось невероятным, что ее могли построить люди. В народе рассказывали легенды о том, что сверхъестественные силы помогли создать Ванличанчэн.

*

Был у Цинь Ши-хуанди конь. Не простой он был, волшебный. Глаза его были из огня, тело его было из облака. Поднимался конь на гору к стене, и, где он топал ногой, там вырастала башня.

Тяжело было работать землекопам в каменоломнях. Совсем обессилели они и не могли выполнять за день то, что приказывал им начальник. Жестоко наказывали землекопов за это.

Сжалился над ними бог. Кинул он землекопам волшебный талисман, и появилась у них необыкновенная сила. Стали они выполнять работу больше того, что им полагалось. Узнал об этом Цинь Ши-хуанди и захотел достать этот талисман. Хитростью удалось ему достать его у рабочих. При помощи талисмана царь сделал всех рабочих силачами. Они-то и выстроили стену десяти тысяч ли.

ПУТЬ ШЕЛКА

Крепостная стена защищала границу Китая от набегов гуннов. Но все же столкновения с ними продолжались. Трудно было противостоять налетам быстрой и подвижной конницы кочевников.

Давно уже император Цинь Ши-хуанди реорганизовал китайское войско, наряду с тяжелыми полками боевых колесниц создал отряды всадников. Однако конница гуннов превосходила китайскую.

И тогда при дворе стали думать, как найти союзников для борьбы с гуннами. Среди начальников царской стражи был отважный и предприимчивый Чжан Цянь. Он часто беседовал с пленными гуннами и узнал от них о том, что гунны разгромили пле-

мя Юэчжи и жестоко расправились с их вождем. Чжан Цянь решил, что лучших союзников, чем обиженные гуннами Юэчжи, не найти. Несомненно, они жаждут отомстить за свое поражение. Чжан Цянь доложил об этом императору, и было решено отправить к Юэчжи посольство, возглавляемое Чжан Цянем.

Во II веке до н. э. сто человек под руководством Чжан Цяня отправилось в далекий путь в страну племени Юэчжи. Их было не так легко найти, ведь это племя вело кочевой образ жизни и не оставалось долго на одном месте.

Только через несколько лет вернулся Чжан Цянь на родину. Все его спутники погибли, уцелел лишь он сам и его раб. Много горьких испытаний выпало на долю Чжан Цяня. Он попал в плен к гуннам, десять лет прожил там, пока не удалось ему убежать.

И все же Чжан Цянь достиг намеченной цели. Он побывал во многих странах и наконец добрался до Юэчжи. И хотя Чжан Цянь не смог договориться с ними о союзе против гуннов, его путешествие имело большое значение для Китая. Он был первым человеком, который побывал в Средней Азии, познакомился с жившими там народами и завязал с ними мирные отношения.

Чжан Цянь увидел, что китайские изделия обходными путями попадают в Среднюю Азию. Не лучше ли установить самим торговые связи и с выгодой продавать свои товары? Так было положено начало караванному пути из Китая на запад. «Великий шелковый путь» стали называть его впоследствии. Вначале по этому пути шли посольства и караваны, груженные товарами — золотом и железом, изделиями из китайского лака и бронзовыми зеркалами. Но главное место среди товаров занимал шелк. Тогда еще ни в одной стране не умели изготавливать шелковые ткани и даже не представляли себе, откуда берется для них пряжа. Думали, что его нити — волокна растений. Способ производства шелка китайцы держали в строгой тайне.

Приезжих купцов не пускали в Китай за пограничную Каменную Башню. Правители Китая строго охраняли свое право исключительной торговли шелком и не разрешали китайским хозяевам шелковых мастерских самим продавать свой товар.

Слава о китайском шелке распространилась далеко за пределы Китая. Даже в Риме патриции шили тоги из китайских шелковых тканей, а Китай они называли «Страною шелка».

Сухопутным путем шелк доставляли до морских портов. Там шелк перегружали на суда и далее везли по морю. Скупкой китайских изделий у Каменной Башни занимались бактрийские и парфянские купцы. Они же отправляли их дальше на запад и получали при этом большие барыши. Через их руки проходили и те товары, которые шли с запада в Китай.

Китайский император решил заняться продажей своих изделий без купцов, которые получали огромные доходы от торговли. Чтобы договориться о торговле с Римом, туда был отправлен по-

сол Гань Ин. Через много дней добрался Гань Ин до Парфянского царства, прошел дальше и достиг наконец берегов большого залива. Там нужно было пересесть на корабль и продолжать путешествие морским путем. Местные моряки-торговцы не хотели выпустить из своих рук торговлю китайскими товарами. Они начали пугать Гань Ина штормами и бурями на море, туманом и гибелью судов при кораблекрушении. Испугался Гань Ин ужасов, которые описывали ему мореходы, и вернулся домой. А купцы продолжали перепродавать китайские шелк и лак, железо и бамбук в обмен на товары из других стран.

ВОССТАНИЕ «ЖЕЛТЫХ ПОВЯЗОК»

Один китайский писатель, живший во II веке до н. э., рассказывал о жизни рабовладельцев в Китае:

«...В усадьбах знатных людей соединены вместе несколько сот домов... Их плодородные поля занимают всю землю, рабов и рабынь у них тысячи, а рабов-осужденных считают десятками тысяч. Их лодки, телеги и торгаши разъезжают кругом, терпят убытки и наживают, копят и прячут, полны ими столица и города. Драгоценных подарков и дорогих товаров не могут вместить огромные здания. Для табунов коней, для стад коров, баранов, свиней не хватает гор и долин... Мясо овец, коров и свиней не успевают съедать, и оно протухает. Вино чистое и густое не успевают выпивать, и оно прокисает...»

А в это же время сотни тысяч земледельцев и ремесленников вели жалкое существование и голодали. Рабы и слуги изнемогали от непосильной работы и никогда не ели досыта.

Однажды в Китае началась эпидемия чумы. И тогда появился в Шандуне исцелитель Чжан Цзио. Со всего Китая шли к нему люди. Больные верили в его чудесную силу, спасающую от страданий и гибели. Великий мудрец Чжан Цзио не только лечил болезни. Он учил всех, приходивших к нему, как изменить жизнь, уничтожить все, что мешает людям быть счастливыми и здоровыми.

«Тай пин дао» — «путь к великому равенству» — назвал он свое учение. Вот в чем оно заключалось.

«Синее небо» — это зло и насилие — должно быть уничтожено. Надо прогнать плохих правителей, а вместе с ними злых и корыстолюбивых чиновников. И тогда наступит «желтое небо» — то есть время великого счастья всего народа.

У Чжан Цзио были ученики. Восемь лучших из них послал Чжан Цзио во все концы Китая, чтобы проповедовать в народе его учение. В городах и селах, в рудниках и ремесленных мастерских, на работах по орошению полей, всюду, где собирались люди, выступали ученики Чжан Цзио и призывали свергнуть «синее небо», восстать и прогнать царя и его правителей.

Десять лет, в глубокой тайне, велась подготовка к восстанию. Во многих областях Китая уже насчитывались сотни тысяч последователей Чжан Цзио, готовых по первому приказу взяться за оружие. Все уже было готово, оставалось только назначить день выступления.

В древнем Китае считали годы по периодам в 60 лет. Когда кончался 60-й год одного периода, начинался новый, его первый год назывался «цзя-цзы». В 184 году н. э. начинался новый период летосчисления, и в его первый год — «цзя-цзы» — решил Чжан Цзио начать восстание. Во все концы был разослан об этом приказ. В каждом округе, говорится в одной китайской летописи, распространялись слухи о том, что «синее небо уже гибнет, должно установиться желтое небо», что «в год «цзя-цзы» в Поднебесной (так называли китайцы свою страну) воцарится великое счастье». И сторонники Чжан Цзио с нетерпением ждали наступления великой даты и повсюду на воротах и заборах, на дворах и храмах писали мелом иероглифы «цзя-цзы».

Армия повстанцев в несколько десятков тысяч человек была готова. Оставалось только договориться с несколькими придворными, приверженцами Чжан Цзио. Для переговоров в столицу Лоян отправился Ма Юань-и. Но среди учеников Чжан Цзио нашелся предатель. Он выдал императору все планы заговорщиков и назвал многие имена. Ма Юань-и был схвачен и казнен. Началось расследование. Более тысячи человек из царской стражи и жителей столицы казнили в Лояне.

Когда весть об этом дошла до Чжан Цзио, он во все округа разослал гонцов с приказом начать выступление, не дожидаясь «цзя-цзы». В один и тот же день восстали 360 тыс. человек. Каждый надел на голову желтую повязку в знак своей борьбы с угнетателями. Поэтому восстание рабов и бедняков 184 года н. э. называют «восстанием желтых повязок».

С каждым днем увеличивались ряды восставших. Пламя восстания полыхало почти по всей стране. Многие города были захвачены повстанцами. Восставшие открывали тюрьмы и выпускали арестованных, давали свободу рабам, поджигали здания судов и палат, казенных учреждений, забирали имущество у вельмож и рабовладельцев. Придворная знать и чиновники в ужасе бежали из городов, охваченных волной народного гнева.

В императорском дворце царили смятение и тревога. Не сразу удалось собрать силы и направить войска на подавление восстания. Вокруг столицы установили восемь застав из отборной императорской стражи.

Бои между повстанцами и войсками императора шли с переменным успехом, хотя против восставших действовали полководцы, хорошо обученные военному искусству. Они понимали, какую великую силу представляет собой восставший народ. «Если десять тысяч человек, решивших дорого отдать свою

жизнь, непобедимы, то тем более непобедимы сто тысяч», — говорил один из них.

И полководец Хуанфу Сун старался не допустить соединения отрядов повстанцев, не принимал открытого боя. Используя слабость военной подготовки восставших, Хуанфу Сун бил их отряды поодиночке.

Тяжелую утрату понесли восставшие, когда в осажденной крепости заболел и умер Чжан Цзю. А вслед за ним пали в боях оба его брата, принявшие на себя руководство дальнейшей борьбой. Только через год удалось Хуанфу Суну разгромить главные силы «желтых повязок». За это его наградили великими почестями и двумя областями с восьмью тысячами дворов.

Но все же, несмотря на разгром и жестокие казни, во многих местах продолжали действовать отряды «желтых повязок» и других повстанцев, носивших разные названия. Только после 20 лет упорных сражений рабовладельцам удалось подавить восстание. Но долго еще хранились в народе рассказы о мужественных людях, отдавших свою жизнь в борьбе за счастье народа.

УРАРТУ

Падение крепости Тейшебаини .	3
-------------------------------	---

ЕГИПЕТ

Франсуа Шампольон читает иероглифы	9
Египет — дар Нила	14
Потерянная пирамида	18
За порогами Нила	26
Судьба земледельца .	28
О чем писали Неферти и Ипувер	31
Рассказ египтянина Синухета	33
Поход на Мегиддо	40
В царской палате	47
«Тетради» египетских школьников	55
Из поучений писцам	57
Легенда об Осирисе	60

МЕЖДУРЕЧЬЕ

Три надписи на трех неизвестных языках	70
В долине Евфрата и Тигра	74
Дворец правителя Гудеа	76
Письма царя Хаммурапи	79
Бегом в школу	82
В рабстве за долги	86
Дур-Шаррукин — столица Ассирии	89
Библиотека Ниневийского дворца	95
Сказание «О все выдавшем»	99
Древние мореходы	107

ПЕРСИЯ

Письмо, зашитое в зайца	115
Завоевание Вавилона	120

Могущественная держава Дария	122
Надпись на Бисутунской скале	125

ИНДИЯ

Мохенджо-Даро — холм мертвых . . .	131
О чем рассказывают древние книги Индии	134
Эпос древней Индии — «Махабхарата» и «Рамаяна»	137

КИТАЙ

Мифы древнего Китая	153
Обучение воина . . .	157
Великая китайская стена	159
Путь шелка	162
Восстание «желтых повязок»	164

Ревекка Ионовна Рубинштейн

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Книга для чтения

Редактор **В. С. Свиткова**
 Обложка художника **Л. Е. Безрученкова**
 Художественный редактор **А. Ф. Сергеев**
 Технический редактор **Т. Н. Зыкина**
 Корректор **Р. Ю. Грошева**

Сдано в набор 19/IX 1972 г. Подписано к печати 7/IV 1974 г. 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 2. Печ. л. 10,5. Уч. изд. л. 10,92. Тираж 100 тыс. экз. А05078. Зак. 643.

Издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ярославль, ул. Свободы, 97. Цена 27 к.

27 к.

